This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

2718

СИЛУЭТЫ КРЫМА

ИЗЪ ПУТЕВОЙ КНИЖКИ

А. Н. Нилидина.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ БИБЛІОТЕКА ФАКУЛЬТЕТ Л Г У

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1884.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

2798

СИЛУЭТЫ КРЫМА

ИЗЪ ПУТЕВОЙ КНИЖКИ

А. Н. Нилидина.

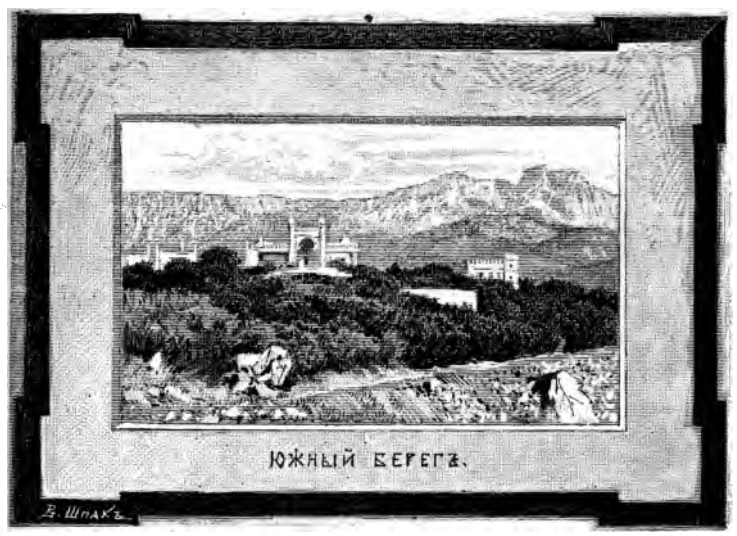
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ БИБЛИОТЕКА ФАКУЛЬТЕТ Л. Г. У.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1884.

СИЛУЭТЫ КРЫМА.

ИЗЪ ПУТЕВОЙ КНИЖКИ

А. Н. Нилидина.



ЮЖНЫЙ БЕРЕГЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1884.

ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ
ШРЕДЕРА.
Гороховая улица, домъ № 49.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Отъ автора 1

Деревня Саки.

Теорія и практика жизни 7

На террасѣ 12

Евпаторія.

Майнакское озеро въ перспективѣ 17

Крымская наяда 22

Мимолетное знакомство 24

Восточный базаръ 28

Севастополь.

Въ Севастопольской бухтѣ 37

За столомъ «Grand Hotel» 41

Картина Севастополя 44

Монастыри Херсонесскій и Георгіевскій 48

Инкерманъ—пещерный городъ 52

Балаклава.

Балаклавскія достопримѣчательности 57

Байдары.

Байдарская долина 66

Убійство и грозная кара 69

Байдарскія ворота 74

Южнобережское шоссе.

Грезы въ полуснѣ 79

Симеизъ.

Крымская легенда 87

Хрустальный дворецъ 92

Идейная порнографія 99

Симеизская Аркадія 104

Лимены.

Прогулка въ Лимены 110

Импровизированная лекція о виноградномъ леченіи 115

На сонъ грядущій 123

Мисхоръ. *Стр.*
У хлѣба да безъ хлѣба. 126
Между Сциллой и Харибдой 131
Алупка.
Погромы мирной войны. 137
Перевалъ черезъ Яйлу.
Сборы въ путь 145
Шайтанъ-Мердвенъ 148
На вершинахъ Яйлы. 150
Деревня Скели. 153
Горная татарка. 154
Сонъ въ деревнѣ Скели. 156
Опять на вершинахъ Яйлы. 160
Южный берегъ.
Видъ съ моря. 166
Всѣ мы жаждемъ. 172
Всероссійскіе Робинзоны и курорты въ Крыму 180
Ялта.
Утренній эскизъ. 185
Три сосѣдки. 191
Прогулка по Ялтѣ 195
Въ капище Мамона 198
На плюшкѣ среди волнъ 201
Гурзуфъ. 208
По окрестностямъ Ялты 213
Засѣданіе Ялтинской городской думы. 218
Водопадъ Учунь-Су 226
Нѣсколько словъ на прощанье, къ читателю 229
ПРИЛОЖЕНІЕ.
Экскурсія въ область медицины за массажемъ.
Исторія массажа. 232
Микроскопическая война на жизнь и смерть 235
Какъ дѣйствуетъ массажъ. 237

ОТЪ АВТОРА.

Первый мой литературный трудъ о Сакскихъ цѣлебныхъ грязяхъ и Евпаторійскихъ морскихъ купаньяхъ, появившійся въ печати въ прошломъ году, былъ принятъ публикой благосклонно — и даже слишкомъ благосклонно.

Хотя и говорятъ, что авторское самолюбіе ненасытно и не удовлетворяется даже обильно расточаемыми похвалами, но я, должно быть, еще не вошелъ во вкусъ этого пріятнаго блюда и остался очень доволенъ тѣмъ, что выпало на мою долю въ журналахъ и газетахъ. Набросанные мною очерки и картинки все-таки не остались безъ пользы и познакомили многихъ читателей съ внутреннею жизнью на этихъ русскихъ курортахъ и выяснили нѣкоторыя стороны, гдѣ наиболѣе желательны улучшенія.

Сакскія минеральныя грязи принесли мнѣ такую пользу, на которую была только очень слабая надежда. Я былъ вполнѣ доволенъ состояніемъ моей ноги—воспаленіе надкостницы исчезло въ продолженіе одного лѣтняго курса леченія грязями и морскими купаньями. Требовать большаго, значило бы переходить границы физической возможности. Однако, слѣды бывшей болѣзни оставались еще замѣтными и давали еще себя чувствовать во время ходьбы, въ видѣ ощущенія какой-то неловкости.

Меня уже ранѣе предупреждали, что повтореніе курса такого леченія будетъ необходимо, если не на слѣдующее лѣто, то черезъ годъ. Вотъ это слѣдующее лѣто уже наступало; вопросъ: ѣхать или не ѣхать—переставалъ быть индифферентнымъ.

Чтобы окончательно принять то или другое рѣшеніе, я отправился къ своему другу и пріятелю, совѣтами котораго я всегда особенно дорожу.

— Ѣхать непремѣнно слѣдуетъ, отвѣчалъ онъ категорически: — во-1-хъ, для ноги, какъ вы уже сами хорошо понимаете почему; гораздо выгоднѣе заранѣе укрѣпить слабый пунктъ организма и предупредить возвратъ болѣзни, чѣмъ, откладывая въ долгій ящикъ, рисковать нажить этотъ возвратъ, и во-2-хъ, что еще болѣе важно — для головы, о которой тоже не мѣшаетъ подумать.

— Какъ для головы? удивился я.— Моя голова пока еще, кажется, въ порядкѣ! и я въ недоумѣніи даже потеръ себѣ лобъ.

— Ну, нѣтъ! не говорите такъ самоувѣренно. Постоянныя дѣла, засѣданія, а въ особенности канцелярская работа, нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ, не проходятъ безнаказанно. У васъ-таки теперь сталъ замѣтенъ канцелярскій склерозъ мозга, или, по-просту по-русски, канцелярское одеревененіе мозга.

— Вотъ разодолжили, нечего сказать! расхохотался я. — Пока еще ни одинъ докторъ не діагносцировалъ у меня такой болѣзни.

— Когда діагносцируетъ эту болѣзнь докторъ, продолжалъ онъ спокойнымъ тономъ:—тогда уже будетъ поздно. У васъ и безъ того есть нѣкоторая способность наблюдателя-протоколиста, а какъ поразвить этотъ талантъ канцелярскимъ образованіемъ высшей школы, то и выйдетъ изъ васъ въ скоромъ времени тотъ деревянный человѣкъ, который является идеаломъ въ канцелярской атмосферѣ жизни, но который ни къ чорту не нуженъ въ живомъ общественномъ дѣлѣ. Безвыходная нужда, конечно, заставляетъ человѣка броситься подъ колесо идола—жизни, чтобъ быть изувѣченнымъ; ну, а вамъ-то быть добровольцемъ...

— Положимъ, отвѣчалъ я въ раздумьи:—провѣтрить голову отъ канцелярской чуши дѣйствительно будетъ очень

полезно, да вѣдь вы же сами знаете, толку будетъ очень мало, если просидѣть недѣли двѣ въ пустынной Сакской грязелечебницѣ, а потомъ мѣсяца полтора, допустимъ даже, въ самомъ оживленномъ пунктѣ Крыма, въ Ялтѣ! Просидѣть все время даже въ такомъ пунктѣ будетъ слишкомъ слабое лекарство противъ канцелярскаго склероза мозга!

— Да кто же васъ заставляетъ сидѣть въ одномъ мѣстѣ — да еще въ нашъ вѣкъ всеобщей мобилизаціи! Народныя массы мобилизированы въ арміяхъ войскъ и рабочихъ. Всѣ произведенія земли мобилизированы уже давно съ большимъ успѣхомъ; всѣ произведенія рукъ и ума человѣка тоже. Мобилизація брака достигла широкихъ размѣровъ, и мобилизированный бракъ возникаетъ повсюду, получаетъ право гражданства и приводитъ отставшій судъ въ смущеніе при разборѣ дѣлъ о многобрачіи съ женитьбой при каждомъ переѣздѣ. Про мобилизацію всяческихъ выставокъ и говорить нечего. Мобилизированная совѣсть становится новою религіей. Даже дѣвственная платоническая любовь, и та нашла себѣ способъ мобилизироваться, принявъ форму или лесбійской любви, или чортъ знаетъ чего такого! — такъ отчего же вамъ не сдѣлаться мобилизированнымъ паціентомъ?

— То-есть?.. что вы хотите сказать этимъ? переспросилъ я его.

— А то, что вамъ нѣтъ никакой надобности послѣ Сакскихъ грязей сидѣть на одномъ мѣстѣ. Пріѣхали вы, положимъ, напримѣръ, въ Ялту на морскія купанья, ну и купайтесь день—другой, а на третій день, послѣ утренняго купанья, можно переѣхать въ другое мѣсто и вечеромъ купаться тамъ. Понравится — пробыть тамъ денекъ-другой, а затѣмъ опять такимъ же манеромъ переѣхать въ новое мѣсто и т. д. и т. д.

Мысль эта мнѣ очень понравилась. Дѣйствительно, составъ морской воды въ различныхъ мѣстностяхъ Крыма,

можно сказать, одинаковъ по отношенію своего дѣйствія на организмъ человѣка. Ничтожная разница въ процентномъ содержаніи солей можетъ имѣть интересъ только въ глазахъ естествоиспытателя и химика. Разница въ температурахъ воды не выходитъ изъ предѣловъ обычныхъ суточныхъ колебаній температуры въ любомъ пунктѣ Крымскаго полуострова. Послѣ такого оригинальнаго совѣта, я, все-таки, для очистки совѣсти, переговорилъ съ врачами; они, съ своей стороны, ничего не нашли такого, что можно было выставить противъ мобилизированнаго леченія морскими купаньями, и такимъ образомъ я дѣйствительно превратился въ мобилизированнаго паціента.

Послѣ Сакскихъ грязей курсъ леченія морскими купаньями продолжался у меня со всею строгостью и регулярностью, хотя во время этого курса я исколесилъ Крымъ, какъ говорится, вдоль и поперегъ.

Я остался очень доволенъ и своею поѣздкой, и результатами леченія. Цѣлая масса самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній прелестной, окружающей васъ въ Крыму природы и отъ столкновенія съ людьми, стекающимися сюда съ всѣхъ концовъ Россіи — дѣйствительно производятъ такое освѣженіе головы, такъ сильно вентилируютъ ее отъ всякой чуши, неизбѣжно накопляющейся подъ вліяніемъ дѣловой кабинетной и канцелярской работы, что я чувствовалъ себя послѣ этой поѣздки въ Крымъ совершенно обновленнымъ человѣкомъ.

Въ Крыму, въ свободныя минуты, я набрасывалъ на память все, что оставляло во мнѣ какой-либо слѣдъ впечатлѣнія и оживляло на время дѣятельность моего мозговаго аппарата. Эти замѣтки предназначались мною храниться подъ спудомъ и служить лишь тогда, когда онѣ понадобятся, для освѣженія моихъ воспоминаній и впечатлѣній. Для публики же я задумывалъ издать серьезный трудъ о Крымскомъ полуостровѣ въ историческомъ, этнографическомъ, топографическомъ, археологическомъ, тео-

логическомъ, телеологическомъ, бальнеологическомъ, геологическомъ и всякомъ другомъ ическомъ и даже порнографическомъ отношеніяхъ.

Вернувшись въ Петербургъ, я въ свободные часы принялся-было за осуществленіе своего задуманнаго обширнаго плана и даже написалъ-было нѣсколько главъ своего творенія, долженствовавшаго обезсмертить мое имя. Но по волѣ злого рока, я повезъ ихъ все къ тому же своему другу и пріятелю; повезъ съ единственною цѣлью заставить его измѣнить свое мнѣніе на счетъ канцелярскаго склероза въ моей головѣ, и потому вручилъ ему начало своего произведенія для прочтенія.

Черезъ нѣсколько дней,—не утерпѣлъ, — заѣхалъ къ нему, чтобы узнать, какъ онъ нашелъ мое произведеніе. Я былъ увѣренъ, что услышу очень лестный для себя отзывъ.

— Ничего, прекрасно, прекрасно... заговорилъ онъ спокойнымъ тономъ.

Я былъ въ восторгѣ и уже задумывалъ издать свое твореніе въ золотообрѣзномъ переплетѣ.

— Но только... продолжалъ онъ:—мнѣ кажется несовсѣмъ удобнымъ преподносить благосклонной публикѣ вареныя бревна или полѣнья, вмѣсто спаржи...

— Вотъ тебѣ и разъ! только и могъ проговорить я на такой отзывъ.

— За такой трудъ, продолжалъ мой палачъ:—нужно браться тогда, когда сначала проработаешь надъ нимъ нѣсколько лѣтъ, а понадерганныя изъ разныхъ сочиненій чужія изслѣдованія, непереваренныя собственною головой, такъ и останутся чужими. Правда, изъ разныхъ обрѣзковъ сшиваютъ стеганыя одѣяла, но въ литературѣ такія стеганыя одѣяла не цѣнятся высоко, да тѣмъ болѣе, когда еще неизвѣстна самая чистота и достоинство происхожденія понадерганныхъ кусочковъ...

— Такъ что же мнѣ теперь дѣлать?.. вскрикнулъ я невольно.

— Очень просто: похоронить на время свое твореніе, а издать, не мудрствуя лукаво, свои замѣтки и воспоминанія.

— Но вѣдь такіе замѣтки и очерки, въ видѣ какихъ-то туманныхъ силуэтовъ, нельзя же подносить публикѣ! Какой тутъ для нея интересъ?

— Это уже дѣло публики. Она найдетъ интересъ читать и силуэты Крыма, если только въ нихъ отразится дѣйствительная жизнь съ ея никогда неувядаемою прелестью и съ ея вѣчно новыми обыденными явленіями. Ну! продолжалъ онъ, подумавъ: —а если публика даже отнесется и неблагосклонно къ вашему труду, то не тужите. Вы все-таки будете удовлетворены, избавившись навѣрняка отъ канцелярскаго склероза мозга. Я знаю, что вы ежедневно аккуратно уже нѣсколько лѣтъ занимаетесь гимнастикой. Гимнастика тѣла —вещь отличная, но не менѣе ея необходима и гимнастика ума и воображенія; послѣднюю гимнастику и доставитъ вамъ ваша литературная работа.

Я не съумѣлъ ничего возразить на это и въ раздумьи уѣхалъ домой.

Однажды, свободнымъ вечеромъ я вздумалъ перерыть свои путевыя замѣтки. И вотъ, когда я пробѣгалъ свои легкіе наброски, то все пережитое мною въ Крыму живыми образами воскресало передо мною отдѣльными отрывками, отдѣльными силуэтами.

— Да! думалъ я:—правъ, какъ всегда, мой уважаемый другъ! Чего, въ самомъ дѣлѣ, можно требовать и ожидать отъ бивуачной жизни мобилизированнаго паціента, кромѣ силуэтовъ, ничѣмъ между собою несвязанныхъ, кромѣ того, что они были сняты однимъ и тѣмъ же моимъ мозговымъ аппаратомъ, и набросаны на бумагѣ одною и тою же рукой!..

Пусть будетъ такъ! Силуэты, такъ силуэты... меньше авторскихъ претензій, за то и меньше можетъ быть требованій со стороны публики, рѣшилъ я... и... выпустилъ ихъ въ свѣтъ.

Теорія и практика жизни.

Вотъ я снова въ полуснѣ сакской жизни. Снова колесо жизни начинаетъ двигаться монотоннымъ, размѣреннымъ темпомъ, а между тѣмъ, время въ Сакахъ пролетаетъ съ такою же быстротою, какъ и вездѣ. Утромъ прогулка и болтовня, днемъ до двухъ часовъ — ванна и потѣніе, затѣмъ обѣдъ, чай, ужинъ, и рано, рано спать.

Сегодня—какъ вчера, завтра будетъ, какъ сегодня, послѣ завтра то же самое и т. д. Минутами тоскливо... и тянется тогда время такъ несносно долго, въ особенности для нетерпѣливыхъ, но весь курсъ для всѣхъ пролетаетъ быстро, какъ сонъ.

Кругомъ растительность пустыни. На площадкѣ передъ террасою гостинницы грязелечебницы торчатъ немногія деревца мелкорослыя, худосочныя, искривленныя, какъ бы утѣшающія своимъ искалѣченнымъ видомъ обитателей грязелечебницы; «не одни, молъ, вы страдаете; страдаемъ и мы, рожденныя на худосочной почвѣ, среди всяческихъ лишеній и

неразумнаго ухода за нами въ дѣтствѣ!» Трава мелкая, сухая, сѣро-зеленая, колючая, преимущественно репье.

Но все же хорошо бродить утромъ по этой пустынѣ, въ этой зеленоватой безмолвной степи! Многое встаетъ въ памяти, въ воображеніи, когда бредешь въ безмятежной утренней тиши подъ густою, яркою синью небеснаго свода.

Какъ жизнь ни коротка, какъ ни чередуются быстро и радости и печали, какъ ни мелькаютъ увлеченія, любовь, успѣхи, неудачи, но по желанію ничто не забывается! Забвенье прошлаго—особый даръ природы, который не всякому дается и котораго такъ напрасно Манфредъ просилъ у духа. Едва остаешься наединѣ, въ тиши, какъ помимо воли и желанія переносишься въ міръ, давно пережитый, давно, кажется, забытый. Безъ сожалѣній о минувшемъ—я сожалѣній не люблю—а просто по какой-то инерціи мысли, назадъ, къ былому.

Все тѣ же Саки! Ничто не измѣнилось съ прошлаго лѣта. Многообѣщавшіе доклады таврической губернской земской управы, наполненные прекрасными желаніями и намѣреніями коренныхъ преобразованій грязелечебницы, пока остались желаніями, пригодными развѣ ремонтировать въ аду тотъ полъ, который, по старинной поговоркѣ, вымощенъ именно прекрасными желаніями и намѣреніями.

Лихорадочная поспѣшность къ выполненію намѣченныхъ преобразованій, которую такъ усердно рекомендовала управа земскому собранію, повидимому, разрѣшена этимъ послѣднимъ въ духѣ русской пословицы: «тише ѣдешь дальше будешь», «въ особенности же отъ того мѣста, куда ѣдешь», прибавляютъ нѣкоторые. О правительственной ссудѣ пока ни слуху, ни духу; къ займу же въ банкахъ или у частныхъ лицъ земство прибѣгать боится, а своихъ денегъ нѣтъ, ну, и выходитъ, куда ни кинь—все клинъ .. что же тутъ дѣлать?!

— Но почему же вы боитесь займа? спросилъ я предсѣдателя земской управы, когда онъ осматривалъ грязелечебницу.

— Да вѣдь тогда надо платить проценты и погашенія; слѣдовательно, надо разложить этотъ новый расходъ на больныхъ, а земство не признаетъ этого для себя удобнымъ, отвѣчалъ онъ мнѣ.

— Невозможно! совсѣмъ невозможно-съ! подтвердилъ слова предсѣдателя одинъ изъ сакскихъ курсистовъ-старожиловъ.— Публика теперь только-что избавилась отъ эксплоататорства арендатора и вдругъ земство опять начнетъ попрежнему эксплоатировать больныхъ, станетъ увеличивать плату! Этого не слѣдуетъ допускать ни при какихъ улучшеніяхъ грязелечебницы!

— И выходитъ, тѣхъ же щей, да пожиже влей! думалось мнѣ. Но довольно объ этомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какое больнымъ до того дѣло, кто тамъ завѣдуетъ, земство-ли, казна-ли, частное-ли лицо?!—«Жить въ Сакахъ можно?» спрашиваютъ ихъ.—«Да можно», отвѣчаютъ хоромъ паціенты.—«А грязи пользительны?»—«Очень, и даже очень!» восклицаютъ они.—Слѣдовательно, о чемъ же и толковать?!

Среди вновь пріѣзжихъ въ Саки паціентовъ попадались и прошлогодніе курсисты. Вотъ на встрѣчу мнѣ идетъ, покряхтывая, богородскій купецъ.

— Ну! что вы? Какъ? спрашиваю я его послѣ обычныхъ привѣтствій.

— Да что, милый человѣкъ, опять влопался... простудился, какъ только пріѣхалъ домой! Дѣльце осенью встрѣтилось, поѣхалъ это на лодкѣ, плотину прорвало... ну и разсказывать нечего... махнулъ онъ рукой.—Нынѣшній годъ, ужь если Бѣгъ сподобитъ, ваннъ двадцать закачу, домой пріѣду—на улицу не выйду мѣсяца три, вотъ какъ теперь лечиться начну...

Еврей, который прошлымъ лѣтомъ былъ согнутъ въ дугу, тоже тутъ и ходитъ молодцомъ. Еще попадаются кое-кто изъ прошлогднихъ. Общій результатъ все-таки, повидимому: «ни два, ни полтора».

— Отчего это у многихъ такъ туго идетъ выздоровленіе? спрашиваю я доктора Миняттъ.

— Ищите сифилисъ, отвѣчалъ онъ лаконически.

Одинъ извѣстный французскій судебный слѣдователь въ каждомъ преступленіи искалъ женщины, и, говорятъ, находилъ; отчего же не искать женщины и сакскому врачу въ каждомъ трудномъ случаѣ болѣзни, подумалъ я.

Я началъ брать грязевыя ванны. Обстановка и процедура

ихъ тѣ же. Обжегся при первой ваннѣ попрежнему, и потѣлъ тоже попрежнему.

На второй ваннѣ, когда, ожидая своей очереди, я стоялъ въ одѣяніи бенедиктинскаго монаха, ко мнѣ нежданно-негаданно подошелъ прошлогодній евпаторійскій знакомецъ, докторъ Поспишиль, бывшій прежде много лѣтъ арендаторомъ сакской грязелечебницы. Мы съ нимъ встрѣтились какъ добрые пріятели.

— Какими судьбами, спрашиваю:—попали вы-то въ Саки?

— А вотъ! указалъ онъ на своего спутника, молодаго человѣка съ бѣлокурыми усами.—Привезъ коллегу представить доктору Миняттъ. Это, рекомендую вамъ, г-нъ Т—нъ, шведъ, массёръ изъ Москвы; онъ желалъ бы примѣнить массажъ къ паціентамъ сакской грязелечебницы, затѣмъ и пріѣхалъ сюда на время курса.

— Прекрасно! обратился я къ массёру.—На мнѣ первомъ, если угодно, можете показать свое искусство. Если первый сеансъ мнѣ придется по вкусу, то будемъ продолжать.

— Не лучше-ли вамъ прежде посовѣтоваться съ докторомъ Миняттъ, замѣтилъ мнѣ Поспишиль.

— Къ чему? Массажъ мнѣ вещь извѣстная; я довольно много о немъ читалъ Свою болѣзнь я уже знаю хорошо; моя болѣзнь ноги чисто мѣстная, и потому, если пріемы массажа у г-на Т—на правильны, то можно ожидать, что польза будетъ, а если не будетъ пользы, то не будетъ, во всякомъ случаѣ, вреда

Чтобы не тратить даромъ времени, я тутъ же условился съ массёромъ промассировать мою больную ногу въ тотъ же день послѣ ванны и потѣнія.

Первый опытъ удался какъ нельзя лучше, пріемы массёра несомнѣнно свидѣтельствовали въ немъ знатока своего дѣла.

На этомъ сеансѣ присутствовали докторъ Миняттъ съ своимъ ассистентомъ; оба они тоже остались довольны и обѣщали подумать о примѣненіи массажа въ грязелечебницѣ. Но... на этомъ обѣщаніи подумать дѣло и остановилось. Массажъ не привился къ грязелечебницѣ. Не привился онъ вслѣдствіе осторожности доктора Е. Л. Минятта, доходящей иногда до крайней щепетильности. Это дало даже поводъ одному изъ его па-

ціентовъ, недурно рисовавшему карандашемъ, набросать карикатуру, въ которой фигурировалъ громадныхъ, геркулесовскихъ размѣровъ паціентъ-татаринъ передъ слегка согбеннымъ докторомъ Миняттъ, съ такою подписью:

«Позволъ минэ еще одна грязная ванна».

— Нельзя, нельзя вамъ! отвѣчаетъ докторъ Миняттъ:—вы вѣдь очень слабой комплекціи.

Осторожность доктора Минятта, конечно, отчасти понятна.

Живя постоянно въ провинціи, онъ не имѣлъ случаевъ наблюдать леченія массажемъ; экспериментовъ же надъ больными онъ дѣлать не рѣшался, какъ видно, вслѣдствіе незнакомства своего съ научно-теоретическою стороной леченія массажемъ А это жаль! Литература о массажѣ уже довольно обширная и польза его примѣненія къ леченію нѣкоторыхъ болѣзней не подлежитъ сомнѣнію, въ особенности въ мѣстныхъ болѣзняхъ, которыя туго излечиваются сакскими грязями.

Въ Евпаторіи были замѣчательные случаи облегченія болѣзней при леченіи массажемъ. О себѣ я уже не говорю: моя болѣзнь—воспаленіе надкостницы голѣни, была на исходѣ, и массажу оставалось дать только толчекъ къ окончательному разрѣшенію болѣзни.

Но каковъ былъ этотъ толчекъ! Черезъ пять сеансовъ я уже почувствовалъ, какъ нога рѣшительно освобождалась отъ того препятствія, которое постоянно замѣчалось мною при ходьбѣ. Т—нъ много разсказывалъ мнѣ о поразительныхъ случаяхъ успѣха пользованія болѣзней массажемъ въ шведскихъ курортахъ, напримѣръ, въ Лука и Сэтра, гдѣ больныхъ массируютъ въ ваннѣ минеральною грязью, и онъ утверждалъ возможность такого же примѣненія массажа на сакскихъ грязяхъ.

Но, къ сожалѣнію, сакскіе врачи оказались плохими теоретиками и хорошими консерваторами. Они прямо, не прибѣгая къ испытанію и изслѣдованію, стали отрицать эту возможность на томъ только соображеніи, что въ шведскихъ курортахъ грязь—мягкій илъ, а сакская грязь заключаетъ въ себѣ массу твердыхъ частичекъ; между тѣмъ, даже не учившемуся въ семинаріи извѣстно, что твердыя частицы сакской грязи легко отдѣлимы и приготовленіе грязи безъ этихъ твер-

дыхъ комочковъ не представило бы затрудненій Даже еслибы этотъ пріемъ массированія грязью въ Сакахъ былъ дѣйствительно невозможенъ, то и тогда массажъ можетъ быть примѣняемъ одновременно съ грязными ваннами или съ ропными ваннами; про совмѣстное же употребленіе его съ морскими купаньями и говорить нечего. Само собою разумѣется, что массажъ долженъ быть въ рукахъ образованнаго спеціалиста, а не въ рукахъ тѣхъ нашихъ доморощенныхъ массёровъ, которые настолько же имѣютъ право на названіе массёровъ, насколько штукатуръ на названіе скульптора. Неудачные опыты такихъ самоучекъ массёровъ, производившіеся въ Петербургѣ въ прежнее время надъ больными, заставили многихъ изъ русскихъ врачей долгое время относиться скептически даже къ раціональности самаго принципа массажа Впрочемъ, то же самое было и съ врачебною гимнастикой, которая только въ недавнее время сломила предубѣжденіе русскихъ врачей и заняла почетное мѣсто въ ряду способовъ леченія весьма многихъ болѣзней. Нужно ожидать, что и массажъ въ скоромъ времени завоюетъ себѣ такое же почетное мѣсто.

На террасѣ.

Я взялъ десять грязныхъ ваннъ и мнѣ оставалось только принять нѣсколько отходныхъ—ропныхъ ваннъ.

— На водопой отправляетесь? встрѣтилъ меня утромъ на террасѣ больной купецъ.

— На водопой, со смѣхомъ отвѣчалъ я, понявши, что подъ водопоемъ купецъ разумѣетъ отходныя ропныя ванны.

— Ну, а вы какъ? Въ мореплаваніе? переспросилъ я его въ свою очередь.

— Куда угодно-съ! проговорилъ онъ и фертомъ отступилъ шага на два.—Сегодня въ послѣдній разъ поварятъ меня въ крутую-съ, а затѣмъ-съ... куда угодно!

— Вы сколько ваннъ взяли? обратился къ купцу курившій коротенькую трубку паціентъ.

— Шестнадцать-съ.

— Вотъ изволите видѣть, какая несправедливость! Я изъ Уфы, за три тысячи верстъ сюда пріѣхалъ, а мнѣ дали всего только шесть ваннъ и говорятъ тебѣ, ни съ того, ни съ сего, довольно. Я отлично переношу ванны, ни малѣйшихъ дурныхъ симптомовъ, а все-таки, больше не даютъ.

— Да, можетъ быть, вамъ нельзя.

— Да почему же нельзя-то-съ? Вѣдь можно бы, наконецъ, намекомъ объяснить, почему нельзя. А то вдругъ нельзя да нельзя, и дѣлу конецъ! Мало того: въ конторѣ ужь получено увѣдомленіе отъ докторовъ, что я выѣзжаю послѣ завтра и что № мой свободенъ и можетъ быть отданъ очереднымъ!

— Эхъ-ма! улыбнулся мнѣ купецъ.—Можно бы эту басню лучше пояснить, да чтобъ гусей не раздразнить.

— Съ праздникомъ-съ! обратился купецъ къ маленькому, приземистому, угрюмому больному, входившему на террасу съ войлочною шапкой на головѣ, съ повязанною толстымъ шарфомъ шеей, въ короткомъ сѣромъ пиджакѣ и въ брюкахъ, засунутыхъ въ высокіе смазные сапоги.

Вошедшій угрюмо покосился на купца.

— Съ какимъ-съ съ праздникомъ-съ, позвольте васъ спросить-съ? проговорилъ онъ угрюмо, передразнивая купца.

— Съ воскресеньемъ-съ!

— А я васъ хочу спросить-съ, когда здѣсь будни-то бываютъ?!!..

— Ха, ха, ха! разразился хохотомъ купецъ:—это мнѣ нравится! это вы вѣрно-съ вопросикъ мнѣ поставили.

Въ это время изъ дверей террасы выглянула голова ассистента.

— Пожалуйте, обратился ассистентъ съ улыбкой къ угрюмому больному:—ко мнѣ въ номеръ—крови вашей хочу!

— Сейчасъ-съ, отвѣчалъ тотъ.—Учатся надъ нашимъ братомъ-съ! Что ты будешь дѣлать! вздохнулъ онъ глубоко.

— Хе, хе, хе! вдругъ засмѣялся онъ, впрочемъ, довольнымъ тономъ, обращаясь ко мнѣ.—По милости только однихъ докторовъ-съ я и здѣсь-то! Да еще какихъ докторовъ-то-съ, зна-

менитостей-съ! Нашли у меня нервное разстройство-съ, а у меня нервы, что твой контрабасъ; нужно смычекъ въ оглоблю, чтобы мои нервы загудѣли. Дряни этой изъ латинской кухни что̀ повыпилъ я—страсть! Въ Ессентуки-съ прошлымъ лѣтомъ посылали. Пріѣхалъ туда. Пошелъ, нарочно, самъ лично посмотрѣть... подъ ключемъ-ли источникъ? Смотрю, точно подъ ключемъ.

— То-есть, какъ же это подъ ключемъ? удивился я.

— Мало-ли въ Ессентукахъ-съ-то прѣсной воды! усмѣхнулся больной.—А я человѣкъ недовѣрчивый вообще, а къ докторамъ-съ сомнѣніе питаю наипаче.

— Да!.. Для этого развѣ! Что же, невѣрно была опредѣлена у васъ болѣзнь? спросилъ я.

— Невѣрно-съ, отрывисто сказалъ онъ.—Пользу и здѣсь я врядъ-ли получу-съ, нерѣшительно проговорилъ онъ и вопросительно взглянулъ на меня.

— Да, въ ваши годы трудно и выздоровѣть, замѣтилъ кто-то изъ больныхъ.

— Какъ-съ?! быстро обернулся къ нему больной.—Почему же вы можете предполагать, что я не выздоровлю? Выздоровѣть каждый можетъ съ, раздраженно повысилъ голосъ больной.

— Да вѣдь вы же сами только-что говорили, что сомнѣваетесь, что получите здѣсь какую нибудь пользу, возразилъ ему больной.

— Я сомнѣваться могу-съ на словахъ, а въ душѣ-то я, быть можетъ, надежду питаю-съ. Почемъ вы знаете? Какое же у васъ право обезкураживать меня? Послѣ этого вы со мной больше и не разговаривайте-съ, грозно проговорилъ больной и, хлопнувъ дверью, пошелъ въ номеръ ассистента отпускать кровь для анализа.

Пріѣздъ массёра Т—на давалъ тему для разговоровъ.

— Что это за массажъ за такой? обратилась однажды бальзаковская дама-паціентка къ сидѣвшему съ нею рядомъ на террасѣ молодому человѣку.

— Массажъ-то что такое? съ улыбкой проговорилъ онъ.—Гм!.. а это, знаете, какъ бы вамъ сказать, пощупываніе, поглаживаніе и поколачиваніе въ разныхъ мѣстахъ тѣла рукой.

— Однако, вы, кажется, опять, принимаетесь за глупости! надувши губки и пожавъ плечами, проговорила дама.

— Нѣтъ-съ! напрасно вы такъ думаете, я говорю серьезно и я вамъ сейчасъ это докажу.

— Ну, сомнительно! дама покачала головой.—Собственно для чего же это дѣлаютъ?

— Очень понятно, для чего! заговорилъ молодой человѣкъ.— Для больныхъ въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ массажъ можетъ принести большую пользу и даже вылечить, а для здоровыхъ онъ можетъ доставить массу наслажденій и въ придачу, какъ говоритъ Т—нъ, пластичность формамъ и гибкость членамъ.

— Больше я съ вами разговаривать не стану послѣ этого, разсердилась дама и, подсѣвъ ко мнѣ, спросила: вы слышали, что онъ мнѣ сейчасъ говорилъ?

— Слышалъ, говорю.

— Положимъ, это все глупости, что онъ говоритъ, но...

— Нѣтъ, вѣрно.

— Какъ вѣрно? удивилась заинтересованная барыня.

— Такъ, вѣрно! разсмѣялся я.—Видите-ли! Утомленіе, вялость и даже большинство мѣстныхъ болѣзней обусловливается въ организмѣ человѣка различными застоями крови и завалами, которые выражаются то въ формѣ какихъ-нибудь припухлостей, узловъ, то въ видѣ какихъ-нибудь отвердѣлыхъ желѣзъ. По крайней мѣрѣ такъ объясняютъ врачи, и если эти припухлости или застои разогнать, то тогда исчезнутъ и утомленіе, и вялость, и самая болѣзнь. Представьте, напримѣръ, вашъ ребенокъ ударится лбомъ о дверь и у него вскочитъ на лбу шишка,—которая и вскакиваетъ—то отъ того, что отъ удара дѣлается подтекъ крови, вы тогда навѣрное положите на вскочившую шишку серебряную ложку или мѣдную монету, и, надавливая слегка, постепенно уничтожаете опухоль. Тутъ дѣйствуетъ холодъ металла и давленіе; давленіемъ вы заставляете кровяной подтекъ всосаться, и, какъ говорится, разгоняете его. Въ томъ же самомъ заключается и массажъ. Понятно, что при разминаніяхъ всѣхъ частей тѣла, даже у здороваго человѣка оживляется жизнедѣятельность всего организма, кровь начинаетъ обращаться легче, правильнѣе; мускулы начинаютъ питаться кровью луч-

ше, обильнѣе, отъ этого чувствуется особая легкость и гибкость во всѣхъ членахъ...

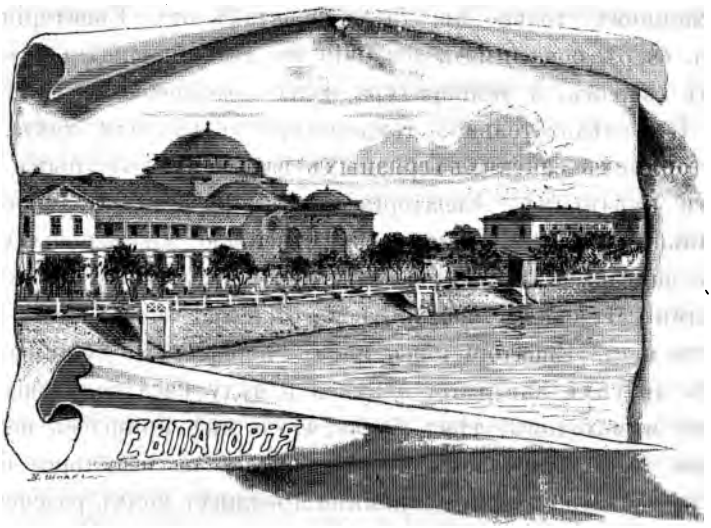
— Скажите! какъ это интересно!. произнесла въ раздумьи барыня.—Это, значитъ, можетъ быть очень полезно для здоровья, а мнѣ говорили, что массажъ вздоръ. Недурно бы испытать!..

— Вы вотъ все не вѣрите мнѣ, а я для васъ ѣздилъ даже нарочно третьяго дня къ массёру въ Евпаторію, замѣтилъ съ упрекомъ молодой человѣкъ.

— Какъ для меня? спросила съ изумленіемъ дама.

— А какъ же не для васъ? Я убѣжденъ, что для вашей болѣзни массажъ безподобное средство. Поэтому, я съѣздилъ нарочно въ Евпаторію, чтобы Т—нъ мнѣ объяснилъ пріемы массажа. Онъ весьма любезно разсказалъ мнѣ всѣ подробности, и я теперь отлично знаю, какъ это нужно дѣлать. Прикажите промассировать мнѣ васъ! съ комизмомъ просительно воскликнулъ молодой человѣкъ.—Вы убѣдитесь, что я отличный массёръ!

— Не сомнѣваюсь, усмѣхнулась барыня, удаляясь съ террасы.—Но я въ этомъ случаѣ предпочитаю массёра по профессіи массёру изъ любви къ искусству, промолвила она, какъ бы мимоходомъ, слегка обернувшись съ улыбкой въ дверяхъ.



Майнакское озеро въ перспективѣ.

Въ этомъ году я не предполагалъ купаться въ Евпаторіи, а разсчитывалъ прямо изъ Сакской грязелечебницы проѣхать въ какое-нибудь другое мѣстечко южнаго берега Крыма съ хорошими морскими купаньями, напримѣръ, въ Симеизъ или Мисхоръ.

Но пріѣздъ на лѣто въ Крымъ массёра Т—на, поселившагося въ Евпаторіи, измѣнилъ мой прежній планъ. Такъ какъ я считалъ для себя успѣхъ леченія важнѣе удобствъ и развлеченій курса, то и рѣшилъ дней десять прожить въ Евпаторіи, чтобы здѣсь воспользоваться прелестными морскими купаньями вмѣстѣ съ массажемъ, который былъ весьма полезенъ для моей ноги, несовсѣмъ еще оправившейся отъ болѣзни.

Для выигрыша времени я, вмѣсто обычныхъ семи отходныхъ ропныхъ ваннъ, взялъ въ Сакахъ всего пять ваннъ, а пріѣхавъ въ Евпаторію, счелъ за лучшее прежде купаній въ морѣ купаться нѣсколько дней въ Майнакскомъ озерѣ, рас-

положенномъ только въ двухъ верстахъ отъ Евпаторіи. Въ этомъ озерѣ ропа и илъ, лежащій на днѣ, однородны съ Сакскимъ озеромъ, а температура воды колеблется отъ 21° до 25° R, слѣдовательно, температура переходная какъ разъ отъ горячихъ сакскихъ грязныхъ ваннъ къ холоднымъ морскимъ купаньямъ. Евпаторія съ ея прелестными морскими купаньями и съ ея сонною общественною жизнью была уже мною описана въ первомъ моемъ трудѣ вмѣстѣ съ сакскими грязями. Чтобы не повторяться, отсылаю желающихъ ознакомиться съ Евпаторіей къ моему первому труду и сочиненіямъ другихъ авторовъ, а здѣсь я буду касаться Евпаторіи только мимоходомъ, тѣмъ болѣе, что и мнѣ пришлось попасть въ нее тоже мимоѣздомъ и остановиться на нѣкоторое время сверхъ всякаго ожиданія и помимо прежнихъ моихъ разсчетовъ.

Тотъ же арендаторъ Майнакскаго озера, еврей, встрѣтилъ меня, какъ стараго знакомца, и сейчасъ же передалъ мнѣ новость, которая, быть можетъ, ему была не очень пріятна, но меня весьма порадовала—именно, новость о рѣшеніи Евпаторійской городской думы передать Майнакъ въ аренду двумъ земскимъ Евпаторійскимъ врачамъ, гг. Цинциневскому и Ходжасу.

Условія этой аренды, какъ мнѣ разсказывали въ Евпаторіи, весьма выгодны для обѣихъ сторонъ, какъ для арендаторовъ, такъ и для города.

Майнакское озеро, какъ мнѣ говорили, сдано на 40 лѣтъ безъ всякой арендной платы, но за то съ обязательствомъ со стороны арендаторовъ черезъ три года приступить къ цѣлесообразнымъ грязелечебнымъ постройкамъ около озера, разбить паркъ, эксплуатировать озеро въ продолженіи 37 лѣтъ, а затѣмъ все устройство, по окончаніи аренды, въ оцѣнкѣ не менѣе 40 тысячъ рублей, передать безвозмездно въ собственность города.

Вотъ, въ сущности, главныя основанія контракта, только развитыя подробностями прочихъ кондицій, гарантирующихъ болѣе или менѣе интересы обѣихъ сторонъ.

Я знаю по опыту, что пріемы леченія грязями въ Майнакскомъ озерѣ тѣ же самые, какъ и въ Сакахъ. Достоинства грязи и ропы тоже одинаковыя, потому что условія образо-

ванія этихъ озеръ были одинаковыя и несомнѣнно должны были дать и одинаковые результаты относительно ихъ консистенціи. Правда, при химическихъ анализахъ, можетъ быть, даже найдутъ, что $^0/_0$ такого-то элемента грязи на $^1/_{100}$ болѣе, а такого-то на $^1/_{100}$ менѣе въ томъ или другомъ озерѣ, но все это, на практикѣ, будетъ значить не болѣе, какъ напримѣръ, будутъ-ли у васъ развѣшаны хинные порошки по четыре или по три грана хинина, и въ томъ и въ другомъ случаѣ легко можно достигать одинаковаго эффекта дѣйствія лекарства на организмъ.

Такимъ образомъ, мнѣ кажется, спорить относительно различій въ цѣлебной силѣ сакской и майнакской грязи значило бы толочь воду въ ступѣ—занятіе, вредное даже при бездѣльи.

Весь вопросъ сводится къ преимуществамъ и выгодамъ мѣстоположенія того или другаго озера относительно удобствъ для жизни больныхъ. Въ этомъ отношеніи всѣ преимущества, мнѣ кажется, остаются за Майнакскимъ озеромъ.

Сакское озеро лежитъ въ голой степи, вдалекѣ отъ городовъ—отъ Симферополя въ 42 верстахъ ($4^1/_2$ часа ѣзды на лошадяхъ) и отъ Евпаторіи въ 18 верстахъ (2 часа ѣзды). Поэтому понятно, что въ Сакской грязелечебницѣ вопросъ о пріютѣ и о продовольствіи паціентовъ играетъ первенствующую и столь важную роль, что заслоняетъ собою въ глазахъ администраціи Сакской грязелечебницы всѣ другіе вопросы, существенные для больныхъ, какъ напр., улучшеніе обстановки собственно самаго леченія, а кромѣ того, онъ поглощаетъ на расширеніе и улучшеніе удобствъ жилья паціентовъ всѣ запасные рессурсы. Жилье же и удобства въ степи, все-таки, въ концѣ концовъ, будутъ мизерны.

Майнакское же озеро хотя и расположено въ степи, но въ разстояніи всего только 10—15 минутъ ѣзды отъ Евпаторіи. Сообщеніе озера съ городомъ уже и теперь весьма удобно. Къ услугамъ недостаточныхъ паціентовъ имѣется нѣсколько линеекъ-долгушъ, которыя непрерывно ѣздятъ въ теченіи цѣлаго дня изъ Евпаторіи въ Майнакъ и обратно за крайне дешевую цѣну, 10 копѣекъ въ конецъ, а для богатыхъ паціентовъ имѣются весьма удобные и приличные парные фаэтоны. Такъ что положительно можно обойтись безъ

устройства при Майнакскомъ озерѣ особой гостинницы, на что, само собою разумѣется, потребуются большія деньги, а содержаніе гостинницы въ хорошемъ видѣ потребуетъ большихъ хлопотъ и умѣнья. Каждый паціентъ имѣетъ возможность нанять себѣ квартиру въ городѣ по своимъ средствамъ, можетъ продовольствоваться какъ самъ желаетъ и даже имѣетъ возможность жить въ городѣ съ семьей, которая, своимъ уходомъ за близкимъ больнымъ, облегчитъ ему тягость курса леченія, да и сама кстати можетъ воспользоваться прелестными морскими купаньями.

Поэтому, отсутствіе крайней надобности въ постройкѣ гостинницы для паціентовъ при Майнакскомъ озерѣ можетъ облегчить гг. врачамъ-предпринимателямъ выполненіе ихъ задачи въ особенности при небольшомъ капиталѣ, который такимъ образомъ весь можетъ быть затраченъ на цѣли устройства собственно грязелечебницы.

Образцово-устроенная площадка для натуральныхъ ваннъ, затѣмъ высокое, свѣтлое, отлично вентилируемое и помѣстительное зданіе съ соотвѣтствующею меблировкой для ваннъ какъ ропныхъ, такъ и разводныхъ.

Далѣе бараки для потѣнія послѣ ваннъ. Купэ для потѣющихъ должны быть просторны, свѣтлы, отлично вентилируемы, снабжены проволочными матрацами, и кромѣ того постельнымъ и носильнымъ бѣльемъ въ изобиліи, и вообще обставлены изящною и гигіеническою меблировкою, и какъ conditio sine qua non—устройство особыхъ отдѣленій для больныхъ венерическихъ и съ язвами.

Если вокругъ всѣхъ необходимыхъ для этого построекъ будетъ хорошенькій паркъ, то картина будущей грязелечебницы будетъ и полна, и привлекательна. Привести все это въ исполненіе, даже безъ устройства гостинницы, будетъ стоить далеко не дешево; если же денегъ нѣтъ, то стоитъ ли и огородъ городить и капусту садить! Судьба грошевыхъ предпринимателей въ Россіи—судьба жалкая.

Но Е. И. Поспишиль, напротивъ, того мнѣнія, что безъ гостинницы Майнакская грязелечебница не въ силахъ будетъ существовать и не будетъ окупаться. Насколько онъ правъ—рѣшить трудно.

Въ Сакахъ натуральная грязная ванна стоитъ одинъ рубль, но въ Майнакѣ при надлежащемъ устройствѣ смѣло можно будетъ назначить за ванну, по меньшей мѣрѣ, три рубля; при такой цѣнѣ за ванну все-таки курсъ леченія въ Майнакѣ будетъ относительно дешевый, потому что курсъ грязныхъ ваннъ вообще очень короткій, отъ 6 до 15 ваннъ; слѣдовательно, больному обойдется курсъ на ванны отъ 18 до 45 рублей. При возможности жить паціентамъ въ городѣ сообразно съ своими потребностями и привычками, экономія въ условіяхъ житейской обстановки дастъ каждому паціенту возможность съ меньшими, чѣмъ нынѣ отъ него требуетъ Сакская грязелечебница, средствами принять курсъ грязныхъ ваннъ въ будущей образцово-устроенной Майнакской грязелечебницѣ съ несомнѣнно большею пользою для своего здоровья.

Образцово-устроенная грязелечебница можетъ имѣть благодѣтельное значеніе не только для Евпаторіи, но и для цѣлаго Крыма. Она привлечетъ сюда тѣхъ паціентовъ, которые теперь по необходимости увозятъ русскія деньги заграницу; потому что кто же изъ привыкшихъ къ удобствамъ и комфорту житейской обстановки поѣдетъ сюда безъ крайней нужды, чтобы жить въ чуланѣ и брать ванны à la буйволъ. Богатымъ паціентамъ русскіе врачи даже избѣгаютъ рекомендовать Крымъ именно за мизерность предлагаемыхъ здѣсь удобствъ на время курса леченія. Но кто же станетъ оспаривать, что репутація курортовъ какъ и репутація самихъ врачей-практиковъ, какъ и репутація очень многаго другаго, создается на золотомъ хвостѣ сильныхъ міра сего. Не поѣдутъ богатые и именитые—не скоро разовьется и дѣло!

Крымская наяда.

Полдневный крымскій зной. До края горизонта разстилается спокойная поверхность моря; небольшія волны прибоя лѣниво разбиваются о прибрежный песокъ. Вода чиста и прозрачна; лишь кое-гдѣ показываются на ней быстро исчезающіе клочки жемчужной пѣны.

Солнце печетъ немилосердно. Милліоны кристалловъ соли распространяютъ вокругъ себя блескъ и еще болѣе усиливаютъ зной своимъ отраженіемъ солнечныхъ лучей; отъ этого блеска зрѣніе утомляется и глаза слипаются какъ будто отъ дремоты. Ни о чемъ не думается, ничего не хочется и, лѣниво растянувшись на береговомъ пескѣ, лежишь неподвижно подъ свѣтлымъ зонтикомъ. Монотонный плескъ прибоя убаюкиваетъ, какъ колыбельная тихая пѣснь. Никто тебя не тревожитъ, никому нѣтъ охоты бродить по такому зною.

Разъ какъ-то въ одинъ изъ такихъ полдней я лежалъ на берегу. Неожиданно сзади меня послышался шорохъ шаговъ. Я неохотно повернулъ голову, чтобы взглянуть, кто бы изъ курсистовъ могъ рѣшиться на этотъ отчаянный подвигъ прогулки въ такой зной на открытомъ берегу; но, къ моему удивленію, шла молоденькая дѣвушка или женщина, бѣлокурая, какъ золотистые колосья. Одѣта она была въ бѣлый коротенькій пеньюаръ какого-то оригинальнаго, но, во всякомъ случаѣ, прелестнаго фасона. Одною рукой она придерживала юбки, открывая при этомъ свою хорошенькую розовую голую ножку, обутую прямо безъ чулковъ въ синюю бархатную туфельку, а другою рукой прикрывалась бѣлымъ зонтикомъ и поддерживала распустившіеся волосы.

— Недурно! подумалъ я.—Кто бы это и откуда!?

Незнакомка прошла мимо меня, какъ будто не замѣчая моего зонтика и моего присутствія, и прямо направилась къ ку-

пальной будочкѣ Пользуясь правами курсиста и не получивъ приглашенія удалиться подальше, я спокойно остался на мѣстѣ любоваться картиною моря и его дарами, къ числу которыхъ по справедливости долженъ былъ причислить и эту хорошенькую купальщицу.

Немного погодя надъ лѣсенкою въ море отворилась дверь купальной будочки и на ступенькахъ появилась незнакомка.

Она была одѣта въ легкій и изящный купальный костюмъ—изъ бѣлой шелковой съ свѣтло-зелеными полосками матеріи. Купальнаго чепчика, такъ иногда безобразящаго купальщицъ, на головѣ не было; волосы ея были только красиво собраны на головѣ и скрѣплены большою золотою шпилькой. Постоявъ нѣсколько мгновеній, какъ живая картина въ рамкѣ двери, она стала медленно, какъ бы боязливо спускаться по ступенькамъ лѣстницы, балансируя своими полными, обнаженными руками, причемъ полосатый костюмъ отчетливо передавалъ трепетаніе ея выпуклыхъ, полуприкрытыхъ грудей.

Ставши на послѣднюю ступеньку, она слегка окунула въ прозрачную воду свою прелестную голую ножку. Холодная влага заставила ее вздрогнуть, и она, быстро отдернувши ножку, приподняла ее въ полусогнутомъ положеніи. Это было такое эффектное, такое граціозное движеніе... при которомъ всѣ очертанія и округлости бюста получили полную рельефность и безукоризненную отчетливость!

Я невольно пожалѣлъ, что на моемъ мѣстѣ не былъ скульпторъ, который могъ бы изваять прелестную и изящную фигуру купальщицы въ этотъ моментъ ощущенія непріятности перваго прикосновенія освѣжающей влаги. Оправившись отъ перваго ощущенія, она смѣло пошла въ воду; костюмъ ея все плотнѣе и плотнѣе облегалъ ея тѣло, обрисовывая роскошныя формы, которыя могли бы привести въ восторгъ даже взыскательнаго классическаго грека, очень быть можетъ, возлежавшаго когда-то, тысячи двѣ лѣтъ тому назадъ, на томъ же самомъ мѣстѣ, на которомъ лежалъ въ эту минуту я.

Купальщица вдругъ скрылась подъ водою, оставивъ послѣ себя только слѣдъ разбѣгавшейся круговой волны. Прошелъ моментъ, и на слегка заколебавшейся поверхности моря саженяхъ въ трехъ дальше появилась ея головка съ выраженіемъ

полнаго удовольствія на лицѣ Купальщица, поправивъ слегка волосы, поплыла въ открытое море, спокойно, граціозно разсѣкая бѣжавшія ей на встрѣчу волны прибоя. Отплывши на порядочное разстояніе, она стала рѣзвиться: то плескалась, то ныряла въ разныя стороны, а потомъ, какъ будто утомившись, ложилась спиною на гладкой поверхности моря, какъ на кушеткѣ, забросивъ свои руки подъ голову, и легкая волна прибоя, играя и привскакивая, оплескивала изящныя формы ея тѣла и тихо влекла ее къ берегу.

Подплывъ къ будочкѣ, купальщица быстро взбѣжала по лѣсенкѣ и скрылась. Не желая конфузить хорошенькую незнакомку своимъ присутствіемъ на ея обратномъ пути, я, закинувъ на плечо развернутый зонтикъ, отправился домой.

Мимолетное знакомство.

Пробило два часа дня, зазвучалъ призывной рожокъ, приглашая прогуливающихся и сидящихъ дома курсистовъ къ обѣду.

Къ столовой, какъ центру, со всѣхъ сторонъ потянулись алчущіе купальщики съ аппетитомъ, удвоеннымъ отъ морскихъ купаній и моціона.

Сталкиваясь между собою на крыльцѣ и въ дверяхъ столовой, они обыкновенно обмѣниваются обычными привѣтствіями, а затѣмъ обмѣниваются случившимися съ ними приключеніями, въ которыхъ, собственно говоря, ничего нѣтъ интереснаго, кромѣ самого разсказчика ихъ. На этотъ разъ этотъ порядокъ былъ нарушенъ. Вновь прибывшую красавицу нѣкоторые уже видѣли, не могли не обратить вниманія на ея красоту, и желая узнать поскорѣе, кто она такая, прямо спрашивали о ней при встрѣчѣ съ другими, и такимъ образомъ разжигали всеобщее любопытство.

Въ дверяхъ столовой наконецъ показалась она, съ моимъ сосѣдомъ по номеру, военнымъ докторомъ.

Вся публика послѣ представленія направилась къ столу. Дамы заняли свои стулья, кавалеры вслѣдъ за ними свои, и прислуга стала разносить дымящійся супъ. Я ѣлъ лѣниво. Припомнилъ первую свою встрѣчу и хотѣлъ опредѣлить, какое она тогда произвела на меня впечатлѣніе. Первое впечатлѣніе, говорятъ, никогда не обманываетъ. Въ результатѣ, однако, получалось, что оно было не въ ея пользу, хотя красота и грація подкупали холодный разсудокъ. Въ ней было что-то безсердечное и коварное. Нѣжная, стройная, она очень часто краснѣла, хотя безъ всякаго стѣсненія болтала безъ умолку, улыбаясь при этомъ своими хорошенькими зубками. Мелодичнымъ голосомъ она оканчивала свои фразы какъ-то по-ребячески, поглядывая въ тоже время съ ироніей на своего сосѣда-доктора, который любовался ею какъ-то отечески.

Одѣта она была въ очень короткое розовое, легкое платье, убранное бѣлыми кружевами, съ низко-открытымъ воротомъ. Короткіе рукава открывали ея прелестныя руки нѣсколько выше локтя, а бѣлые, простые холщевые башмаки и цвѣтные шелковые чулки производили задорное впечатлѣніе. Весь ансамбль обрисовывалъ ее милою дѣвочкой. Но пробѣгавшій иногда молніеносный блескъ въ ея глазахъ, въ особенности, когда она, во время своей болтовни, встрѣчала противорѣчіе, и ея ѣдкія саркастическія возраженія, мѣтко сражавшія ея противниковъ, давали всѣмъ чувствовать, что въ этомъ ребенкѣ сидитъ цѣлый чертенокъ, если еще не больше.

Остроумная насмѣшка, брошенная съ наивностью ребенка, побиваетъ противника-Голіафа не хуже оружія Давида! Эта сила невольно чувствовалась всѣми, несмотря на то, что разговоръ вертѣлся въ кругу предметовъ, болѣе или менѣе всѣмъ знакомыхъ. О чемъ только рѣчь ни заходила, оказывалось, что эта женщина-ребенокъ уже видѣла и знала. Она уже успѣла объѣхать всю Европу, побывала даже въ Америкѣ и была очевидцемъ ужасовъ послѣдней войны. Сознаніе присутствія какой-то необычной силы въ этой женщинѣ-ребенкѣ вызывало во всѣхъ какую-то неловкость.

Хотя обѣдавшіе, особенно дамы, старались держать себя непринужденно и, по обыкновенію, хихикали, услуживая другъ другу, наливая въ стаканы крымскія столовыя вина и передавая хлѣбъ, но все-таки чувствовалось замѣтное стѣсненіе предъ этою силой сочетанія красоты и молодости, дѣтской наивности и преждевременной старческой обширности сознательнаго опыта.

Обѣдъ кончился. Всѣ отправились пить кофе на прилегающій къ столовой чистенькій, въ цвѣтахъ, дворикъ, усыпанный морскимъ гравіемъ.

Мужчины, развалясь въ плетеныхъ камышевыхъ кабинкахъ, кейфовали съ сигарами во рту. Дамы принялись ковырять свои нескончаемыя какія-то нитяныя работы.

Я и нѣсколько курсистовъ подсѣли къ красавицѣ.

Разговоръ пошелъ, какъ и за обѣдомъ, какъ и вообще въ началѣ знакомства, перебѣгающій съ одного предмета на другой. Она разспрашивала о здѣшнемъ курсовомъ обществѣ, о сакскихъ грязяхъ, интересовалась даже успѣхами практики массёра Т—на и т. д.

— А вы надолго сюда пріѣхали? спросилъ я ее.

— О, нѣтъ, отвѣчала она.—Я мимоѣздомъ на одинъ день завернула навѣстить доктора, который въ прошломъ году спасъ мнѣ ногу. Весною прошлаго года, я, лазя по Днѣпровскимъ горамъ въ окрестностяхъ Кіева, оборвалась съ порядочной крутизны и сильно ушибла ногу. Этотъ докторъ вылечилъ меня, и я была въ восторгѣ отъ его пріемовъ леченія по правиламъ физіологической школы медицины—безъ всякой пачкотни и безъ таинственныхъ примочекъ и микстуръ. Узнавъ, что докторъ проводитъ лѣто въ Евпаторіи, я изъ Одессы завернула сюда—повидаться съ нимъ. Завтра я уѣзжаю въ Румынію, къ мужу. Онъ теперь уже долженъ быть или въ Галацѣ, или въ Бухарестѣ... Однако, пора гулять, а затѣмъ и купаться, проговорила она, взглянувъ на свои маленькіе дамскіе часы.—До свиданія!..

— А вы плаваете, какъ наяда! сказалъ я ей на прощанье:—но только все-таки опасно уплывать далеко одной въ открытое море.

— Такъ это вы были подъ зонтикомъ на берегу? прого-

ворила она безъ всякаго смущенія.—Я вамъ очень благодарна, что вы не ушли, а остались на мѣстѣ, не обращая вниманія на мое появленіе. Поэтому-то я и рѣшилась плыть такъ далеко; я давно не купалась въ морѣ и мнѣ хотѣлось поплавать. Еслибы по какой-нибудь несчастной случайности я утонула, то вы тогда были бы свидѣтелемъ-очевидцемъ моей смерти и увѣрили бы моего мужа, какъ все случилось. Прощайте!..

Она быстро повернулась и еще быстрѣе пошла къ себѣ въ номеръ. На другой день ея уже здѣсь болѣе не видѣли.

Многіе были потомъ на нее же въ претензіи за то, что ожидали прихода ея къ обѣду, какъ будто и самый обѣдъ давался въ честь ея прибытія. Военный докторъ упорно отмалчивался, когда его спрашивали, кто такая бывшая его паціентка. Нѣкоторые приставали къ нему съ неотвязчивою назойливостью.

— Поймите, наконецъ, господа, проговорилъ онъ однажды, сильно разсерженный: — я знаю, что у нея прелестнѣйшая ножка, и еслибы мнѣ пришлось ампутировать эту ножку, то я былъ бы самый несчастнѣйшій изъ смертныхъ! Это я положительно знаю! Но кто она—ей Богу, до сихъ поръ не знаю. Мужъ ея очень умный и образованный господинъ. Они люди, повидимому, со средствами, постоянно живутъ заграницей, переѣзжаютъ съ мѣста на мѣсто, заглядываютъ каждый годъ на короткое время въ Россію; но кто они—все-таки, не знаю. Если вамъ желательно знать мое личное о нихъ мнѣніе, то по-моему—это *интеллигентные цыгане* или *русскіе космополиты*, проговорилъ докторъ, подчеркнувъ рѣзко свое опредѣленіе, затѣмъ надвинулъ себѣ на глаза фуражку, нахмурился и ушелъ видимо недовольный.

Восточный базаръ.

Городской базаръ въ Евпаторіи составляетъ центръ, отъ котораго радіусами расходятся по всѣмъ направленіямъ городскія улицы, переулки и закоулки. Между радіусами, упирающимися своими концами въ морскую набережную, расположены кварталы русскихъ, и тутъ только обычная городская жизнь съ ея аттрибутами: присутственными мѣстами, гостинницами, галантерейными магазинами, церквами и т. д.; татары же владѣютъ кварталами, лежащими между радіусами. идущими отъ центра въ степь.

Изъ пріѣзжихъ на морскія купанья въ Евпаторію немногимъ приходитъ на мысль пройтись по этой татарской части города. Впрочемъ, особенно интереснаго въ этой части города ничего и нѣтъ, кромѣ типичнаго, строго восточнаго ея характера.

Длинныя, узкія улицы тянутся пустынными коридорами между высокими, глухими, каменными заборами, въ стѣнахъ которыхъ пестрѣютъ запертыя на крѣпкихъ замкахъ калитки татарскихъ домовъ

На улицѣ обыкновенно ни души. Лишь изрѣдка покажется татарка, обмотанная съ головы до самыхъ ногъ въ бѣлыя покрывала съ едва виднымъ узкимъ просвѣтомъ для глазъ, и медленно движется она на встрѣчу вамъ, какъ будто живая каменная статуя театральной сцены. Вмѣсто головы и лица, вы видите бѣлый клубокъ намотанной бѣлой чадры, въ узкой щели которой любопытно блестятъ черные глаза и на минуту увлекаютъ ваше воображеніе желаніемъ проникнуть подъ этотъ таинственный покровъ.

Изрѣдка у какой-нибудь калитки попадется на глаза группа татаръ мужчинъ, которые сидятъ у забора важно и неподвижно, въ своихъ мерлушечьихъ шапкахъ или безъ нихъ, обнаживъ для прохлады свои бритыя, синія головы.

Изъ-за стѣнъ заборовъ мѣстами слышится то говоръ, то смѣхъ женскихъ и дѣтскихъ голосовъ, а надо всѣмъ тяготѣетъ неподвижная, безсознательно-животная атмосфера, создаваемая восточнымъ деспотизмомъ; все живое, человѣчное задыхается въ этой атмосферѣ какъ на улицахъ, такъ и внутри самыхъ домовъ—въ гаремахъ.

Только подъ покровомъ таинственности востокъ получаетъ особую прелесть. Все таинственное кажется привлекательнымъ; поэтому неудивительно, что и гаремъ для многихъ мерещится земнымъ раемъ Магомета, но въ дѣйствительности оказывается, что однихъ сладострастныхъ объятій гаремныхъ гурій даже и татарину слишкомъ мало! Да и врядъ ли на самомъ-то дѣлѣ эти закутанныя затворницы хоть сколько-нибудь похожи на кроткихъ ангеловъ и на небесныхъ гурій; напротивъ, уже мало-мальски образованные татары сами сознаются, что эти гуріи, своимъ брюзжаньемъ, ревностью и глупостью, при своемъ крайнемъ невѣжествѣ, становятся ужасными фуріями въ періоды покоя отъ мимолетныхъ волненій и увлеченій знойною страстью Тогда-то татаринъ чувствуетъ безсодержательность жизни въ своей семьѣ и бѣжитъ изъ своего дома-гарема искать развлеченій среди шума и гама волнующейся базарной толпы такихъ же, какъ и онъ, многосемейныхъ бобылей-горемыкъ. Базаръ для татарина, какъ и для каждаго простолюдина на востокѣ, вмѣщаетъ въ себѣ все—кофейню, клубъ, увеселительное мѣсто, однимъ словомъ—мѣсто его торговой, общественной и политической жизни. Здѣсь деньги, здѣсь новости, здѣсь обмѣнъ мыслей, здѣсь жизнь съ ея горемъ и радостью на людяхъ!.. Волнуется базарная толпа неустанно съ ранняго утра до поздней ночи; надъ нею неумолкаемо носится хаосъ голосовъ.—«Ай, какъ сладко!.. Якши! Якши!.. Ходы сюда, ходы сюда, милый человѣкъ!.. Ой! ой! баранья башка—три копѣйки! Ой! Три копѣйки—якши баранья башка!.. Пижалуйтэ, пижалуйтэ, пижалуйтэ!.. Дыни каонъ, дыни каонъ, дешево!..»

Восточный базаръ—это и рынокъ для купцовъ, и мѣсто для всякаго ремесленнаго и промышленнаго производства, но раздѣленіе базара на торговую и ремесленную части совсѣмъ не соблюдается на востокѣ—симметрія непріятна восточному

глазу; здѣсь все перемѣшано. Подлѣ уличной харчевни, гдѣ въ огромныхъ бѣлаго желѣза кострюляхъ татаринъ-поваръ, съ длинными усами, варитъ на глазахъ своихъ посѣтителей баранину, рядомъ помѣщается лавченка сапожника подъ покрившимся навѣсомъ; лавки мясниковъ и зеленщиковъ чередуются въ перемежку съ каморками часовщиковъ-евреевъ, хлѣбныхъ пекарей, цирюльниковъ. Лавченокъ гибель, и все это построено на палочкахъ да на драночкахъ.

Базарная толпа шумитъ, гогочетъ и выдѣляетъ изъ себя массу типовъ—типовъ восточныхъ, своеобразныхъ. Вотъ въ бѣлой чалмѣ и въ длинномъ синемъ халатѣ важно выступаетъ мулла, упираясь на посохъ; татары-покупатели снуютъ между русскими отъ одной лавки къ другой; мальчишки-татарчата, въ мохнатыхъ бараньихъ шапкахъ, шныряютъ между ногъ движущейся толпы; восточные нищіе, тѣ безобразные нищіе, какихъ только и создаетъ одинъ востокъ, какихъ на сѣверѣ совсѣмъ не встрѣтишь, сидятъ на солнечномъ припекѣ, поджавъ подъ себя ноги, или бродятъ по базару съ жалобными причитываніями!..

А вотъ на окраинѣ базарной площади пестрѣетъ и группа цыганъ—это живая движущаяся грязь, рвань, бѣдность! Старухи цыганки, съ всклоченными сѣдыми волосами, торчащими копной надъ ихъ корявыми, рѣзкими, внушающими ужасъ и отвращеніе лицами, эти цыганскія сивиллы, едва прикрытыя на половину яркими лохмотьями, размахиваютъ своими костлявыми руками и орутъ во все горло, переговариваясь о чемъ-то на своемъ непонятномъ жаргонѣ съ своими товарками. Подъ грязною кибиткой, между колесъ, на голой землѣ, спитъ въ растяжку молодая цыганка. Густые, длинные, черные, какъ смоль, волосы ея распущены и раскинулись въ безпорядкѣ по землѣ; изящныхъ формъ грудь ея обнажена отъ грязныхъ лохмотьевъ, играющихъ для нея роль рубашки; изъ-подъ рванаго какого-то пестраго бешмета высоко открываются ея, почернѣвшія отъ загара и грязи, стройныя, босыя ноги.

Мужчины цыгане вообще стройны, крѣпкаго сложенія и высокаго роста; ихъ лица съ блестящими, бѣгающими карими глазами выражаютъ дерзость и отвагу съ оттѣнкомъ ума и

находчивости. Кто тутъ изъ нихъ спитъ, кто, лежа на землѣ, потягивается и зѣваетъ, а кто галдитъ, какъ будто ссорится съ кѣмъ-то. То тутъ, то тамъ раздаются смѣхъ и крики цыганъ и цыганокъ, а изъ кибитокъ торчатъ растрепанныя головы молодыхъ и старыхъ женщинъ и дѣтей, безмятежно разсматривающихъ передъ собою все, что попало, своими огневыми, полными какой-то томительной нѣги глазами.

— Рука твоя счастливая, талантливая... есть у тебя счастіе! Знаютъ тебя добрые люди! по зависти нападаютъ и налегаютъ на тебя! Дай-ка ты мнѣ какую-нибудь вещицу, я наговорю на нее!.. Буйные вѣтры уносите печаль-тоску за сине море, за окіанъ! выкрикивала монотоннымъ, заунывнымъ голосомъ старая цыганка, неотвязчиво слѣдуя за мною по пятамъ.

Что за загадочное, таинственное племя! Какъ вѣчный жидъ, безъ родины и пристанища, скитается оно по бѣлому свѣту! Гонимые отовсюду и сами удаляясь ото всѣхъ, живущихъ осѣдлою жизнью, цыгане съ какою-то непонятною дикою торопливостью переходятъ съ одного мѣста на другое, изъ одной страны въ другую! Неожиданно появляясь, они возбуждаютъ то любопытство, то временами страхъ, а иногда даже отвращеніе, смѣшанное съ ужасомъ, влекущимъ за собою жестокія преслѣдованія ихъ. Откуда возродилась у цѣлаго племени эта непреодолимая страсть къ неустанному кочевью? Какія условія и обстоятельства создали изъ этихъ несомнѣнно смышленыхъ и даровитыхъ натуръ—неугомонныхъ кочевниковъ? Народное воображеніе пыталось разрѣшить этотъ вопросъ и запуталось въ многочисленныхъ чудовищныхъ легендахъ о появленіи цыганскаго племени на землѣ! Наука ощупью выводитъ ихъ изъ нѣдръ Индіи, отъ касты Судровъ, въ сущности тѣхъ же цыганъ-бродягъ, неимѣвшихъ тамъ постояннаго жилища, спавшихъ въ шатрахъ на открытомъ воздухѣ и занимавшихся мужчины плетеніемъ корзинъ, а женщины гаданьемъ, и этими занятіями добывавшихъ себѣ пропитаніе! Цыгане происходятъ отъ цыганъ—вотъ пока единственный выводъ кабинетной науки. Но есть и другое предположеніе—предположеніе весьма правдоподобное, по крайней мѣрѣ, относительно европейскихъ цыганъ: цыгане—это не-

что иное, какъ потомки римскихъ рабовъ и рабынь, которые бѣжали отъ гоненій своихъ господъ, бѣжали отъ своего, уничтожающаго всякое человѣческое достоинство полнаго безправія въ древнемъ Римѣ. Только постоянное, непрерывное, изо дня въ день бѣгство освобождало безправныхъ рабовъ отъ ига рабства, только кочевая жизнь могла имъ дать семью и отечество. Мы «романе», говорятъ безъ всякихъ поясненій про себя и свое племя цыгане. Мы «романы», говорятъ про себя и свое происхожденіе отъ римлянъ жители Молдавіи и Валахіи. Осѣдлая Романія или Румынія создана сосланными въ ссылку на берега Дуная римскими легіонами, которые были составлены изъ свободныхъ римскихъ гражданъ, и весьма правдоподобно, что кочующая Романія, состоящая изъ цыганъ, создана тоже римлянами, только самовольно бѣжавшими отъ цѣпей рабства, римлянами-рабами, жаждавшими пользоваться правами свободнаго римскаго гражданина!

Ничѣмъ несвязанные, никому необязанные, ничѣмъ и ни къ чему неприкрѣпленные, стали бѣглые рабы, наконецъ, вполнѣ дикими вольными сынами природы, и до сихъ поръ еще потомки ихъ продолжаютъ наслаждаться любезною свободою кочевой жизни, лишь иногда мѣняя свою свободу нищенства на свободу богатства. У цыганъ нѣтъ ни отечества, ни городовъ, ни домовъ! Но это и не варвары! Право, законъ, сознаніе чести и совѣсти существуютъ и у нихъ, но только въ нѣдрахъ и границахъ ихъ племени. Цыганъ не имѣетъ права воровать и мошенничать, но только относительно своихъ соплеменниковъ, какъ братьевъ одной великой цыганской семьи. Обманывать же и обворовывать всякаго чужаго для ихъ племени не преступленіе, не грѣхъ; на современномъ языкѣ цивилизованныхъ народовъ—это борьба за существованіе. Честь цыгана также можетъ быть оскорблена и также требуетъ удовлетворенія, но только если оскорбленіе нанесено цыгану собратомъ; всякое же другое оскорбленіе, нанесенное иноплеменникомъ, не болѣе касается чести цыгана, какъ ляганіе осла или укушеніе бѣшеной собаки. Цыгане совершенно равнодушны ко всякимъ религіознымъ ученіямъ и вѣрованіямъ и исповѣдуютъ обыкновенно ту вѣру, которая оффиціально преобладаетъ въ той странѣ, гдѣ они живутъ, т. е.

гдѣ они продолжительнѣе кочуютъ. Въ Крыму они мусульмане, въ великорусскихъ губерніяхъ—православные, а въ Польшѣ—католики. «Мы той вѣры, какая требуется», говорятъ цыгане безъ всякихъ поясненій.

Свободная, кочевая жизнь среди живой природы, въ чаду вѣчной безпечности, нѣги и лѣни вѣками сдѣлала пѣснь потребностью и культомъ цыганъ. Въ чарующихъ звукахъ ихъ пѣсень изливается весь ихъ духовный міръ. Кто не приходилъ въ восторгъ отъ цыганскихъ пѣсень? Когда знаменитая пѣвица Каталани услыхала въ Москвѣ разливанное, разгульное море звуковъ въ пѣсняхъ извѣстной тогда цыганки Танюши, то, въ порывѣ музыкальнаго восторга, она сорвала съ своихъ плечъ шаль, которую самъ папа подарилъ ей, какъ первой пѣвицѣ въ мірѣ. Каталани, съ безпристрастіемъ истинно высокаго таланта, передала эту шаль Танюшѣ, признавъ, что не ей, а цыганкѣ долженъ по праву принадлежать этотъ подарокъ его святѣйшества, предназначенный собственно первой пѣвицѣ въ мірѣ...

Опять я вернулся на базаръ На центральной площадкѣ базара стоитъ почернѣвшій отъ времени деревянный двухъ-этажный домъ, накренившись однимъ своимъ бокомъ на каменную арку. Эта арка, быть можетъ, представляетъ собою остатки какого-нибудь, когда-то бывшаго крѣпостнаго сооруженія, но теперь она только служитъ оригинальнымъ, въ восточномъ вкусѣ, проѣздомъ на базаръ и мирно пріютила въ своихъ стѣнныхъ нишахъ лавченки разныхъ ремесленниковъ.

Нижній этажъ этого опирающагося на арку дома занятъ лавками, торгующими мясомъ и зеленью, а въ верхнемъ помѣщается народный татарскій трактиръ. Весь верхній этажъ, во всю длину фасада дома, обнесенъ широкою, открытою галлереей, поддерживаемой деревянными столбиками и сообщающейся съ базарною площадью наружною, тоже отъ времени покривившеюся, лѣстницею.

Эта галлерея, возвышаясь среди волнующейся. толпы базарной площади и будучи постоянно занята восточными человѣками, лѣниво развалившимися на скамьяхъ въ своихъ пестрыхъ характерныхъ костюмахъ, чрезвычайно напоминаетъ собою масляничные балаганные подмостки, на которыхъ изо-

бражается какая-нибудь раздирательная до смѣха драма, въ родѣ прекрасной турчанки, умирающей на гробѣ своего рассейскаго супруга.

Трактиръ заинтересовалъ меня своею оригинальностью, и я поднялся по его запыленной лѣстницѣ вверхъ. Двѣ большія, почернѣлыя комнаты были заставлены вдоль своихъ стѣнъ простыми деревянными скамьями и табуретами, а вся средина комнаты оставалась свободною. Посѣтителей въ трактирѣ было немного—всего что-то четверо, одѣтыхъ въ свои живописныя, грязныя чалмы и рваныя куртки, рабочихъ турокъ, сосредоточенно игравшихъ въ шашки, да двое или трое татаръ, которые, безпечно растянувшись во весь ростъ на скамьяхъ, курили свои трубки, потягивая по временамъ изъ кружекъ бузу. Мой приходъ заставилъ посѣтителей слегка обернуть головы съ лѣнивымъ любопытствомъ, а затѣмъ сію же минуту всѣ попрежнему спокойно стали продолжать свое дѣло—одни игру въ шашки, другіе свой кейфъ.

Я прошелся по комнатамъ и хотѣлъ-было уже направиться къ выходнымъ дверямъ, какъ въ послѣднихъ показалась молодая дѣвушка, повидимому, цыганка или, вѣроятнѣе, что-нибудь въ родѣ анатолійской турчанки, одѣтой баядеркой. Черные, какъ вороново крыло, волосы ея, заплетенные во множество тонкихъ косичекъ, заканчивавшихся яркихъ цвѣтовъ ленточками, распадались длинными змѣйками по ея спинѣ и полуоткрытымъ смуглымъ плечамъ. Голова прикрывалась красною феской, украшенной золотымъ, сильно потрепаннымъ позументомъ. Въ ушахъ, вмѣсто серегъ, висѣли большія золотыя кольца, а на загорѣлой шеѣ красовалось широкое ожерелье изъ золотыхъ монетъ.

Наглухо застегнутый бешметъ изъ рѣзко бросающагося въ глаза пестраго ситца, съ большими яркими, по свѣтло-зеленому фону, цвѣтами обрисовывалъ ея гибкій, тонкій станъ, а красныя китайчатыя шальвары, съ золотыми позументными лампасами, ниспадали широкими воланами на ступни ногъ, обутыя въ желтыя туфли съ острыми, загибающимися вверхъ носками. На обѣихъ ногахъ баядерки повыше косточекъ шальвары были перехвачены браслетами изъ сплетенныхъ между собою металлическихъ бубенчиковъ. Все въ этомъ ко-

стюмѣ было блестяще, эффектно, ярко, горячо, но все было какъ-то грязно, старо и потрепано.

Изъ-за плеча баядерки, у самаго двернаго косяка, выглядывала рожа чернаго какъ смоль, съ едва замѣтною просѣдью, старика, широко осклабившаго свой беззубый ротъ въ какую-то нахально плутовскую улыбку. Это былъ не то еврей, не то грекъ, но болѣе всего онъ походилъ на тѣхъ странныхъ грековъ, которые снуютъ по русскимъ деревнямъ, собирая доброхотныя подаянія на построеніе обрушившихся стѣнъ горняго, т. е. небеснаго, Іерусалима.

Баядерка, когда я взглянулъ на нее, улыбаясь и открывъ при улыбкѣ свои замѣчательно красивые, ровные зубы, направилась тотчасъ же ко мнѣ на встрѣчу. Она смѣло глядѣла мнѣ прямо въ глаза своими черными, вызывающими и поджигающими глазами и, не успѣвши еще подойти ко мнѣ, заговорила что-то мнѣ по-татарски или по-турецки, ужь навѣрно не могу сказать. Я сперва покачалъ головой въ знакъ непониманія ея словъ, а потомъ отвѣчалъ уже по-русски, что не понимаю. Тогда она, приподнявъ надъ своею головой одною рукою бубенъ, другою стала быстро перебирать пальцами по кожѣ бубна и выбивать трели.

— «Кочешь?» протяжно и мелодично проговорила она мнѣ уже по-русски и съ граціей ласкающейся кошки какъ-то потянулась вся, томно прищуривъ глаза и намекая какъ будто на что-то другое, чѣмъ бубенъ и танцы.

— Хочу! отвѣчалъ я, невольно улыбнувшись на ея кокетство; сѣлъ на табуретъ и сдѣлалъ ей знакъ рукой, чтобы она начала свой танецъ

Въ тотъ же моментъ черный старикъ живо выдернулъ изъ сѣро-грязнаго замаслянnаго мѣшка самодѣльную скрипку или, какъ правильнѣе называетъ этотъ инструментъ простой народъ—«скрыпицу», и въ тотъ же мигъ, не успѣвъ даже приложить скрыпицы къ своему подбородку и не пробуя, какъ она настроена, старикъ отчаянно запилилъ на ней какой-то странный, дикій, восточный плясовой мотивъ.

Баядерка оживилась, сдѣлала быстрый и легкій прыжокъ на середину комнаты, моментально положила себѣ въ губы маленькій металлическій, издающій жужжаніе варганъ и, уда-

ривъ въ бубенъ, взвилась и закружилась въ воздухѣ. Тонкія косы ея разбросились чернымъ вѣеромъ вокругъ ея головы. Быстрота граціозныхъ движеній, стремительность неожиданныхъ скачковъ, стройность волнообразныхъ колебаній стана, какое-то сладострастное завываніе и лязганіе скрипицы, гулъ бубна, жужжаніе варгана и огонь увлеченія дикихъ глазъ были безподобны. Она то присѣдала и падала на землю, то вдругъ вытягивалась, какъ струна, и замирала на нѣсколько мгновеній, то быстро вертѣлась, причемъ широкія шальвары, обвивавшія ея стройныя ноги, широко раздувались, и тогда танцорка изображала собою причудливой формы спущенный волчекъ.

— Якши! якши! раздались со всѣхъ сторонъ громкія восклицанія ухмылявшихся татаръ и турокъ, когда баядерка, окончивъ свою оригинальную пляску, остановилась среди комнаты неподвижно, какъ очарованная.

— Якши! якши! говорили искрящіеся огнями глаза и дышащія страстью лица татаръ и турокъ, замлѣвшихъ въ своихъ восточныхъ позахъ при видѣ взволнованной, раскраснѣвшейся танцорки, стоявшей среди комнаты съ полузакрытыми глазами, широко раздувавшимися ноздрями и трепетавшимъ отъ прерывистаго дыханія молодымъ упругимъ тѣломъ.

— Якши! якши! слышалось и въ самомъ гулѣ евпаторійскаго базара...

Въ Севастопольской бухтѣ.

умя, пыхтя, какъ будто задыхаясь отъ трудной работы, разсѣкаетъ пароходъ «Цесаревна» спокойную зыбь волнъ Чернаго моря и разстилаетъ изъ подъ киля пѣнистый далекій слѣдъ, принимающій видъ причудливыхъ узоровъ бѣлаго кружева.

Въ безоблачной лазури неба ослѣпительно блеститъ солнце, отражаясь въ морской ряби милліонами золотистыхъ съ перламутровыми переливами искръ.

Величественно прекрасный горизонтъ окружаетъ водную пустыню. Безбрежное пространство какъ будто оковываетъ мысль и чувство, а взглядъ не въ силахъ оторваться отъ безпредѣльной дали водъ.

Пароходъ все бѣжитъ и бѣжитъ скорымъ ходомъ...

Но вотъ лѣвѣе правильная круговая линія горизонта вдругъ превращается въ зигзагъ, изъ котораго мало-по-малу начинаетъ вырисовываться сѣрозеленый силуэтъ холмистаго берега.

Еще часъ времени, и пароходъ, замедляя ходъ, величественно вступаетъ въ фарватеръ Севастопольскаго рейда. Здѣсь извилистые, крутые, скалистые берега большой Севастопольской бухты вдаются острыми мысами въ море и образуютъ нѣсколько развѣтвленій или малыхъ бухтъ. Первая при входѣ съ моря носитъ названіе Карантинной бухты, затѣмъ идутъ Артиллерійская, Южная и пр.

На голубомъ фонѣ бухтъ бѣлѣютъ мачтовыя суда, шныряютъ лодки. На мыскѣ у Карантинной бухты виднѣются очертанія развалинъ Херсонеса и храма св. Владиміра. На сѣверной сторонѣ у входа въ большую бухту, чернѣя своими двухъярусными амбразурами, лежатъ, какъ бы притаившись, развалины нѣкогда грозной авангардной Константиновской батареи. Вдали по холмамъ разбросаны громадные, длинные, почернѣлые остовы казармъ. Голыя 4-хъ—5-ти-этажныя стѣны ихъ избиты ядрами и стоятъ уныло, безъ крышъ и безъ оконъ, чернѣющія отверстія которыхъ издали кажутся похожими на глазныя орбиты черепа.

За укрѣпленіями лежатъ кладбища, обнесенныя каменными заборами.

Только кипучая дѣятельность эллинга русскаго общества пароходства и торговли на Южной бухтѣ оживляетъ эту мертвую картину разрушенія.

Пароходъ остановился у пристани рядомъ съ колоннадой Графской пристани; тутъ и площадь, на которой поднялась обычная при встрѣчѣ парохода толкотня и суетня публики, носильщиковъ, коммисіонеровъ, извощиковъ и т. д.

Разбросанный по хребту и спускамъ широкаго холма городъ, при первомъ взглядѣ на него съ пароходной палубы производитъ впечатлѣніе хаотическаго безпорядка; дома кажутся нагроможденными другъ надъ другомъ и разбросанными по гористой мѣстности безъ всякаго плана, безъ всякаго порядка.

Мнѣ рекомендовали двѣ гостинницы: отель Киста и «Grand Hotel», но преимущественно послѣдній какъ лучшій въ Севастополѣ; я въ немъ и остановился. Трехъ-этажное зданіе «Grand Hotel» находится вблизи пристани, почти на самомъ берегу моря; брать экипажъ нѣтъ надобности. Коммисіонеръ

захватываетъ съ парохода вашъ ручной багажъ и ведетъ васъ въ гору къ отелю.

Севастопольскій «Grand Hotel», когда его поближе узнаешь, производитъ собою впечатлѣніе тѣхъ многихъ милыхъ русскихъ дамъ, у которыхъ недурно подрисовано лице, щегольски сшито платье въ одномъ изъ лучшихъ французскихъ магазиновъ, ботинки же пріобрѣтены изъ гостиннаго двора, чулки штопанные, юбки недѣлю ношенныя, а сама дама уже и забыла, когда она принимала ванну или была въ банѣ.

За два рубля мнѣ дали номеръ въ бель-этажѣ съ видомъ на море и тутъ же кстати съ видомъ на дворъ, отдѣляющій гостинницу отъ моря. По двору съ генеральскою важностью расхаживали пѣтухи и горланили во все горло, какъ будто стараясь убѣдить пріѣзжаго, что между «Grand Hotel» и степнымъ шинкомъ не порваны еще родственныя отношенія; тутъ же молчаливо рылись куры въ навозѣ, подалбливая иногда носомъ другъ дружку въ голову. На веревкахъ, протянутыхъ черезъ дворъ, развѣшано было для сушки разнаго рода бѣлье, по которому ученый статистикъ легко могъ бы опредѣлить и выразить цифрами, въ какихъ мѣстахъ чаще всего протираются у мѣстныхъ жителей дырки и гдѣ чаще всего приходится ставить заплаты На балконѣ надворнаго строенія, развалясь sans façon на стульяхъ, сидѣли два офицера безъ сюртуковъ и, затягиваясь крученными толстыми папиросами, распивали пиво. При первой потребности они плевали прямо черезъ перила, безъ всякой церемоніи, не потрудившись даже взглянуть, проходитъ-ли кто-нибудь или нѣтъ. Столько же вниманія они удѣляли и живописнымъ видамъ противоположнаго морскаго берега, выдающагося мыскомъ въ Севастопольскую бухту.

Разложивши свои вещи и чемоданы въ номерѣ, я первымъ долгомъ отправился купаться. О, Евпаторія! гдѣ ты, милая Евпаторія, со всею твоею пресловутою скукой! невольно воскликнулъ я въ купальнѣ. И это называется морскими купаньями!..

Представьте только себѣ довольно узкую бухту, берега которой почти сплошь застроены жильемъ, а сама она кругомъ покрыта торговыми судами, и вотъ здѣсь-то вблизи

ривъ въ бубенъ, взвилась и закружилась въ воздухѣ. Тонкія косы ея разбросились чернымъ вѣеромъ вокругъ ея головы. Быстрота граціозныхъ движеній, стремительность неожиданныхъ скачковъ, стройность волнообразныхъ колебаній стана, какое-то сладострастное завываніе и лязганіе скрипицы, гулъ бубна, жужжаніе варгана и огонь увлеченія дикихъ глазъ были безподобны. Она то присѣдала и падала на землю, то вдругъ вытягивалась, какъ струна, и замирала на нѣсколько мгновеній, то быстро вертѣлась, причемъ широкія шальвары, обвивавшія ея стройныя ноги, широко раздувались, и тогда танцорка изображала собою причудливой формы спущенный волчекъ.

— Якши! якши! раздались со всѣхъ сторонъ громкія восклицанія ухмылявшихся татаръ и турокъ, когда баядерка, окончивъ свою оригинальную пляску, остановилась среди комнаты неподвижно, какъ очарованная.

— Якши! якши! говорили искрящіеся огнями глаза и дышащія страстью лица татаръ и турокъ, замлѣвшихъ въ своихъ восточныхъ позахъ при видѣ взволнованной, раскраснѣвшейся танцорки, стоявшей среди комнаты съ полузакрытыми глазами, широко раздувавшимися ноздрями и трепетавшимъ отъ прерывистаго дыханія молодымъ упругимъ тѣломъ.

— Якши! якши! слышалось и въ самомъ гулѣ евпаторійскаго базара...

Въ Севастопольской бухтѣ.

умя, пыхтя, какъ будто задыхаясь отъ трудной работы, разсѣкаетъ пароходъ «Цесаревна» спокойную зыбь волнъ Чернаго моря и разстилаетъ изъ подъ киля пѣнистый далекій слѣдъ, принимающій видъ причудливыхъ узоровъ бѣлаго кружева.

Въ безоблачной лазури неба ослѣпительно блеститъ солнце, отражаясь въ морской ряби милліонами золотистыхъ съ перламутровыми переливами искръ.

Величественно прекрасный горизонтъ окружаетъ водную пустыню. Безбрежное пространство какъ будто оковываетъ мысль и чувство, а взглядъ не въ силахъ оторваться отъ безпредѣльной дали водъ.

Пароходъ все бѣжитъ и бѣжитъ скорымъ ходомъ...

Но вотъ лѣвѣе правильная круговая линія горизонта вдругъ превращается въ зигзагъ, изъ котораго мало-по-малу начинаетъ вырисовываться сѣрозеленый силуэтъ холмистаго берега.

Еще часъ времени, и пароходъ, замедляя ходъ, величественно вступаетъ въ фарватеръ Севастопольскаго рейда. Здѣсь извилистые, крутые, скалистые берега большой Севастопольской бухты вдаются острыми мысами въ море и образуютъ нѣсколько развѣтвленій или малыхъ бухтъ. Первая при входѣ съ моря носитъ названіе Карантинной бухты, затѣмъ идутъ Артиллерійская, Южная и пр.

На голубомъ фонѣ бухтъ бѣлѣютъ мачтовыя суда, шныряютъ лодки. На мыскѣ у Карантинной бухты виднѣются очертанія развалинъ Херсонеса и храма св. Владиміра. На сѣверной сторонѣ у входа въ большую бухту, чернѣя своими двухъярусными амбразурами, лежатъ, какъ бы притаившись, развалины нѣкогда грозной авангардной Константиновской батареи. Вдали по холмамъ разбросаны громадные, длинные, почернѣлые остовы казармъ. Голыя 4-хъ—5-ти-этажныя стѣны ихъ избиты ядрами и стоятъ уныло, безъ крышъ и безъ оконъ, чернѣющія отверстія которыхъ издали кажутся похожими на глазныя орбиты черепа.

За укрѣпленіями лежатъ кладбища, обнесенныя каменными заборами.

Только кипучая дѣятельность эллинга русскаго общества пароходства и торговли на Южной бухтѣ оживляетъ эту мертвую картину разрушенія.

Пароходъ остановился у пристани рядомъ съ колоннадой Графской пристани; тутъ и площадь, на которой поднялась обычная при встрѣчѣ парохода толкотня и суетня публики, носильщиковъ, коммисіонеровъ, извощиковъ и т. д.

Разбросанный по хребту и спускамъ широкаго холма городъ, при первомъ взглядѣ на него съ пароходной палубы производитъ впечатлѣніе хаотическаго безпорядка; дома кажутся нагроможденными другъ надъ другомъ и разбросанными по гористой мѣстности безъ всякаго плана, безъ всякаго порядка.

Мнѣ рекомендовали двѣ гостинницы: отель Киста и «Grand Hotel», но преимущественно послѣдній какъ лучшій въ Севастополѣ; я въ немъ и остановился. Трехъ-этажное зданіе «Grand Hotel» находится вблизи пристани, почти на самомъ берегу моря; брать экипажъ нѣтъ надобности. Коммисіонеръ

захватываетъ съ парохода вашъ ручной багажъ и ведетъ васъ въ гору къ отелю.

Севастопольскій «Grand Hotel», когда его поближе узнаешь, производитъ собою впечатлѣніе тѣхъ многихъ милыхъ русскихъ дамъ, у которыхъ недурно подрисовано лице, щегольски сшито платье въ одномъ изъ лучшихъ французскихъ магазиновъ, ботинки же пріобрѣтены изъ гостиннаго двора, чулки штопанные, юбки недѣлю ношенныя, а сама дама уже и забыла, когда она принимала ванну или была въ банѣ.

За два рубля мнѣ дали номеръ въ бель-этажѣ съ видомъ на море и тутъ же кстати съ видомъ на дворъ, отдѣляющій гостинницу отъ моря. По двору съ генеральскою важностью расхаживали пѣтухи и горланили во все горло, какъ будто стараясь убѣдить пріѣзжаго, что между «Grand Hotel» и степнымъ шинкомъ не порваны еще родственныя отношенія; тутъ же молчаливо рылись куры въ навозѣ, подалбливая иногда носомъ другъ дружку въ голову. На веревкахъ, протянутыхъ черезъ дворъ, развѣшано было для сушки разнаго рода бѣлье, по которому ученый статистикъ легко могъ бы опредѣлить и выразить цифрами, въ какихъ мѣстахъ чаще всего протираются у мѣстныхъ жителей дырки и гдѣ чаще всего приходится ставить заплаты На балконѣ надворнаго строенія, развалясь sans façon на стульяхъ, сидѣли два офицера безъ сюртуковъ и, затягиваясь крученными толстыми папиросами, распивали пиво. При первой потребности они плевали прямо черезъ перила, безъ всякой церемоніи, не потрудившись даже взглянуть, проходитъ-ли кто-нибудь или нѣтъ. Столько же вниманія они удѣляли и живописнымъ видамъ противоположнаго морскаго берега, выдающагося мыскомъ въ Севастопольскую бухту.

Разложивши свои вещи и чемоданы въ номерѣ, я первымъ долгомъ отправился купаться. О, Евпаторія! гдѣ ты, милая Евпаторія, со всею твоею пресловутою скукой! невольно воскликнулъ я въ купальнѣ. И это называется морскими купаньями!..

Представьте только себѣ довольно узкую бухту, берега которой почти сплошь застроены жильемъ, а сама она кругомъ покрыта торговыми судами, и вотъ здѣсь-то вблизи

Еще часъ времени, и пароходъ, замедляя ходъ, величественно вступаетъ въ фарватеръ Севастопольскаго рейда. Здѣсь извилистые, крутые, скалистые берега большой Севастопольской бухты вдаются острыми мысами въ море и образуютъ нѣсколько развѣтвленій или малыхъ бухтъ. Первая при входѣ съ моря носитъ названіе Карантинной бухты, затѣмъ идутъ Артиллерійская, Южная и пр.

На голубомъ фонѣ бухтъ бѣлѣютъ мачтовыя суда, шныряютъ лодки. На мыскѣ у Карантинной бухты виднѣются очертанія развалинъ Херсонеса и храма св. Владиміра. На сѣверной сторонѣ у входа въ большую бухту, чернѣя своими двухъярусными амбразурами, лежатъ, какъ бы притаившись, развалины нѣкогда грозной авангардной Константиновской батареи. Вдали по холмамъ разбросаны громадные, длинные, почернѣлые остовы казармъ. Голыя 4-хъ—5-ти-этажныя стѣны ихъ избиты ядрами и стоятъ уныло, безъ крышъ и безъ оконъ, чернѣющія отверстія которыхъ издали кажутся похожими на глазныя орбиты черепа.

За укрѣпленіями лежатъ кладбища, обнесенныя каменными заборами.

Только кипучая дѣятельность эллинга русскаго общества пароходства и торговли на Южной бухтѣ оживляетъ эту мертвую картину разрушенія.

Пароходъ остановился у пристани рядомъ съ колоннадой Графской пристани; тутъ и площадь, на которой поднялась обычная при встрѣчѣ парохода толкотня и суетня публики, носильщиковъ, коммисіонеровъ, извощиковъ и т. д.

Разбросанный по хребту и спускамъ широкаго холма городъ, при первомъ взглядѣ на него съ пароходной палубы производитъ впечатлѣніе хаотическаго безпорядка; дома кажутся нагроможденными другъ надъ другомъ и разбросанными по гористой мѣстности безъ всякаго плана, безъ всякаго порядка.

Мнѣ рекомендовали двѣ гостинницы: отель Киста и «Grand Hotel», но преимущественно послѣдній какъ лучшій въ Севастополѣ; я въ немъ и остановился. Трехъ-этажное зданіе «Grand Hotel» находится вблизи пристани, почти на самомъ берегу моря; брать экипажъ нѣтъ надобности. Коммисіонеръ

захватываетъ съ парохода вашъ ручной багажъ и ведетъ васъ въ гору къ отелю.

Севастопольскій «Grand Hotel», когда его поближе узнаешь, производитъ собою впечатлѣніе тѣхъ многихъ милыхъ русскихъ дамъ, у которыхъ недурно подрисовано лице, щегольски сшито платье въ одномъ изъ лучшихъ французскихъ магазиновъ, ботинки же пріобрѣтены изъ гостиннаго двора, чулки штопанные, юбки недѣлю ношенныя, а сама дама уже и забыла, когда она принимала ванну или была въ банѣ.

За два рубля мнѣ дали номеръ въ бель-этажѣ съ видомъ на море и тутъ же кстати съ видомъ на дворъ, отдѣляющій гостинницу отъ моря. По двору съ генеральскою важностью расхаживали пѣтухи и горланили во все горло, какъ будто стараясь убѣдить пріѣзжаго, что между «Grand Hotel» и степнымъ шинкомъ не порваны еще родственныя отношенія; тутъ же молчаливо рылись куры въ навозѣ, подалбливая иногда носомъ другъ дружку въ голову. На веревкахъ, протянутыхъ черезъ дворъ, развѣшано было для сушки разнаго рода бѣлье, по которому ученый статистикъ легко могъ бы опредѣлить и выразить цифрами, въ какихъ мѣстахъ чаще всего протираются у мѣстныхъ жителей дырки и гдѣ чаще всего приходится ставить заплаты На балконѣ надворнаго строенія, развалясь sans façon на стульяхъ, сидѣли два офицера безъ сюртуковъ и, затягиваясь крученными толстыми папиросами, распивали пиво. При первой потребности они плевали прямо черезъ перила, безъ всякой церемоніи, не потрудившись даже взглянуть, проходитъ-ли кто-нибудь или нѣтъ. Столько же вниманія они удѣляли и живописнымъ видамъ противоположнаго морскаго берега, выдающагося мыскомъ въ Севастопольскую бухту.

Разложивши свои вещи и чемоданы въ номерѣ, я первымъ долгомъ отправился купаться. О, Евпаторія! гдѣ ты, милая Евпаторія, со всею твоею пресловутою скукой! невольно воскликнулъ я въ купальнѣ. И это называется морскими купаньями!..

Представьте только себѣ довольно узкую бухту, берега которой почти сплошь застроены жильемъ, а сама она кругомъ покрыта торговыми судами, и вотъ здѣсь-то вблизи

пристани находится единственная въ городѣ купальня (правда, есть еще двѣ простонародныхъ купальни, но о нихъ уже и говорить не стоитъ). Вмѣсто чистѣйшей, прозрачной воды евпаторійскаго моря, вы встрѣчаете гораздо болѣе мутную воду, чѣмъ изъ петербургскихъ водопроводовъ въ осеннее время Съ непривычки къ такой водѣ, я погружался въ нее съ чувствомъ брезгливости. Купальня устроена, какъ вездѣ въ Крыму, безъ особыхъ заботъ объ удобствахъ; такъ напримѣръ центръ ея занимаетъ двухъ-этажный красивый рѣзной работы павильонъ; въ нижнемъ этажѣ павильона помѣщается что-то въ родѣ маленькаго буфета, затѣмъ складъ бѣлья и комнатка содержателя или прислуги купальни; верхній же этажъ представляетъ собою маленькую террасу въ швейцарскомъ вкусѣ. По бокамъ этого павильона устроены навѣсы для раздѣванія—съ лѣвой стороны для мужчинъ, съ правой—для женщинъ; все окрашено сѣрою масляною краской, которая придаетъ внутреннему помѣщенію купальни, даже при свѣтѣ солнца, хмурый и несовсѣмъ опрятный видъ. Въ срединѣ каждаго изъ навѣсовъ остается только маленькая водная площадка саженей шесть въ квадратѣ. Глубина въ этомъ купальномъ пространствѣ аршина два. Кто желаетъ купаться въ открытомъ морѣ, тотъ долженъ выплывать за купальню, что могутъ дозволять себѣ только хорошіе пловцы, увѣренные въ своихъ силахъ, такъ какъ глубина за купальней сразу обрывается на нѣсколько саженей; больной же людъ вынужденъ плескаться овечьею отарою въ шести-саженномъ квадратикѣ. Купанье далеко незавидное!

Выплывши за купальню, я увидѣлъ, какъ на ладони, сосѣднюю женскую купальню, и сверхъ всякаго ожиданія, въ квадратикѣ женской купальни плескалась одна знакомая Сакская барышня. Она меня тоже замѣтила и положеніе ея сдѣлалось хуже губернаторскаго. Увидѣвши меня, она хотѣла было убѣжать изъ воды, но, поднявшись до половины лѣсенки, видимо побоялась показаться въ полномъ костюмѣ Еввы и поскорѣе опять нырнула въ воду.

Вернувшись въ гостинницу, я отправился завтракать въ общую залу.

За столомъ „Grand Hotel".

Столовая Севастопольскаго «Grand Hotel» помѣщается въ нижнемъ этажѣ и носитъ на себѣ характеристическую физіономію русскихъ трактировъ, претендующихъ на западничество, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и желающихъ сохранить самобытность съ крѣпкимъ русскимъ духомъ, что, само собою разумѣется, достигается безъ особеннаго труда.

Въ открытыя окна и двери, выходившія въ палисадникъ, усаженный акаціями, проникалъ яркій свѣтъ южнаго солнца. Видъ деревьевъ нѣсколько смягчалъ непріятный видъ прокопченной табачнымъ дымомъ столовой.

Буфетная стойка съ когда-то бѣлою, а теперь уже съ побурѣвшею мраморною доской была уставлена потускнѣвшими отъ времени закусками. Буфетчикъ съ курносымъ носомъ и съ тѣмъ флегматически-безучастнымъ выраженіемъ въ лицѣ и въ глазахъ, какое, кажется, только и можно встрѣтить у русскихъ буфетчиковъ, снималъ ножомъ съ тарелки засохшую паюсную икру и укладывалъ ее въ жестянку, уминая непослушные закорявившіе куски столовою ложкою, уткнувъ въ углубленіе ложки, для удобства, свой жирный палецъ.

Производя такую аппетитную операцію на глазахъ публики и въ присутствіи хозяина гостинницы, буфетчикъ ни на кого не обращалъ никакого вниманія.

Хозяинъ гостинницы, цибулизованный еврей, держалъ въ рукахъ свою котелкомъ шляпу и постоянно бѣгалъ, какъ угорѣлый, то въ швейцарскую, то въ кухню.

По столовой разставлены въ симметріи сервированные на четыре прибора столики. Нѣкоторые столы уже заняты закусывающими. Лица у всѣхъ скучныя и всѣ ѣдятъ съ какимъ-то тоскливымъ аппетитомъ.

— Че—аэкъ! восклицаетъ за сосѣднимъ съ моимъ столомъ баринъ съ черными усищами, съ глазами на выкатѣ и съ лоснящимися щеками.

— Мнѣ-бы... а-а-а! маркитанта... а-а-а!.. или чертъ его знаетъ, какъ онъ называется.....

— У насъ имѣется коммисинеръ-съ, подсказываетъ лакей, согнувшись при этомъ нѣсколько въ бокъ и держа грязную салфетку подъ мышкой.

— Ну такъ подать мнѣ сюда коммисіонера, отрубилъ тотъ.

На другомъ столѣ два офицера ругаютъ лакея за то, что въ menu diner du jour поставленъ на сегодня языкъ съ картофельнымъ пюрэ; они же не ѣдятъ языка и требуютъ замѣны языка другимъ блюдомъ безъ приплаты. Лакей представляетъ резоны невозможности удовлетворить требованіе гг. офицеровъ, а потомъ на своихъ кривыхъ ногахъ—странно, что у лакеевъ во второстепенныхъ трактирахъ всегда ноги идутъ колесомъ—бѣжитъ за объясненіемъ къ буфетчику.

Мнѣ стало какъ-то тоскливо. Въ это время въ столовую вошли англичанинъ и англичанка. Отъ одного взгляда на нихъ я повеселѣлъ.

Англичане—это типъ людей, отполированныхъ цивилизаціей. Никогда, нигдѣ англичанинъ не утрачиваетъ своего достоинства—человѣка. Онъ никогда и ни при какой обстановкѣ не видитъ надобности поступаться своими вкусами, нуждами и привычками. Онъ настойчиво требуетъ ихъ удовлетворенія, и добивается своего. Вы не встрѣтите англичанина неумытаго или въ грязномъ бѣльѣ лишь только потому, что онъ не дома, а въ дорогѣ, въ гостинницѣ, на бивуакѣ. Всегда онъ одѣтъ въ изящный, хотя нѣсколько и эксцентричный своею пестротою, удобный костюмъ, свѣжій, точно съ иголочки; всегда въ безукоризненно чистомъ бѣльѣ; всегда онъ самъ вымытъ такъ, будто сейчасъ вышелъ изъ ванны.

Какъ посравнишь нашу русскую молодежь съ англійскою молодежью—досадно сдѣлается! Молодой англичанинъ щеголяетъ своимъ торсомъ, прямизною стана; его мясистыя части великолѣпно развиты, кровь окрашиваетъ въ розовый цвѣтъ его руки, шею, уши, виски. Монокль въ глазу неподвижно сжатъ сильными мускулами его бровей и ничуть не мѣшаетъ

свободѣ движеній. Въ своихъ жестахъ англичанинъ сдержанъ, быть можетъ, даже до чопорности, иногда онъ ходитъ, будто аршинъ проглотилъ, но вы, все-таки, невольно любуетесь его избыткомъ свѣжихъ силъ; въ этомъ здоровомъ тѣлѣ вы чувствуете подъ маской флегматичности здоровый умъ, всегда собою обладающій и не теряющійся въ тяжелыя минуты жизни.

Наше же русское юношество, въ громадномъ большинствѣ, независимо отъ обычной своей неряшливости и отсутствія вкуса и умѣнья одѣваться, приближается, по своему складу, къ французскимъ бульварнымъ crevés и держится такъ, какъ будто бы всѣ суставы тѣла скрипятъ и задѣваютъ другъ за друга; станъ сгорбленъ, голова въ наклонномъ положеніи, лице, большею частью, худосочное и отъ юности своея всѣ ипохондрики какіе-то.

А англичанки?!.. Они тоже характеристичны! Вотъ, хоть, напримѣръ, вошедшая въ столовую. Великолѣпныя алыя щеки блестятъ, какъ крымское яблоко; тонкая фарфоровой бѣлизны прозрачная кожа и художественное развитіе бюста и плечъ невольно заставляютъ вспомнить формы классическихъ статуй. Вертлявaго кокетства въ ней нѣтъ и слѣда; въ особенности же нѣтъ и намека на кокетство большинства нашихъ русскихъ дамъ, вѣчно находящихся въ нервозномъ раздраженіи отъ заботы, любуются-ли ими окружающіе или нѣтъ.

Англичанка спокойно вошла въ столовую и, не обращая ни на кого вниманія, какъ будто въ столовой было пусто, сѣла прямо, какъ струнка, за свой приборъ. Костюмъ ея былъ олицетвореніе изящества, удобства и гигіены. На головѣ была надѣта маленькая, сѣрая поярковая мягкая шляпа à la bandit съ продольнымъ граціознымъ провальчикомъ въ донышкѣ и съ маленькимъ острымъ цвѣтнымъ перомъ на боку. Платье изъ какой-то дорожной сѣренькой матеріи, совершенно гладкое по таліи, безъ всякихъ украшеній, охватывало свободно станъ, обнаруживавшій силу, здоровье и привычку къ путешествіямъ. Выглядывавшія изъ подъ платья ножки, въ зелененькихъ шелковыхъ чулочкахъ, были обуты въ прочные кожаные дорожные башмаки. Эта женщина дѣйствительно можетъ быть товарищемъ мужчины въ путешествіяхъ; она не стѣснитъ его и не надоѣстъ ему своимъ безпрерывнымъ пискомъ,

капризами и пустотой куклы, когда потребуется отъ нея энергическое напряженіе ума и воли.

Съ этою же англійскою парочкой мнѣ случилось ѣхать почти цѣлыя сутки на пароходѣ, и я не могъ налюбоваться ею. Когда почти всѣ пассажирки, ужь не говоря о пассажирахъ, являлись послѣ безсонной ночи раннимъ утромъ на палубу въ видѣ растерзанныхъ россомахъ, англичанинъ и англичанка выходили на палубу въ тѣхъ же самыхъ костюмахъ, такіе же свѣжіе и изящные, какими теперь я видѣлъ ихъ въ столовой Севастопольскаго «Grand Hotel».

Картина Севастополя.

адо было ѣхать осматривать достопримѣчательности Севастополя. Я взялъ фаэтонъ и отправился.

Описаній Севастополя существуетъ множество; всѣ они неукоснительно варіируютъ на разные лады одну и ту же тему, выраженную когда-то извѣстнымъ духовнымъ ораторомъ, архіепископомъ Иннокентіемъ: «пади ницъ передъ Севастополемъ путешественникъ, мѣсто бо сіе свято есть!»

Со времени Крымской войны прошло теперь болѣе 30 лѣтъ и хотя Севастополь и до сихъ еще поръ не выбился изъ подъ развалинъ и погребальныхъ холмовъ, но эти развалины и историческіе склепы уже утратили значительную долю своей печальной горечи даже для остающихся въ живыхъ современниковъ этой войны. Послѣдняя Турецкая война новыми потоками крови и слезъ смыла горечь Крымской войны, которая для новыхъ поколѣній къ тому же сдѣлалась абстрактнымъ историческимъ фактомъ. Поэтому, я ужь лучше вовсе не буду вспоминать о давно минувшихъ ужасахъ Крымской войны, тѣмъ болѣе, что я совсѣмъ не компетентенъ въ военныхъ дѣлахъ и для меня, какъ для статскаго человѣка, непонятны спеціальныя тонкости обороны и осады крѣпостей.

Съ другой стороны, я совсѣмъ и неспособенъ умиляться воспоминаніями и проливать слезы на крѣпостныхъ могилахъ, какъ это дѣлаютъ другіе туристы, по крайней мѣрѣ на бумагѣ, въ своихъ описаніяхъ. Посмотрѣвши на современный видъ такихъ престрашныхъ штукъ, какъ бывшія Севастопольскія батареи, бастіоны, редуты, одно названіе которыхъ вызывало во мнѣ прежде представленіе о чемъ-то необычайно грозномъ и ужасномъ, я, какъ не военный человѣкъ, нюхавшій порохъ только на охотѣ за утками и то всего одинъ разъ въ жизни, видѣлъ просто-на-просто голые холмы да овраги, разбросанные болѣе или менѣе далеко одинъ отъ другого. Если бы мнѣ мой извощикъ не говорилъ, что этотъ холмъ такой то-молъ извѣстный бастіонъ, а этотъ оврагъ такая-то знаменитая траншея, то я проѣхалъ бы мимо, не обративъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія.

Даже и самый болѣе всѣхъ знаменитый Малаховъ курганъ, даже и этотъ увѣковѣченный Малаховъ курганъ показался мнѣ голымъ бугромъ глины, и больше ничего. Въ свое оправданіе предъ строгими судьями, я могу привести лишь то обстоятельство, что во время Крымской кампаніи, когда въ Севастополѣ гремѣли орудія, я, сидя на рукахъ няньки, тоже гремѣлъ, но погремушкой, или, ползая по полу, заставлялъ бѣлаго зайчика отбивать на барабанѣ побѣдный маршъ. Я не переживалъ событій Крымской войны. Вотъ, если бы мнѣ пришлось побывать въ Плевнѣ или на Шипкѣ, то очень можетъ быть, что пережитыя за эту войну волненія воскресали бы въ моей памяти цѣлою толпой при взглядѣ на тотъ или другой холмъ, на тотъ или другой курганъ, подъемъ и пр., на пункты, гдѣ мои сверстники и знакомые падали массами отъ дѣйствій непріятельскаго оружія, а еще больше отъ пріятельскаго дѣйствія тыла арміи. Но... Севастопольскія руины меня не умилили, а только утомили, а потому я перейду лучше къ мирной картинѣ современнаго Севастополя.

Какъ портовый городъ, обладающій замѣчательнѣйшею въ мірѣ бухтою, по ея положенію и глубинѣ, Севастополь дѣйствительно своеобразенъ; если же взглянуть на него не съ точки зрѣнія бухты, а какъ на городское поселеніе, то... это родная Русь во всей ея неприкосновенности.

Бо̀льшая часть русскихъ городовъ расположена зачѣмъ-то непремѣнно по спускамъ крутѣйшихъ холмовъ; Севастополь тоже. Положимъ, что холмы для любителей видовъ—вещь хорошая, но для постояннаго городскаго обывателя вѣчное путешествіе съ горы на гору, съ косогора на косогоръ—благодарю покорно!..

Мощеныхъ улицъ въ Севастополѣ всего-на-все, кажется, три: Екатерининская, Морская и Дворянская; вымощены онѣ брусчатымъ камнемъ хорошо и правильно. Остальныя же улицы не что иное, какъ узкіе и кривые переулки безъ мостовой и тротуаровъ, а если и съ мостовою, то съ такою, что Боже упаси! Нѣкоторыя изъ улицъ пролегаютъ по такой крутизнѣ, что нельзя не удивляться способности севастопольскихъ извощичьихъ лошадей возить по нимъ экипажи.

Пыль въ Севастополѣ самая патріотическая; достаточно малѣйшаго вѣтерка, чтобы поднялась она цѣлыми массами, и кто разъ побывалъ въ Севастополѣ, то уже никогда не позабудетъ его, не знавши даже его исторіи.

Дома въ Севастополѣ, по недостатку лѣса, все каменные; нѣкоторые довольно красивой архитектуры, но такихъ немного. Изъ общественныхъ сооруженій заслуживаетъ вниманія Графская пристань, по своей архитектурѣ въ классическомъ стилѣ. Это очень красивый на легкихъ греческаго стиля колоннахъ портикъ, прикрывающій собою широкую каменную лѣстницу, ведущую къ рейду. Ступени лѣстницы, какъ и вся пристань, выстланы широкими гладкими плитами. Графская пристань недурное мѣсто для вечернихъ прогулокъ севастопольцевъ.

Затѣмъ довольно красивое зданіе Севастопольскаго музея, въ которомъ хранятся разные предметы и вещи, относящіеся къ воспоминаніямъ объ осадѣ Севастополя. Въ этомъ музеѣ, между прочимъ, весьма интересна, по словамъ севастопольскихъ путеводителей, коллекція портретовъ лицъ, участвовавшихъ при оборонѣ Севастополя, а также собраніе плановъ, картъ, рисунковъ и разныхъ сочиненій, относящихся до Крымской войны.

Музей открытъ для публики, но мнѣ не удалось его осмотрѣть, по случаю производившейся въ немъ ремонтировки.

Мѣстомъ для общественныхъ гуляній служитъ, такъ называемый, маленькій бульваръ, гдѣ въ лѣтніе вечера раза три въ недѣлю играетъ военная музыка. Я предполагалъ, что онъ находится на какой-нибудь части морскаго берега, гдѣ можно было бы во время прогулки подышать живительнымъ морскимъ воздухомъ... Но ошибся! Бульваръ, наоборотъ, расположенъ перпендикуляромъ къ морю на очень высокой горѣ и добраться до него по крупнѣйшей булыжной мостовой тоже своего рода подвигъ.

Желая ознакомиться съ севастопольскимъ обществомъ, я все-таки разъ вечеромъ отправился на бульваръ, но ничего не видѣлъ, во-первыхъ, потому, что вечеръ былъ темный, а бульварные фонари горѣли такъ, какъ будто стыдились даже показывать самихъ себя, до гуляющихъ же имъ, повидимому, и дѣла никакого не было; во-вторыхъ, потому, что были тамъ только одни мѣстные офицеры, со строгостью военной дисциплины конвоировавшіе своихъ дамъ. Эти дамы, весьма вѣроятно, очень интересныя у себя дома въ своихъ блузахъ или совсѣмъ безъ оныхъ, явились на бульваръ въ костюмахъ временъ очаковскихъ и покоренія Крыма, и при тусклыхъ фонаряхъ казались тѣнями, пригнанными сюда съ того свѣта за тѣмъ, чтобы полюбоваться прогрессомъ, совершившимся въ теченіи столѣтія.

Севастополь, какъ морская санитарная станція, въ особенности для морскихъ купаній, мнѣ очень не понравился; поэтому, въ интересахъ своего леченія, я поспѣшилъ осмотрѣть окрестности Севастополя, чтобы затѣмъ скорѣе уѣхать изъ него, по добру, по здорову, купаться на южный берегъ Крыма—въ чистыхъ водахъ Симеиза и другихъ мѣстностей.

Монастыри Херсонесскій и Георгіевскій.

ногія окрестности Севастополя знамениты и по воспоминаніямъ классической древности, и по живописности своего положенія.

Изъ числа такихъ мѣстъ всякій туристъ считаетъ своею непремѣнною обязанностію посѣтить: Херсонесскій и Георгіевскій монастыри и Инкерманъ.

Херсонесскій монастырь находится верстахъ въ трехъ на западъ отъ Севастополя и построенъ на мѣстѣ развалинъ знаменитаго въ древности греческаго города Херсонеса, извѣстнаго въ русскихъ лѣтописяхъ подъ именемъ Корсуня. Здѣсь, по указанію лѣтописца Нестора, была первая купель христіанства русскаго народа. Въ Корсунѣ крестился св. равноапостольный князь Владиміръ и женился на Византійской принцессѣ Аннѣ. Изъ Корсуня же прибыли въ Россію греческіе священники, первые миссіонеры христіанства въ Россіи. Справедливо замѣчаетъ г. Ливановъ въ своей исторической брошюркѣ о Херсонесѣ, что если бы на мѣстѣ русскихъ были англичане и нѣмцы, то они давнымъ-давно застроили бы такое священное мѣсто цѣлыми кварталами увѣковѣчивающихъ благотворительныхъ заведеній, украсили бы его церковными музеями, историческими книгохранилищами, миссіонерскими семинаріями и т. п. Мы же пока на этомъ драгоцѣнномъ для Россіи мѣстѣ не имѣемъ ничего, кромѣ одного монастыря, и то недостроеннаго...

Невольно подивишься бренности всего земнаго, когда сравнишь, чѣмъ былъ Херсонесъ 1000 лѣтъ тому назадъ и что̀ онъ теперь! Тысячу лѣтъ назадъ здѣсь, въ этой теперь безлюдной пустынѣ, стоялъ знаменитый городъ, обнесенный со всѣхъ сторонъ стѣною, развалины которой и теперь еще видны во многихъ мѣстахъ. Направленіе стѣны было неправильное, съ заворотами и зигзагами, въ углахъ которыхъ

были расположены башни; со стороны моря къ этой крѣпости прилегало нѣсколько пристаней, къ которымъ херсонесцы сходили по вырубленнымъ въ скалахъ лѣстницамъ. До сихъ поръ еще сохранились слѣды нѣсколькихъ воротъ, черезъ которые шла дорога во внутренность города. Самый городъ Херсонесъ былъ расположенъ тоже неправильно. Главная улица, шириною въ тридцать саженей (аркасъ), шла отъ западныхъ воротъ по южному краю города, а потомъ заворачивала на сѣверо-востокъ и тамъ терялась. Неподалеку отъ западныхъ воротъ находилась обширная городская площадь, занимавшая до 2.200 квадр. саженей. Кромѣ этой широкой улицы, которую скорѣе можно назвать дорогою, несомнѣнно были еще меньшія улицы и переулки; но городская площадь Херсонеса до сихъ поръ еще такъ сильно завалена щебнемъ и мусоромъ, что нѣтъ никакой возможности точно опредѣлить число и направленіе побочныхъ улицъ и переулковъ. Херсонесъ былъ очень тѣсно застроенъ домами и разными зданіями; здѣсь было, по крайней мѣрѣ, до 5.000 домовъ, а городъ въ лучшую свою эпоху вмѣщалъ до 50.000 населенія. Сюда стремились не одни только купцы, но и греческіе риторы и мудрецы... Даже многіе цари посылали сюда дѣтей своихъ на воспитаніе. По обычаю коренныхъ греческихъ городовъ, улицы и площади Херсонеса украшались металлическими и мраморными монументами въ честь знаменитыхъ гражданъ Окрестности Херсонеса были кругомъ покрыты виноградниками, доставлявшими жителямъ хорошее вино.

Много превратностей судьбы пережилъ Херсонесъ, пока не палъ, наконецъ, въ развалинахъ передъ литовскими полчищами князя Ольгерда. Слѣды и остатки отъ древнихъ замѣчательныхъ по архитектурѣ построекъ Херсонеса видны и до сихъ поръ. Кое-гдѣ еще попадаются осколки колоннъ и капителей; тутъ же отрываются битые кувшины, древнія монеты, но все это такъ смѣшано съ позднѣйшими остатками разрушенныхъ батарей, заброшенныхъ траншей, что надо быть опытнымъ археологомъ, чтобы розыскать что-нибудь. Теперь надъ всею вообще мѣстностью царитъ тоска разрушенія. Даже смотрѣть въ сущности нечего. Недавно только въ Херсонесѣ учрежденъ Херсонесскій первоклассный монастырь,

который расположенъ на небольшомъ мысѣ между Карантинною и Стрѣлецкою бухтами. Монастырь маленькій: двѣ небольшія церкви, изъ которыхъ одна въ русскомъ стилѣ, еще не оконченная внутри, построена, какъ предполагаютъ, надъ самымъ мѣстомъ крещенія св. Владиміра.

— Впрочемъ, это только одно предположеніе, да и притомъ едва-ли вѣрное предположеніе, говорилъ мнѣ, повстрѣчавшійся въ монастырскомъ саду, офицеръ-артиллеристъ изъ Севастополя.—Я археологъ и нумизматъ, отрекомендовался онъ мнѣ:—и уже семь лѣтъ, какъ началъ изучать севастопольскія древности. Я теперь пришелъ къ тому заключенію, что мѣсто крещенія Владиміра должно находиться на противоположномъ берегу Херсонеса.

Офицеръ сталъ мнѣ развивать основанія своихъ предположеній, но я, никогда не интересовавшійся археологіей и нумизматикой, очень скоро соскучился отъ его объясненій, и, посмотрѣвши изъ вѣжливости на его находку—какія-то три ржавыя перержавыя мѣдныя монеты, которыя онъ будто бы наощупь опредѣлилъ времени Романа I, и что онѣ чеканки византійской—я поскорѣе распростился съ нимъ и поѣхалъ въ Георгіевскій монастырь, верстахъ въ 12-ти отъ Севастополя.

Дорога тоскливая—выжженная степь, осыпавшіяся траншеи, батареи, и лишь изрѣдка хутора.

— Живутъ, что-ли, въ хуторахъ? спрашиваю извощика.

— А какъ же! живутъ. У кого, примѣрно, есть скотина, продаютъ молоко, бьютъ масло...

— Ну, это тоже своего рода анахоретство жить въ такомъ хуторѣ, подумалъ я.

Жарко! Ѣхали, ѣхали; кажется, конца не будетъ дорогѣ. Наконецъ, завидѣли колокольню, потомъ показались монастырскія службы и ограда.

— Ну! слава тебѣ, Господи. Пріѣхали.

Былъ уже часъ шестой вечера.

Я вошелъ въ ограду. Въ саду ни души. Я остановился въ недоумѣніи—куда же идти?

— Идите на право, а потомъ внизъ подъ сводъ колокольни, крикнулъ мнѣ извощикъ Я отправился по указан-

ному направленію и, прошедши нѣсколько ступеней внизъ, очутился у желѣзной рѣшетки надъ бездной.

Передо мною открылась содрогающая картина мертвеннаго величія!

Въ глубинѣ пропасти, у подошвы страшнаго, въ нѣсколько сотъ саженей, обрыва разстилалась недвижимая черно-синяя, какъ закаленная сталь, поверхность морскаго залива. По обѣимъ сторонамъ его сурово, какъ отрекшіеся отъ всѣхъ радостей жизни схимонахи, выдвигались островерхіе, мрачные великаны-утесы, едва прикрытые сѣдымъ мхомъ.

Среди моря виднѣлись кое-гдѣ верхушки утесовъ, какъ будто только-что низринувшихся въ бездны моря, чтобы покончить свое безотрадное существованіе самоубійствомъ. Скатъ обрыва былъ разукрашенъ въ причудливомъ безпорядкѣ дикою растительностью, среди которой красовался царь кладбищъ—кипарисъ и замаскировывалъ собою захватывающую духъ страшную крутизну. Багровые лучи вечерняго солнца освѣщали эту мрачную панораму кроваво-огненнымъ цвѣтомъ. Было что-то чарующее въ этой картинѣ, и не смотря на удручающее впечатлѣніе, трудно было отъ нея оторваться! Такъ и тянуло войти въ эту юдоль печали и смерти!

— Можно спуститься къ морю? спросилъ я проходившаго мимо меня послушника.

— Отчего же, спускайтесь, только вѣдь обрывъ обманываетъ. Это только кажется, что близко, а вѣдь очень далеко, отвѣчалъ онъ:—пожалуй, будетъ версты три слишкомъ по тропинкѣ.

Отъ такого путешествія я, конечно, отказался и пошелъ въ маленькую церковь, гдѣ служили всенощную.

Въ церкви были лишь одни монахи; посторонняго люда, кромѣ меня—никого. Подъ впечатлѣніемъ видимой потрясающей великой картины, заунывные, монотонные, знакомые съ ранняго дѣтства, мотивы церковной службы захватывали до глубины души. Наступилъ одинъ изъ тѣхъ моментовъ особенно хорошаго настроенія духа, когда такъ хочется молиться. .

Лучи заходящаго солнца освѣщали маленькій золотой придѣлъ церкви и, отражаясь отъ него ослѣпляющимъ блескомъ,

придавали ему видъ чего-то величественнаго, отстоящаго отсюда чрезвычайно далеко и только открывающагося здѣсь изъ безпредѣльной дали. Сквозь закрытыя окна и двери врывалась земная жизнь щебетаньемъ птицъ, и сами монахи, какъ будто смущенные этою жизнью, пѣли всенощную, понижая свое монотонное пѣніе до полуголоса...

Инкерманъ — пещерный городъ.

Выкупавшись раннимъ утромъ въ нечистыхъ водахъ Севастопольской бухты, я нанялъ яликъ и отправился осматривать Инкерманъ. Было полное безвѣтріе. Свѣтло-голубая поверхность Севастопольской бухты была гладка, какъ зеркало. Когда выѣхали въ сѣверную часть бухты, на лѣвомъ берегу ея на ясномъ горизонтѣ показалось братское кладбище съ церковью, архитектура которой издали напоминаетъ четырехгранную русскую пасху съ крестомъ на верхушкѣ. На правомъ же берегу виднѣлась безконечная бѣлая полоса известковыхъ карнизовъ. Это знаменитый инкерманскій камень, мягкій, легкій въ обтескѣ, замѣняющій собою кирпичъ и цоколь; изъ этого камня выстроенъ весь Севастополь и всѣ его окрестныя селенія.

Инкерманъ стоитъ при устьѣ долины Черной рѣчки, при впаденіи ея въ густо заросшую камышами оконечность Севастопольской бухты. Инкерманъ богатъ своимъ историческимъ прошлымъ, а время его основанія скрывается въ глубинѣ доисторическихъ вѣковъ. Первое поселеніе грековъ въ Крыму было, по преданію, именно въ Инкерманѣ, что по-турецки значитъ въ городѣ пещеръ. Въ новѣйшей же исторіи инкерманская крѣпость извѣстна подъ именемъ Голгоѳы русской арміи въ крымскую войну.

Для меня Инкерманъ представлялъ, главнымъ образомъ, интересъ пещернаго города. Я убѣжденъ, что многіе изъ рус-

скихъ понятія даже не имѣютъ, что такое крымскіе пещерные города Я это сужу по себѣ. Когда я первый разъ услышалъ названіе: крымскій пещерный городъ, то въ воображеніи моемъ рисовался дѣйствительно древній городъ, построенный въ пещерахъ горъ древними народами съ улицами, колоннадами, храмами и т. п. принадлежностями надземныхъ городовъ, въ родѣ откапываемыхъ нынѣ археологами.

На самомъ же дѣлѣ тутъ кроется недоразумѣніе въ самомъ названіи, вызывающемъ въ насъ привычное намъ представленіе о современныхъ городахъ—представленіе, непримѣнимое къ пещернымъ городамъ. Съ обыденной, привычной намъ точки зрѣнія, тутъ никакихъ городовъ нѣтъ, а просто множество отдѣльныхъ пещеръ изсѣченныхъ въ твердомъ камнѣ скалъ съ удивительнымъ терпѣніемъ и съ удивительнымъ въ своемъ родѣ искусствомъ первобытныхъ народовъ, строителей этихъ криптъ. Хотя дѣйствія времени, а въ особенности дѣйствія каменоломовъ частью разрушили, а частью совершенно уничтожили множество замѣчательныхъ криптъ съ ихъ замѣчательными лѣстницами и галлереями, но и до сихъ поръ еще инкерманскія скалы изрыты криптами или пещерными жилищами, какъ будто звѣриными норами.

Пещеры чередуются другъ надъ другомъ цѣлыми этажами и большинство изъ нихъ связано между собою проходами и галлереями. Первыми строителями пещеръ были миѳологическіе циклопы. Но нѣкоторые ученые допускаютъ предположеніе, что пещерные города основаны были уже цивилизованными племенами, и эту гипотезу подтверждаютъ примѣрами происхожденія аѳонскихъ и кіевскихъ пещеръ. Наконецъ, нѣкоторые даже приписываютъ построеніе пещерныхъ жилищъ готамъ; впрочемъ, это послѣднее предположеніе не выдерживаетъ критики. По историческимъ даннымъ, готы были народъ земледѣльческій и занимались садоводствомъ; поэтому, едва-ли можно приписать такому народу изобрѣтеніе подобной первобытной формы жилищъ въ каменныхъ скалахъ.

Во времена византійскаго періода пещерные города играли роль крѣпкихъ убѣжищъ, куда укрывалось мирное населеніе крымскихъ долинъ отъ набѣговъ хищныхъ племенъ.

Наконецъ, пещерные города служили убѣжищами первыхъ

христіанъ во времена гоненій. Отсюда же, какъ говоритъ преданіе, проповѣдывалъ Евангеліе св. апостолъ Андрей Первозванный. Пещерные города только начинаются Инкерманомъ, а затѣмъ идутъ извилистою цѣпью на сѣверо-востокъ почти до верхняго теченія р. Альмы. Поэтому, знакомство съ пещерными городами обыкновенно и начинается съ Инкермана.

Собственно Инкерманомъ называется оконечность хребта горъ правой стороны Черной рѣчки. Эта оконечность горнаго хребта выдвигается весьма высокими отвѣсными утесами, съ обрывистами уступами и скатами, образующими ущелье, которое открываетъ входъ въ Инкерманскую долину. На этихъ-то Инкерманскихъ высотахъ происходила 24 октября 1854 г. знаменитая и роковая въ исторіи крымской войны инкерманская битва.

На противоположномъ берегу Черной рѣчки, какъ разъ напротивъ ущелья, на отлогомъ уступѣ дикой скалы, расположенъ Инкерманскій монастырь, основанный относительно недавно, именно въ 1850 году, архіепископомъ Инокентіемъ; монастырь очень бѣдный и маленькій, всего въ немъ шесть монаховъ, въ томъ числѣ настоятель и два послушника, а безъ нихъ такъ всего лишь 3 монаха.

Тутъ имѣются два храма: одинъ храмъ въ честь св. Троицы, новѣйшей постройки, простой византійской архитектуры, а другой храмъ пещерный, высѣченный въ скалѣ еще въ I вѣкѣ по Р. Х. Преданіе гласитъ, что этотъ храмъ высѣченъ въ скалѣ собственноручно св. мученикомъ Климентомъ, папою римскимъ, который былъ сосланъ императоромъ Траяномъ на заточеніе въ таврическія каменоломни.

Храмъ св. Климента теперь реставрированъ въ строго-древнемъ стилѣ—пещерныхъ храмовъ, съ висящимъ какъ бы на воздухѣ балкончикомъ и съ высѣченною въ скалѣ крутою входною лѣстницею. Потолокъ храма высеребренъ прямо по шаршавой вырубкѣ скалы; церковная утварь и образа — все древнѣйшаго стиля.

Рядомъ съ церковью св. Климента имѣется еще болѣе древнѣйшій пещерный храмъ, но онъ пока не реставрированъ.

Побродивши, въ сопровожденіи настоятеля монастыря, по

монастырю и по пещерамъ, я отправился на противоположный берегъ къ ущелью Инкерманской крѣпости.

Громадныя, крутыя, обнаженныя скалы открываютъ какъ бы входныя ворота въ Инкерманскую долину. По стѣнамъ скалъ чернѣютъ криптъ. Наверху виднѣются развалины башни.

Глубокое затишье знойнаго полудня. Въ воздухѣ ни звука, ни шелеста вѣтра! Въ воображеніи невольно замелькали картины древняго прошлаго. Я задумчиво всматривался въ черныя пасти высокихъ криптъ. Воображеніе рисовало картины изъ событій и легендъ классической старины. На темномъ фонѣ пещерныхъ отверстій, казалось, мелькали тѣни то красавицъ классической Греціи, въ легкихъ туникахъ и сандаліяхъ, то горныя нимфы, бѣжавшія сюда отъ осатанѣвшихъ отъ любовной страсти боговъ Олимпа...

Въ глубинѣ одной изъ криптъ вдругъ, дѣйствительно, что-то мелькаетъ бѣлое. Пристально всматриваюсь. Не можетъ быть! Еще пристальнѣе всматриваюсь и, наконецъ, убѣждаюсь, что на веревкѣ, протянутой въ пещерѣ, болтаются мужскіе кальсоны!..

— Гашка! завизжалъ неподалеку женскій голосъ.—Вонъ баринъ, може, хочетъ чего, поди спроси.

Передо мною вдругъ выросла, точно изъ земли, дѣвушка, лѣтъ 14, въ одной сорочкѣ и юбкѣ, съ голыми красными руками и съ обнаженными до колѣнъ изъ подъ юбки, нѣжными, полусформированными ножками. Она, видимо, запыхалась. Ноздри ея хорошенькаго курносаго носика быстро отдувались, а изъ-за раскрытыхъ для вопроса красныхъ губенокъ виднѣлся рядъ бѣлыхъ зубовъ. Дѣвушка, выставивъ впередъ свою босую стройную ножку, стала передо мною, подбоченясь обѣими руками.

— Може, что вамъ нужно? наконецъ, проговорила она, прищуривъ слегка отъ солнца свои сѣренькіе глазки.

— Да, нужно... и притомъ большая нужда, отвѣчалъ я, любуясь граціей дѣвушки и рѣшившись подтрунить надъ нею.

— А что вамъ такъ нужно? удивленно расширила она зрачки.

— А поцѣловать тебя! отвѣчалъ я, стараясь серьезно глядѣть на нее.

Дѣвушка покраснѣла, сердито сдвинула брови и вдругъ бокомъ отскочила назадъ, выдвинувъ при этомъ движеніи передъ собою лѣвую руку, какъ бы въ защиту.

— Не бойся! не бойся, милая! разсмѣялся я.—Я вѣдь шучу; я только хочу у тебя спросить, кто это развѣсилъ бѣлье въ пещерахъ?

— А это солдатъ тутъ живетъ, отвѣчала успокоенная дѣвушка, широко улыбаясь отъ придуманной мною шутки.

— Да какъ же онъ попалъ сюда?

— А по свидѣтельству изъ управы

— Что же, онъ платитъ кому-нибудь за помѣщеніе?

— Солдатъ-то! да что съ солдата-то взять? засмѣялась она

— А можно посмотрѣть его жилье?

— Отчего же. Можно. Ступайте туда; жена солдата покажетъ.

Я поднялся по высѣченной въ скалѣ лѣстницѣ и увидѣлъ три довольно большія пещерныя комнаты, аршина въ три высотою, отдѣленныя одна отъ другой также высѣченными изъ скалы перегородками и площадками. Каждая комната имѣла удобныя отверстія, замѣняющія собою окна и двери; всѣ комнаты выходили своими дверями на длинный корридоръ, который шелъ въ глубину горы и оканчивался большою пещерой, служившей солдату кладовой и сушильней для бѣлья.

Въ жилыхъ комнатахъ пещеры стояла обычная мебель, кровать, шкафы и т. п.

Археологи говорятъ, что пещерные города Крыма — жилища троглодитовъ; вотъ и прекрасно, думалъ я, смѣясь, теперь могу сказать, что видѣлъ рѣдкость—семью троглодита въ XIX столѣтіи!

Вернувшись изъ Инкермана въ Севастополь, я выкупался и въ три часа дня уже ѣхалъ въ коляскѣ по дорогѣ въ Балаклаву.

Балаклавскія достопримѣчательности.

Произведенные мною, въ короткое время пребыванія, осмотры севастопольскихъ достопримѣчательностей нѣсколько утомили меня. Вообще до подобныхъ осмотровъ я небольшой охотникъ. Во мнѣ нѣтъ любви не только къ могиламъ, хотя бы онѣ были разисторическія, но и ко всякимъ археологическимъ памятникамъ. Даже къ роскошнымъ видамъ природы я отношусь иной разъ съ какимъ-то враждебнымъ равнодушіемъ, въ особенности, если только приходится ихъ осматривать какъ будто по заказу, единственно лишь для того, чтобы потомъ имѣть право говорить: «Видѣлъ! Прелесть!» Быть въ Римѣ и не видать папы считается чѣмъ-то постыднымъ, но я чувствую себя способнымъ продѣлать такую штуку, а въ особенности подъ вліяніемъ южнаго зноя, располагающаго къ кейфу.

Югъ создалъ кейфъ! Для меня понятенъ турокъ, курящій безмолвно свой кальянъ и думающій свою безконечную ни о

чемъ думу. Кейфъ—это блаженное состояніе покоя, когда ничего не хочешь, ничего опредѣленнаго не думаешь, когда не спишь, а спишь.

— А вы знаете, баринъ, почемъ я васъ везу? вдругъ разбудилъ меня этимъ вопросомъ извощикъ, обернувши ко мнѣ свой широкій въ веснушкахъ патретъ чисто русскаго типа.

— Знаю, говорю.

— А за сколько?

— За 25 рублей, въ Симеизъ по южному берегу и заѣхать на часъ въ Балаклаву.

— Анъ, вотъ и не знаете, широко улыбаясь, сказалъ онъ:—не за 25, а только за 20.

— Какъ же такъ?

— А вамъ коляску-то кто нанялъ? Коммисіонеръ въ гостинницѣ?

— Да, коммисіонеръ.

— Вотъ, ему, варвару, я пять рублей и выложилъ за коммисію. Сами судите, на боку лежа—ни дна ему, ни покрышки—заработалъ пять рублей, а у меня коляска, у меня тройка лошадей... Въ Севастополѣ мнѣ вамъ сказать этого нельзя было; за это напредки я въ гостинницѣ лишился бы заработка. А только мы дорогой всѣхъ проѣзжихъ упреждаемъ, чтобы они сами нанимали коляски на биржѣ.

— Извощикъ лишняго не возьметъ, снова заговорилъ ямщикъ.—А коли повезетъ за тѣ же 25 рублей, такъ все же лучше—пусть пятерка ему пойдетъ въ карманъ за евойный трудъ, чѣмъ этимъ варварамъ-коммисіонерамъ. Ужь вы, баринъ, упредите своихъ знакомыхъ, коли случай выйдетъ.

— Хорошо, говорю, коли случай будетъ, упрежу. Но только ты посуди теперь самъ, ладно-ли такъ выйдетъ. Проѣзжій баринъ-то цѣнъ не знаетъ, придетъ къ извощику, а онъ цѣну и заломитъ ужь не 25, а 30 или 40 рублей. А у васъ, какъ одинъ заломилъ, такъ и всѣ ломятъ. Вотъ и придется тогда битыхъ часа два съ вами торговаться, ну и повезете за тѣ же 25 рублей. Коммисіонеръ-то знаетъ вашего брата и цѣны знаетъ, такъ онъ не позволитъ ободрать проѣзжаго, какъ липку.

Извощикъ мнѣ ни слова не отвѣтилъ и почесалъ себѣ за-

тылокъ.—Эй! вы, саврасики! подхватывай въ гору! закричалъ онъ на лошадей, и фаэтонъ сталъ въѣзжать на гору.

Дорога становилась все волнистѣе и волнистѣе; выжженная степь и пустыри начали уступать мѣсто горной растительной природѣ; тутъ уже изрѣдка попадались группы тополей, орѣховыхъ деревьевъ, кое-гдѣ лужайки свѣжей и сочной зеленой травы.

Черезъ часъ ѣзды, наконецъ, показались вдали высокіе, сѣрые, скалистые утесы. Ближе, ближе и фаэтонъ въѣхалъ въ аллею изъ высокихъ пирамидальныхъ тополей.

— Балаклава, что-ли? окликнулъ я извощика.

— Она самая. Здѣсь все греки живутъ и церковь-то тоже греческая, усмѣхнулся почему-то извощикъ.—Вамъ куда? Въ панцыонъ?

— Вези, пожалуй, въ панцыонъ

Аллея кончилась, мы выѣхали на известковую дорогу и, наконецъ, передъ глазами открылась вся Балаклава.

Высокіе, упирающіеся чуть не въ облака, утесы, сѣрые, полуобнаженные и лишь только мѣстами поросшіе кустарниками и зеленью, нависли гигантскою оградой надъ глубоко врѣзавшеюся въ землю морскою бухтою. Балаклавская бухта соединяется съ моремъ очень узенькимъ проливчикомъ, котораго даже и незамѣтно съ берега бухты, такъ что она болѣе похожа на озеро, чѣмъ на морской рукавъ. Спокойная синева бухты сверкала подъ отраженіемъ красноватыхъ лучей приближавшагося къ закату солнца.

Городъ расположенъ у подножія утесовъ, при взглядѣ съ моря, на правомъ берегу бухты.

Собственно говоря, Балаклава на столько же городъ, на сколько и ракъ рыба.

Всѣхъ домовъ въ городѣ, кажется, никакъ не больше 70 или 80; притомъ, они разбросаны вдоль всего берега отъ одного до другаго конца подножія утесовъ неправильными рядами, промежутки которыхъ образуютъ собою кривые проходы, или, выражаясь высокимъ слогомъ, улицы.

Балаклавскіе дома назвать домами въ томъ смыслѣ, какъ понимается слово городской домъ, будетъ тоже слишкомъ смѣло: это или маленькія крымскія мазанки изъ известко-

ваго камня съ черепичными, а то такъ даже земляными крышами, или деревянные барачки, просто скорлупки. Во всей Балаклавѣ, сколько мнѣ помнится, имѣется только одинъ настоящій домъ—г. Скирмута, который и есть, по выраженію моего извощика, панцыонъ.

Домъ г. Скирмута расположенъ на песчанномъ уступѣ горы и стоитъ однимъ изъ первыхъ при въѣздѣ въ Балаклаву съ сухаго пути. Впрочемъ, этотъ путь и есть пока единственный путь для заѣзжихъ, потомучто пароходы русскаго общества пароходства и торговли въ Балаклаву не заходятъ.

Фаэтонъ остановился внизу въѣзда во дворъ дома г. Скирмута.

Вдали я замѣтилъ бѣгущаго со всѣхъ ногъ ко мнѣ навстрѣчу человѣка. Онъ былъ въ широкой соломенной шляпѣ, бѣломъ коломянковомъ одѣяніи, и на бѣгу махалъ мнѣ обѣими руками.

Я вышелъ изъ коляски и ждалъ его приближенія.

— Вамъ что нужно? обратился я къ нему, когда онъ былъ уже вблизи меня.

— Я балаклавскій коммисіонеръ-съ, отвѣчалъ онъ запыхавшимся голосомъ.—Если желаете квартиру, могу вамъ рекомендовать очень дешевую и хорошую.

— Квартиры мнѣ, говорю: —не надо, а осмотрѣть Балаклаву помогите. Впрочемъ, пожалуй, кстати, покажите и квартиру, чтобы, по крайней мѣрѣ, имѣть понятіе, какъ у васъ здѣсь живется. Сперва вы проведите меня посмотрѣть помѣщеніе въ домѣ Скирмута.

Извощикъ мой, заклятый врагъ коммисіонеровъ, не утерпѣлъ и разсердился.

— И охота вамъ, баринъ, съ нимъ возжаться! Велика-ли и вся-то Балаклава—чего тутъ показывать? Вы осмотрите и одни. Что ему, варвару, деньги бросать зря, вѣдь онъ даромъ не станетъ показывать.

Я посмѣялся, но все-таки отправился за своимъ чичероне въ гору, къ дому г. Скирмута.

Домъ очень хорошій, съ нѣсколькими флигелями, окруженъ зеленью, преимущественно изъ виноградныхъ лозъ; по уступу горы тянется очень недурный садъ. Комнаты содер-

жатся чисто и, притомъ, онѣ весьма прилично и съ удобствами меблированы. Управляющій пансіономъ любезно показалъ мнѣ нѣсколько свободныхъ комнатъ и объяснилъ условія пансіона. Цѣна помѣщенія со столомъ и прислугой, смотря по удобствамъ и по соглашенію, отъ 2-хъ до 4-хъ рублей въ сутки съ персоны. Въ цѣну двухъ рублей включается обѣдъ и самовары. Высшая цѣна полагается, по желанію, за чай, завтракъ, ужинъ и другія удобства. Срокъ найма не менѣе двухъ недѣль.

Нѣкоторыя, пока еще пустыя, комнаты были уже заняты на имя ожидавшихся курсистовъ на виноградный сезонъ.

На дворѣ оканчивался постройкою новый флигель, тоже съ номерами для пріѣзжихъ.

— Однако, вы пристраиваете еще новый флигель, сказалъ я управляющему:—должно быть, вашъ пансіонъ не пустуетъ во время виноградnаго сезона.

— Дѣла у насъ идутъ, вообще, очень недурно, отвѣчалъ онъ.—Правда, у насъ почти всегда можно найти помѣщеніе даже случайнымъ пріѣзжимъ, т. е. незаписавшимся заранѣе, но въ общемъ у насъ простой комнатъ очень незначительный. Два семейства у насъ живутъ вотъ уже третій годъ, и зиму, и лѣто У насъ здѣсь тихо, спокойно; воздухъ чистый, здоровый; купанья отличныя; виноградъ всѣхъ, какихъ угодно, сортовъ. Цѣны на все дешевыя, и чѣмъ дольше срокъ найма помѣщенія, тѣмъ, конечно, дешевле и выгоднѣе условія.

Мнѣ, по правдѣ сказать, такъ понравился пансіонъ Скирмута, что даже мелькнула было у меня мысль, не пожить-ли здѣсь недѣльку, а потомъ ужь ѣхать въ Симеизъ. Я люблю иногда такую безмятежную тишь жизни и природы. Вѣдь я уѣхалъ-то сюда, чтобы отдохнуть отъ петербургской суетни и дрязготни, а тутъ приходится опять тащиться съ багажемъ въ коляскѣ! Не остаться-ли въ самомъ дѣлѣ? раздумывалъ я, лѣниво спускаясь съ горы вслѣдъ за коммисіонеромъ, который велъ меня показывать другую квартиру.

Онъ привелъ меня въ деревянный домикъ на береговой улицѣ, которая, впрочемъ, поневолѣ считается главною улицею, потому что единственная въ Балаклавѣ.

Приходъ нашъ съ коммисіонеромъ встрепенулъ хозяекъ

дома, двухъ молодыхъ гречанокъ съ рѣзкими толстыми чертами лица и съ крупно развитыми всяческими женскими формами. Онѣ наперерывъ выхваляли мнѣ свою квартиру, состоявшую изъ полутора комнаты, съ довольно сносною меблировкою, въ которой меня, между прочимъ, особенно удивила своими широчайшими размѣрами кровать подъ кисейнымъ пологомъ. Цѣну квартиры они объявили, кажется, рублей 45 въ мѣсяцъ, безъ стола, который сами же онѣ рекомендовали получать изъ ресторана насупротивъ ихъ дома. Я посмотрѣлъ насупротивъ дома и никакого ресторана не замѣтилъ, но такъ какъ я квартиру смотрѣлъ собственно изъ любопытства, то и не захотѣлъ напрасно безпокоить хозяекъ разспросами. Вѣроятно, подъ громкимъ именемъ ресторана слыла здѣсь квартира какой-нибудь балаклавской стряпухи.

— А что, у васъ продовольствіе-то хорошее? спросилъ я.

— О! повели многозначительно бровями гречанки:—у насъ столъ здѣсь отличный! флотскій борщъ, антрекотъ, баранина, а изъ рыбы—живая кэфаль.

Мнѣ стало смѣшно при этомъ перечнѣ блюдъ. Дѣйствительно, странно, что французское названіе антрекотъ такъ сильно привилось въ Крыму, что рѣшительно всѣ его знаютъ и положительно нѣтъ ни одной трактирной обѣденной карты, гдѣ бы антрекотъ не фигурировалъ обязательно. Также комичны и другія названія блюдъ. Въ Крыму борщъ, такъ ужь непремѣнно борщъ флотскій, а отчего онъ непремѣнно флотскій—Аллахъ вѣдаетъ. Еслибы въ Крыму знали нѣсколько сортовъ борща—малороссійскій, польскій—ну, тогда бы понятно, а то ничуть не бывало, вездѣ борщъ приготовляется по своему вкусу или, лучше сказать, безвкусно, но все-таки называется не просто борщъ, а флотскій борщъ, развѣ именно за свою безвкусность при всякихъ способахъ приготовленія.

Увѣривъ гречанокъ, что мнѣ ихъ квартира очень понравилась и что я скоро думаю пріѣхать въ Балаклаву и тогда непремѣнно возьму у нихъ квартиру, я пошелъ купаться.

Купальня въ Балаклавѣ, по своему устройству, точь-въ-точь севастопольская, только въ миніатюрѣ.

Въ маленькомъ водномъ квадратикѣ купальни, окаймлен-

номъ маленькими купэ для раздѣванія, глубина воды только до плечъ человѣку небольшаго роста, но за то внѣ купальни, въ бухтѣ, глубина сразу въ нѣсколько саженей. Вода чистая и прозрачная, какъ зеленый хрусталь; дно—гравій, не безпокоющій ногъ; температура воды обыкновенная для Чернаго моря на южномъ его берегу, градусовъ около 20 Р. Вообще купанье прелестное.

Купающихся со мною никого не было. Я выплылъ въ открытую бухту. Женская купальня вся, какъ на ладони. Если въ Севастополѣ, какъ говорится, все видно, то ужь въ Балаклавѣ не только все видно, а даже мѣстные Донъ-Жуаны, благодаря необыкновенной прозрачности воды и пользуясь свободнымъ правомъ купальщиковъ, могутъ смѣло изучать въ присутствіи ревнивѣйшихъ изъ мужей всякія мѣстоположенія каждаго изъ родимыхъ пятнышекъ на тѣлѣ ихъ женъ, и потому отчетливое знаніе всѣхъ мельчайшихъ подробностей тѣлосложенія и секретныхъ примѣтъ въ Балаклавѣ никакъ не можетъ быть поводомъ къ обвиненію кого-либо въ адюльтерѣ.

Вода такъ хороша, что просто не вышелъ бы изъ нея! Однако, все-таки пора выходить, подумалъ я, извощикъ мой, навѣрно, уже ворчитъ, что поздно доберемся до Байдаръ.

Возвращаясь къ фаэтону берегомъ, я остановился на минуту, чтобы окинуть Балаклаву послѣднимъ взоромъ.

Бѣлые домики въ живописномъ безпорядкѣ раскинулись амфитеатромъ по скату горы. Ярко освѣщенные лучами заходящаго солнца крутыя, обнаженныя, сѣрыя скалы висѣли надъ бухтой страшною громадою. Хребетъ ближайшаго къ морю утеса красовался на голубомъ фонѣ неба, увѣнчанный полуразрушенными башнями когда-то грозной крѣпости. Тамъ и сямъ неподвижно стоятъ пирамидальные тополи и высоко тянутся вверхъ, какъ будто желая уловить послѣдній лучъ заходящаго солнца. Какая тишь кругомъ! Какой покой въ воздухѣ! Какая ясность неба!

Копошится и здѣсь все та же жизнь въ каждомъ домишкѣ! Течетъ она и здѣсь, какъ и въ большихъ городахъ, съ тѣми же горями и радостями, любовью и ненавистью, честолюбіемъ и корыстью. Людскія поселенія поневолѣ сравнишь съ излюб-

ленными здѣсь, надо думать, поселеніями клоповъ! Попадетъ клопъ въ благодатную кровать и клоповникъ разовьется, расплодится, разжирѣетъ, возмнитъ о своей силѣ и власти и станетъ расползаться чванливо кругомъ повсюду, и по стѣнамъ, и по полу, по карнизамъ и мебели, и даже начнетъ посылать цѣлыя колоніи въ сосѣдніе дома. Попадутъ клопы въ неподходящую для нихъ кровать, и выходитъ совсѣмъ не то. Если даже они, такъ или иначе, и ухитрятся расплодиться и размножиться, то все-таки ведутъ себя какъ-то скромнѣе, тише. Вѣдь въ сущности и люди также, на доброй почвѣ, изъ горсти людей разростается какой-нибудь Курскъ, Москва, Одесса; на голой же скалѣ—Балаклава. И тутъ, и тамъ борятся всѣ равно за свое существованіе, и чванятся всѣ равно своимъ первенствомъ въ животномъ царствѣ, и гордятся одинаково всѣ своимъ насиженнымъ клоповникомъ, и даже, пожалуй, чѣмъ онъ меньше размѣромъ, тѣмъ дороже онъ ихъ сердцу... И гдѣ, гдѣ и когда не встрѣтишь божьяго люда. Мчишься-ли по желѣзной дорогѣ раннимъ утромъ, когда еще сама природа спитъ, а кругомъ мертвый пустырь и безмолвные холмы, вглядишься вдаль черезъ окно вагона, и ужь навѣрное увидишь, что гдѣ-нибудь да ползетъ по спуску горки баба-блоха съ ведрами на коромыслѣ черезъ плечо...

— За послѣдніе годы Балаклава сильно начала обстраиваться, замѣтилъ мнѣ коммисіонеръ.

— Да гдѣ же она обстраивается? поглядѣлъ я на него.

— А вонъ, видите?.. домъ-то строится, указалъ онъ на строющуюся хижинку на курьихъ ножкахъ.—Это домъ генерала—уроженца Балаклавы, съ важностью проговорилъ онъ и съ гордостью взглянулъ на меня.

Я невольно расхохотался, но сейчасъ же искренно пожалѣлъ о своемъ невольномъ смѣхѣ. Важность и гордость исчезли съ лица коммисіонера, а отвѣтная изъ вѣжливости на мой смѣхъ усмѣшка его выразила какую то печаль безсилія. Въ самомъ дѣлѣ, Балаклавѣ, наконецъ, какъ-то удалось произвести на бѣлый свѣтъ, легко сказать, цѣлаго генерала можетъ быть, единственнаго на всемъ вѣку ея существованія, а тутъ хохочутъ!.. Домъ-то, правда, на курьихъ ножкахъ, но за то вѣдь въ немъ кто будетъ жить-то?! И вѣдь не генералъ

какой-нибудь—со стороны, какихъ каждый годъ сюда наѣзжаетъ пропасть, а настоящій балаклавскій генералъ!..

Въ отплату за невольную обиду, я пощедрѣе обыкновеннаго вознаградилъ милѣйшаго коммисіонера за его услуги и, распростившись съ нимъ, сталъ садиться въ коляску.

Пока я усаживался, ко мнѣ подошелъ маленькій худосочнаго вида старичекъ.

— Куда изволите ѣхать? спросилъ онъ меня.

— Въ Симеизъ, говорю.

— Вы знакомы съ Симеизомъ?

— Нѣтъ, я первый разъ туда ѣду.

— Не будете-ли такъ любезны написать мнѣ изъ Симеиза, хороша-ли тамъ жизнь и много-ли зелени? Мнѣ, изволите-ли видѣть, докторъ одинъ изъ Одессы посовѣтовалъ пріѣхать купаться въ Балаклаву. А я здѣсь очень недоволенъ. Растительности здѣсь очень мало, да и питаніе ужь слишкомъ плохое. Положимъ, у Скирмута вонъ есть садъ и много зелени, да вѣдь если бы я былъ молодой человѣкъ, такъ тогда бы я жилъ у него, а я человѣкъ старый и дѣйствительный статскій совѣтникъ.

Ужь почему старый человѣкъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ не можетъ жить у Скирмута—я рѣшительно не могъ взять въ толкъ, но такъ какъ разговаривать было некогда, то я, поскорѣе записавши фамилію старика въ свою памятную книжку, обѣщалъ извѣстить его изъ Симеиза. Лошади тронулись и я отправился дальше въ путь-дорогу.

Байдарская долина.

Прекрасная вещь желѣзная дорога!.. Но когда спѣшить некуда и ѣдешь только для прогулки, то иногда невольно порадуешься, что ея еще нѣтъ и что поневолѣ приходится тащиться на лошадяхъ. Хорошо ѣхать тихимъ, теплымъ лѣтнимъ вечеромъ, развалившись въ удобной колескѣ, по мягкой проселочной дорогѣ, среди залитыхъ мягкими розовыми лучами заходящаго солнца то сѣнокосныхъ луговинъ, то лѣсныхъ просѣкъ, то поселковъ, выглядывающихъ изъ-за окружающаго ихъ дикаго кустарника, то изъ-за рощицъ, изъ-за жиденькихъ деревьевъ. Чувство нѣмаго восхищенія охватываетъ душу; дорожная качка убаюкиваетъ, какъ колыбель, и чуется, какъ сердце наполняется безмятежнымъ ощущеніемъ красоты и тихой радости кружающей природы.

Такъ ѣхалъ я дорогою изъ Балаклавы въ Байдарскую долину. Тишь и гладь! Кругомъ... ни звука! Кое-когда лишь

пара воловъ протянетъ скрипучую, неуклюжую татарскую мажару, которая нѣсколько на время разсѣетъ зрѣніе и слухъ, а затѣмъ опять все тихо.

Гористыя покатости и склоны, поросшіе молодымъ лѣскомъ, постепенно начали уступать мѣсто лѣсистымъ ущельямъ; дорога становилась все кремнистѣе и круче; передъ глазами стали выростать уже громадныя горы, сплошь занятыя густыми лѣсами. Обрушившіяся надъ ущельями слоистыя скалы напоминали собою раскрытую громаднѣйшихъ размѣровъ библію геологическихъ эпохъ. Овраги, разсѣлины, глубокія промоины выше и ниже дороги обнажали пласты геологическихъ наслоеній, обрамленныхъ, какъ въ древнихъ библіяхъ, витіеватыми рисунками изъ дикой растительности.

Глазъ, привыкшій къ скромному величію красотъ сѣверной природы, которая всегда проста, всегда нѣсколько правильна, не очень сложна и которая болѣе или менѣе гармонична въ своихъ размѣрахъ и очертаніяхъ, тутъ сразу поражается выдвигающимся на первый планъ хаосомъ громаднѣйшихъ глыбъ, отуманивается безпорядочнымъ нагроможденіемъ другъ надъ другомъ различныхъ каменистыхъ породъ, очаровывается причудливостью очертаній, разнообразностью размѣровъ и воздушною легкостью разбросовъ горной растительности, въ особенности, когда все это погружается въ молчаливый, прозрачный сумракъ южнаго вечера.

Изъ Балаклавы я выѣхалъ уже часу въ 6-мъ вечера; до Байдарской же долины считается 18 верстъ, и очевидно, мнѣ пришлось подъѣзжать къ этой очаровательной долинѣ, когда сдѣлалось совсѣмъ темно.

Мнѣ было это крайне досадно. Я непремѣнно хотѣлъ видѣть Байдарскую долину во всей ея красотѣ. Отъ часто-ли слышанныхъ мною громкихъ восклицаній моихъ знакомыхъ: «Байдарская долина! Байдарская долина! Это восторгъ! Восхищеніе!» или у меня перепутались въ воспоминаніи различныя впечатлѣнія картинъ, разсѣянныхъ въ описаніяхъ разныхъ пѣвцовъ Крыма, ну, словомъ, почему-то Байдарская долина рисовалась въ моемъ воображеніи въ самыхъ роскошныхъ краскахъ.

Я высказалъ свою досаду извощику, взявшемуся доставить меня засвѣтло въ эту долину.

— То-есть, совершенно смотрѣть нечего! проговорилъ извощикъ, усмѣхнувшись и покрутивъ головой.

— Ничего ты не понимаешь! разсердился я на него. — Завтра утромъ, чуть свѣтъ, вернемся изъ деревни сюда и тогда осмотримъ. Я тебѣ за это прибавлю.

— Вернуться-то не устать-ста, да вѣдь не попадемъ тогда на восходъ солнца къ Байдарскимъ воротамъ, возразилъ мнѣ извощикъ.

— Это вѣрно, согласился я недовольный.—Дѣлать нечего, значитъ, не судьба мнѣ видѣть нынѣшнимъ лѣтомъ Байдарскую долину...

Однако, на возвратномъ пути въ Петербургъ изъ Ялты мнѣ пришлось опять ѣхать южнымъ берегомъ на Севастополь, и дѣло было днемъ, такъ что я видѣлъ эту воспѣваемую многими туристами долину, и я готовъ согласиться съ мнѣніемъ моего извощика, что смотрѣть ее въ настоящее время совершенно не стоитъ.

Долина простирается въ длину верстъ на 16, а въ ширину отъ 8 до 10 верстъ. Со всѣхъ сторонъ она обставлена горами и орошается Черною рѣчкою и нѣсколькими незначительными ручьями, тоже слывущими подъ названіемъ рѣчекъ. Рѣчки эти, не смотря на крайнюю скудость своихъ водъ, послужили къ развитію по берегамъ ихъ сочной растительности, оживляющей окрестныя поляны, а прибрежную почву онѣ сдѣлали способною обильно вознаграждать трудъ землевоздѣлывателей. И дѣйствительно, до эмиграціи татаръ въ Турцію, а въ особенности до крымской войны, Байдарская долина была густо населена и вмѣщала въ себѣ болѣе двадцати большихъ богатыхъ деревень. Эти деревни просто утопали въ своихъ роскошныхъ садахъ съ вѣковыми деревьями, гдѣ встрѣчались всѣ крымскія породы—орѣховъ, черешни, бергамотъ, яблонь, персиковъ и т. п. Теперь же Байдарская долина въ экономіи графа Мордвинова превратилась въ пустыню Нѣкогда роскошные сады и чаиры запущены, или и совсѣмъ стерты съ лица земли. Мѣстами торчатъ только однѣ развалины когда-то богатыхъ татарскихъ усадьбъ. Народа почти совсѣмъ не видать. Когда я смотрѣлъ на Байдарскую долину, то въ ушахъ у меня звучала арія изъ Руслана:

«О поле! поле! кто тебя усѣялъ мертвыми костями!»

Все-таки Байдарская долина, а въ особенности горный путь къ ней должны быть восхитительны въ лѣтнюю, свѣтлую лунную ночь, когда полный дискъ луны обливаетъ своими мягкими фосфорическими лучами и небо, и землю, и придаетъ волшебное, очаровательное сіяніе всѣмъ очертаніямъ лѣса и скалъ. Картина непремѣнно должна выходить фантастическою. По моему мнѣнію, каждый туристъ, который только можетъ свободно располагать своимъ временемъ, непремѣнно долженъ разсчитать свой путь изъ Севастополя въ Байдары именно на періодъ полнолунія.

Я этого раньше не зналъ, а теперь, уже въ десятомъ часу вечера, мнѣ приходилось подъѣзжать къ Байдарской деревнѣ подъ непроглядным покровомъ черной воробьиной ночи.

Убійство и грозная кара.

Ни зги не видно!.. Даже сидящій на облучкѣ фаэтона ямщикъ представляется мнѣ въ видѣ какой-то безформенной кочерыжки... Жутко ѣхать въ темную ночь по незнакомой дорогѣ! Каждая ямка, въ которую соскальзываетъ колесо экипажа, каждый бугорокъ, заставляющій накрениться вашъ экипажъ на бокъ, невольно заставляетъ васъ опасаться быть опрокинутымъ куда-нибудь въ канаву или въ оврагъ. Такое безпокойство чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе охватываетъ васъ и вынуждаетъ пристальнѣе и пристальнѣе вглядываться въ густую, окружающую васъ тьму, напрягать до послѣдней степени ваше зрѣніе и работать воображеніе, чтобы хоть сколько-нибудь вѣрно опредѣлить пробивающіеся изъ бездны мрака какихъ-то смутныхъ формъ и очертаній силуэты!..

Кругомъ могильная тишина!.. Но вотъ, вдругъ пронеслись какіе-то тихіе, глухіе, жалобные стоны, похожіе на стонъ по-

кинутаго, одиноко умирающаго человѣка. Я невольно встрепенулся, мнѣ даже почудилось, что эти стоны раздались здѣсь, гдѣ-то вблизи фаэтона, какъ будто изъ глубины канавы или оврага. Стоны едва пронеслись и моментально исчезли. Я сталъ было вслушиваться—мертвая тишина кругомъ, только раздавался глухой стукъ копытъ, мѣрно переступавшихъ съ ноги на ногу, лошадей, да по временамъ фырканье той или другой изъ нихъ. Я успокоился.

Но вотъ опять раздались тѣ же стонущіе звуки теперь уже гораздо яснѣе, отчетливѣе и въ нихъ уже слышался оттѣнокъ мольбы, призыва на помощь. Я взглянулъ на ямщика, чтобы спросить его: слышитъ-ли онъ? Но такой вопросъ становился излишнимъ: по движеніямъ различавшейся въ темнотѣ фигуры ямщика было замѣтно, что онъ снялъ шапку и крестился.

— Что это за стоны? Какъ будто кто умираетъ? спросилъ я и, самъ не зная почему, вполголоса.

— Здѣсь это часто бываетъ, отвѣтилъ онъ со вздохомъ:— это убивство!..

— Какъ убійство?.. Я не слыхалъ, чтобы здѣсь по дорогѣ было неспокойно, переспросилъ я.

— Я не про то говорю, отвѣчалъ ямщикъ:—у насъ на счетъ этого ни въ жисть ничего такого не бываетъ. Это старики гуторятъ, что здѣсь давно-давно, лѣтъ, можетъ, тысячу назадъ, было убивство, и вотъ теперь стоны и слышатся—земля, значитъ, не принимаетъ убивцу.

— Какое же это такое убійство?.. Ты знаешь?..

— Знаю, отвѣчалъ ямщикъ.—Въ этихъ мѣстахъ, началъ онъ:—жила какая-то вдова, красивая-раскрасивая баба. Гулящая была, страхъ! Никому проходу не давала — холостой парень или женатый ей все равно—всѣхъ тащила къ себѣ и всѣхъ умащивала и всѣхъ ублаготворяла такъ, что всю свою казну, сколько ни на есть, оставляли у ней въ домѣ—всѣхъ разоряла! Мужей отъ женъ отбивала, парней отъ дѣвокъ — никто и жениться даже не хотѣлъ. Гульбинки да пиры шли у нея кажинный день—дымъ коромысломъ!.. Тутъ же, неподалеку, жилъ святой старецъ, Иванъ Готскій. Женское сословіе пошло жалиться ему на вдову, что обездоливаетъ она всѣхъ женъ и дѣтей и разоряетъ семьи. Старецъ и почалъ

ходить по здѣшнимъ селеніямъ и укорять распутныхъ мужей и парней, чтобы они образумились и бросили знаться съ блудной вдовой. Разозлилась на него вдова—страсть! Узнала она, что старецъ долженъ былъ проходить тутъ ночью съ святыми дарами къ одному умирающему человѣку, вотъ она возьми камень, да и стань подкарауливать его. Ночь была темная, хоть, вотъ, какъ теперь. Чуть лишь поравнялся съ нею старецъ, она и хватила его камнемъ, только попала-то не въ голову, а въ плечо. Старецъ упалъ на землю съ святыми дарами и проговорилъ:

— «Ты злодѣй, поднявшій руку на святые дары, ты камень, а не человѣкъ, да будешь ты проклятъ! Да будешь ты навсегда камнемъ!..»

— Какъ проговорилъ это старецъ, вдова пропала, а на мѣстѣ ея очутился вдругъ черный камень Онъ тутъ гдѣ-то и до сихъ поръ стоитъ, и вотъ въ темныя ночи этотъ камень стонетъ по-человѣчьи, это значитъ приходитъ сюда изъ ада душенька вдовы, чтобы посмотрѣть, приняла-ли въ себя земля ея грѣшное тѣло или нѣтъ. Когда этотъ камень скроется въ землю, то, значитъ, близокъ конецъ свѣту и тогда душа перестанетъ стонать по темнымъ ночамъ. — Озорники изъ здѣшнихъ пытались было зарыть въ землю этотъ камень—значитъ грѣшное тѣло вдовы-красавицы, такъ не могли, — какъ только станутъ подходить къ камню, такъ сейчасъ же нападаетъ на нихъ куриная слѣпота, походятъ, походятъ кругомъ, а все таки не найдутъ камня, съ тѣмъ и вернутся назадъ!.. Значитъ, зарокъ старца крѣпокъ и положенъ былъ до свѣтопредставленія, закончилъ свой разсказъ ямщикъ.

Позднѣе южнобережскіе туземцы мнѣ разсказывали, что, будто бы, дѣйствительно существуетъ здѣсь такой камень, издающій именно въ темныя, безлунныя ночи стоны, какъ умирающій человѣкъ, и этотъ камень они называютъ плачущимъ камнемъ.

Само собою разумѣется, что причина этихъ звуковъ чисто физическая и, по всей вѣроятности, тутъ играетъ роль движеніе охлажденнаго на горахъ воздуха, стекающаго въ долину въ видѣ легкаго горнаго вѣтерка. Этотъ-то вѣтерокъ,

проходя мимо какого-нибудь полаго камня, и вызываетъ въ немъ тихіе, похожіе на жалобный стонъ, звуки.

На счетъ этого стонущаго камня у татаръ разсказывается своя, тоже не менѣе характерная легенда.

У одного могущественнаго Байдарскаго бея—разсказываютъ татары—была когда-то красавица дочь, по имени Мелисса, которая со дня своего рожденія, по древнему мусульманскому обычаю, была просватана за сына сосѣдняго, тоже властительнаго, бея.

Красавица выросла, не видѣвши своего нарѣченнаго жениха, но, по слухамъ, она знала о немъ, какъ о безобразномъ тѣломъ и душою человѣкѣ, а потому никакъ уже не могла полюбить его заочно; тутъ же, вдобавокъ, подвернулся молодой пастухъ, красавецъ собою, отважный и гордый, какъ будто сынъ самого падишаха. Молодые люди страстно полюбили другъ друга, но видѣться могли весьма рѣдко и только подъ темнымъ покровомъ воробьиныхъ ночей находили для себя свѣтлыя минуты жизни.

Родители красавицы ни за что и слышать не хотѣли, чтобы отказаться отъ выгоднаго жениха, а самъ женихъ объ этомъ и не помышлялъ, зная, что обреченная ему въ жены дочь бея слыветъ единственною, невиданною красавицей во всемъ Крыму.

Наконецъ, наступила ему пора взять свою невѣсту, и тогда суровый князь-женихъ пріѣхалъ за нею. Мольбы красавицы отказаться отъ нея не тронули жестокаго сердца князя, а еще болѣе разожгли его страсть. Онъ рѣшилъ во что бы то ни стало узнать, кто его соперникъ, котораго полюбила красавица. Скрывъ въ глубинѣ души свой замыселъ, князь не подавалъ вида и тайно слѣдилъ за своею невѣстой.

Когда въ темную ночь красавица Мелисса вышла на послѣднее, прощальное свиданіе съ своимъ возлюбленнымъ, и оба они стояли обнявшись, сливаясь въ послѣднемъ навѣки прощальномъ поцѣлуѣ, тогда подкарауливавшій ихъ князь-женихъ мѣткою рукою выпустилъ съ своего крѣпкаго лука каленую стрѣлу, которая, пронизавъ два бившихся любовью сердца, соединила ихъ навѣки.

Убійца хладнокровно возвратился въ домъ родителей Ме-

лиссы, какъ ни въ чемъ не бывало, и лишь на другой день обнаружилось исчезновеніе невѣсты. Повсюду разосланы были гонцы розыскивать ее, и вотъ тогда-то, наконецъ, родители узнали, что ихъ дочь навѣки соединена съ своимъ возлюбленнымъ не брачными узами, а стрѣлою убійцы!.. За нѣсколько минутъ до погребенія убитыхъ, въ таинственномъ пастухѣ, возлюбленномъ Мелиссы, былъ узнанъ сынъ скиѳскаго царя Скирула...

Закоченѣвшіе въ объятіяхъ другъ друга, два трупа влюбленныхъ были на томъ же самомъ мѣстѣ преданы землѣ и на могилѣ ихъ поставленъ камень, который съ тѣхъ поръ и издаетъ въ темныя ночи свои стонущіе, плачевные звуки, какъ вѣчный укоръ за нарушеніе священныхъ правъ любящаго сердца женщины...

Во время своего разсказа извощикъ раза два путалъ въ темнотѣ проселки, пока, наконецъ, не замелькали путеводные огоньки изъ оконъ байдарскихъ «гостинницъ для пріѣзжающихъ», какъ громко гласятъ вывѣски на двухъ-трехъ домикахъ деревни.

Объ удобствахъ байдарскаго ночлега я былъ уже заранѣе предупрежденъ Одна моя знакомая туристка разсказывала мнѣ, что когда она попросила въ одной изъ байдарскихъ гостинницъ перемѣнить постельное бѣлье, то служанка, укоризненно покачавъ головой, замѣтила: этакъ вѣдь и бѣлья не напасешься! Простыни совсѣмъ еще чистыя, вчера только одинъ разъ всего и проспалъ - то на нихъ купецъ изъ Москвы.

Я, впрочемъ, никогда не путешествую безъ достаточнаго запаса въ своемъ дорожномъ пледѣ бѣлья, а потому, заполучивъ конурку во второмъ этажѣ гостинницы, самъ сдѣлалъ себѣ постель. Затѣмъ, выпилъ стаканъ плохаго молока и скоро заснулъ крѣпчайшимъ сномъ, несмотря на безпрерывный отчаянный хохотъ подъ окномъ моей конурки цѣлой компаніи изъ какихъ-то нѣмецкихъ буршей, расположившихся на открытой галлереѣ за самоваромъ и за одною на всю компанію Flasche Woronzower. Они, видимо, старались самымъ добросовѣстнымъ образомъ увеселять другъ друга всякаго рода остротами и анекдотами; вѣдь поѣздка къ Байдарскимъ воротамъ

считается за partie de plaisir, а безъ громкаго хохота какой же это plaisir? Тогда ужь лучше остаться дома, гдѣ у каждаго навѣрное имѣется своя Pauline, als die Dame, die Dame zum Plaisir!

Байдарскія ворота.

Около трехъ часовъ ночи служанка гостинницы разбудила меня; коляска уже была заложена и стояла у крыльца; я, наскоро умывшись, тронулся въ путь къ Байдарскимъ воротамъ.

Влажный туманъ сѣрымъ покрываломъ застилалъ путь; непривѣтливо встрѣтила и холодно провожала байдарская деревушка своихъ ночлежниковъ Легкая дрожь пробѣгала по членамъ; сонное воображеніе еще не разсталось съ теплотою постели и мысль забѣгала впередъ, на южный берегъ, гдѣ ждетъ тепло и гдѣ путь уже пойдетъ среди лавровъ, тополей, маслинъ и кипарисовъ.

Начинался подъемъ въ гору. Гладкая луговина постепенно стѣснялась и съуживалась. Вдоль горныхъ уступовъ возвышался густой лѣсъ Все это было картинно, живописно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, все это казалось нестоющимъ затраты особеннаго вниманія, въ ожиданіи будущихъ чудесъ южнаго берега, который уже былъ такъ близокъ-близокъ!..

Проѣхали въ гору уже верстъ пять. Лѣсъ начиналъ, мало-по-малу, рѣдѣть, а изъ-за сѣраго покрова тумана стали вырисовываться двѣ исполинскія горы, покрытыя по своимъ склонамъ зеленымъ кустарникомъ. Еще нѣсколько вверхъ, и передъ глазами появляется саженей въ восемь длиною и сажени въ четыре шириною, сложенный изъ гранита и кирпича, мостъ, упирающійся своими концами въ склоны двухъ гигантовъ горъ. Проѣздъ подъ сводомъ этого моста, или, вѣрнѣе сказать, весь этотъ мостъ, перекинутый съ уступа одной

горы на уступъ другой, съ устроенною наверху моста площадкою для туристовъ и есть тѣ знаменитыя Байдарскія ворота, видѣть которыя считается священною обязанностью для каждаго посѣтителя Крыма. Здѣсь нѣкогда стояла Екатерина Великая, окруженная своими блестящими сподвижниками, и здѣсь-то она, очарованная открывшеюся ей перспективой величественной природы южнаго берега, назвала Крымъ лучшею жемчужиною своей короны.

Теперь, конечно, я долженъ бы приступить къ описанію величественной картины живописнѣйшаго вида, открывающагося съ Байдарскихъ воротъ на южный берегъ Крыма. Но вотъ тутъ-то ... изволите-ли видѣть... и запятая! Мой уважаемый другъ, хорошо знакомый съ моею обычною манерою писанія, считаетъ меня окончательно неспособнымъ къ восторгамъ чистой поэзіи! Я бы, пожалуй... рискнулъ описать видѣнную мною чудную картину, конечно, описать по-своему. Прелесть вида южнаго берега съ Байдарскихъ воротъ отъ моего даже протокольнаго описанія, само собою разумѣется, не измѣнилась бы ни на іоту,—прелестный видъ останется все тѣмъ же прелестнымъ видомъ, но... я только опасаюсь, что мои неудачныя холодныя выраженія, вдругъ, пожалуй, вызовутъ въ читателѣ досаду, а то такъ, пожалуй, еще хуже—заподозриваніе самого автора въ недобротѣ, въ злобности, въ чемъ я вовсе не желаю быть заподозрѣннымъ. Вѣдь одинъ и тотъ же предметъ можно назвать двумя, кажется, совсѣмъ однородными именованіями, а получатся, наоборотъ, два совершенно разныхъ представленія. Хорошенькую женщину маленькаго роста назовите колибри—она вамъ сдѣлаетъ глазки, а назовите ее пигалицей—она страшно обидится. Опишетъ-ли очаровательный видъ южнаго берега пламенный пѣвецъ Крыма, Е. Марковъ, или начнетъ описывать тотъ же видъ такой протоколистъ, какъ я, совсѣмъ получатся разныя картины. Я бы, напр., описавъ какими-нибудь двумя-тремя плохими штрихами грозное величіе горно-морскаго пейзажа, сейчасъ бы непремѣнно перешелъ на толпу веселыхъ нѣмецкихъ буршей, которые съ громкимъ хохотомъ лѣзли другъ за другомъ по совсѣмъ отвѣсному склону горы, и лѣзли затѣмъ только, чтобы насладиться съ верхушки коротенькимъ моментомъ, когда восходящее солнце покажется

изъ-за скалы и яркимъ своимъ блескомъ ослѣпитъ имъ на нѣсколько секундъ глаза и заставитъ нѣкоторыхъ изъ нихъ чихнуть!..

За вереницей этихъ буршей тутъ же тянулась и парочка двухъ нѣжныхъ супруговъ, тоже одновременно съ нами пріѣхавшихъ сюда любоваться видомъ, открывающимся съ Байдарскихъ воротъ. Бурши, на то и бурши, чтобы выкидывать всякія штуки! Терпѣливо дождавшись, на верхушкѣ, когда, наконецъ, восходящее солнце ослѣпило ихъ глаза и заставило ихъ наклоняться и чихать цѣлымъ хоромъ, они сейчасъ же, веселые и довольные, нетерпѣливо начали скатываться внизъ чуть не кувыркомъ!..

Нѣжная парочка супруговъ не успѣла еще оточхаться и протереть свои ослѣпленные солнечнымъ восходомъ глаза, какъ уже и слѣдъ простылъ всей шумной толпы ихъ камрадовъ по влѣзанію. Супруги заметались по площадкѣ горы. Спускаться внизъ было уже не такъ легко и безопасно, а разсчитывать на чью-либо помощь совсѣмъ уже нельзя было. И вотъ, наконецъ, они рѣшились взять примѣръ съ нѣкоторыхъ современныхъ прогрессистовъ... Къ тому же самому свѣтилу, взглянуть на появленіе котораго стремились съ такими усиліями и съ такимъ нетерпѣніемъ, они обернулись уже совсѣмъ другою частью тѣла. Обернулись тою частью, которая обыкновенно осуждена оставаться въ тѣни, когда обращаются къ солнцу. Нагнувшись чуть не до земли своими носами, цѣпляясь со страхомъ за хрупкіе уступы камней и хватаясь съ трепетомъ за попадавшіяся вѣтви кустовъ, они представляли, при яркомъ освѣщеніи утренняго солнца, тоже въ своемъ родѣ величественную картину поступательнаго рачьяго движенія впередъ съ одновременнымъ опусканіемъ внизъ...

Ну, развѣ мыслимо изображать такую картину въ Байдарскихъ воротахъ?! Ну, а послѣ того пришлось бы разсказывать, какъ меня раздосадовала неряшливость и невнимательность станціонныхъ хозяевъ, у которыхъ вы не находите на станціи ни стакана молока, ни стакана вина, ни даже куска чернаго хлѣба, чтобы освѣжиться послѣ утренней на-тощакъ прогулки. Причина такого оскудѣнія, конечно,

самая уважительная—все наканунѣ вечеромъ было выпито и съѣдено налетѣвшею саранчею-проѣзжими!..

Конечно, прочитавши и подобное протокольное описаніе, можетъ быть, кто-нибудь, и воспользовался бы кое-чѣмъ и, быть можетъ, если бы онъ вздумалъ когда-нибудь наслаждаться восходомъ солнца съ Байдарскихъ воротъ, то запасся бы въ Севастополѣ или гдѣ-нибудь по дорогѣ бутылкою вина и хлѣбомъ, но все-таки едва-ли бы кто былъ удовлетворенъ подобнымъ протокольнымъ описаніемъ.

А посему, въ виду вышеизложеннаго и принявъ въ соображеніе воображеніе читателей, развертываю «Очерки Крыма» Е. Маркова:

«Васъ чуть не отбрасываетъ назадъ отъ внезапности, отъ изумленія; весь строй прежнихъ мыслей уносится мгновенно, какъ пыль, вихремъ, словно вы вдругъ попали изъ одного міра въ другой. Вы проѣхали сквозь Байдарскія ворота. Кончилось подъятіе, трудность и тѣснота; горы вдругъ широко разступились; глубоко разодрались нѣдра земли, и ты, до сихъ поръ тяжко карабкавшійся вверхъ, вдругъ повисъ, какъ на крыльяхъ птицы, надъ необъятною бездной. Эта бездна—цѣлое море, цѣлая страна. Южный берегъ Крыма съ своими лѣсами, скалами и деревеньками лежитъ распростертый глубоко подъ вашими ногами. Вамъ вдругъ открываются волны Азіи и далекіе горные мысы, до которыхъ нужно ѣхать многіе дни. Декорація перемѣняется мгновенно и неожиданно, словно въ какой-нибудь волшебной оперѣ. Голова, неприготовившаяся къ нежданному контрасту, смущается и туманится надъ этою чарующею бездною; не вѣрится, что нужно, что можно спускаться туда внизъ; оттуда цѣлыя поселенья кажутся бѣлыми точками, а скалы камушками. Но помимо крайней неожиданности и рѣзкости перехода, панорама, открывающаяся изъ Байдарскихъ воротъ, сама по себѣ одна изъ грандіознѣйшихъ, какія гдѣ-либо можно увидѣть. Я знаю знаменитыя живописныя мѣста Европы и думаю, что врядъ-ли въ ней найдется болѣе счастливое сочетаніе самыхъ противоположныхъ элементовъ пейзажа. Гигантская скала Фароса, переливающая всѣми цвѣтами яшмы, голая, обглоданная вѣтрами и водами, выдвинулась въ море направо отъ васъ, кажется, всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ васъ до макушки видная вамъ, загораживая все, что за нею—море, небо и скалы. Восходящее солнце ударяетъ своими лучами прямо въ грудь ея. На голой вершинѣ, на голыхъ бокахъ сверкаетъ солнце, а пята ея еще закутана въ бѣлые туманы, курящіеся надъ моремъ. Какъ клубы дыма, туманы эти свиваются и спалзываютъ съ неподвижной морской поверх-

ности и яркая утренняя синева волнъ прорывается озерами сквозь рѣдѣющую дымку тумана, разростаясь все шире, сливаясь все ближе. Налѣво отвѣсная стѣна Яйлы, увѣнчанная лѣсами сосенъ, упирается въ самыя облака и отрѣзаетъ отъ вашего взгляда весь горизонтъ лѣвой стороны. Слѣва эта неприступная, подоблачная стѣна, на которой еще покоятся тѣни ночи, справа—страшный утесъ Фароса, облитый огнями восхода, составляютъ чудную рамку этой чудной картины. Угрожающая, надвинутая близость этихъ твердынь, ихъ рѣзкія краски и громадность очертаній составляютъ поразительную противоположность съ мягкими, туманными тонами, въ которыхъ видишь отсюда на безконечное разстояніе море и зеленые скаты южнаго берега, будто вставленные въ каменную раму» и т. д., и т. д., и т. д.

Грезы въ полуснѣ.

ертитъ зигзагами отъ Байдарскихъ воротъ внизъ по лѣсистому склону глубокой пропасти южнобережское шоссе. Зеленѣютъ вдали виноградники и кипарисы, а внизу глубоко сверкаетъ зеркальная поверхность Чернаго моря переливами отраженій золотистыхъ лучей утренняго солнца. Надъ дорогой высятся громады скалъ и проѣзжающему кажется, что они каждую минуту, каждую секунду могутъ обрушиться и раздавить его, какъ ничтожнаго червяка.

Почти вертикальная поверхность скалъ усѣяна грудами камней, набросанныхъ отъ дѣйствія снѣговыхъ лавинъ и земляныхъ обваловъ. Широкіе, крутые бока скалъ то складываются ступенями, то образуютъ стѣны, то возвышаются башнями. Въ безконечномъ отдаленіи вѣковъ эти каменныя громады порождены вулканическими силами, живутъ онѣ и теперь своею гранитною мощью и взращиваютъ въ своихъ рас-

щелинахъ, на неприступныхъ высотахъ, рѣденькую зеленѣющую растительность! Вотъ и тоннель—дѣло рукъ человѣка!..

Тоннель, прорубленный въ громадной скалѣ, поглощаетъ васъ, какъ пасть чудовища, скрываетъ на минуту все изъ вашихъ глазъ, а тамъ опять открываются уступы, разсѣлины, бугры и камни, растенія причудливыхъ и формъ, и величинъ...

Слишкомъ раннее вставанье даетъ себя чувствовать и отъ дорожной усталости нападаетъ сладостная дремота, глаза слипаются... все кругомъ подергивается какъ бы полупрозрачнымъ флёромъ, за которымъ скалы, лѣса и горы двигаются, какъ живыя. Что, если бы они могли разсказать всю свою жизнь, все то, чему они были свидѣтелями въ теченіи многихъ тысячелѣтій!.. Странно это неясно сознаваемое въ полуснѣ движеніе горъ, скалъ и лѣсовъ!.. Они то поднимались вверхъ, то опускались внизъ, а то громоздились другъ на друга, какъ будто желая раздавить другъ друга... Хаосъ!.. А что такое на самомъ дѣлѣ былъ хаосъ? Что-то ужасное въ этой всеобщей неурядицѣ!.. Совсѣмъ другое, когда вполнѣ сформировалась земля, тогда и въ Крыму была безграничная зеленая равнина, покрытая необычайною растительностью въ невѣроятномъ изобиліи. Яркія краски цвѣтовъ и бѣлые колосья злаковъ рельефно отдѣлялись отъ зелени безграничныхъ луговъ. Съ какою ясностью я вижу эту картину!

Въ чащѣ цвѣтущихъ гигантскихъ деревьевъ съ круглыми зеленѣющими вершинами виднѣются колоссальныя птицы, развертывающія свои длинныя крылья! Чудовищные исполины животнаго царства движутся въ высокой травѣ и въ злакахъ всякаго рода. А вонъ и громадные олени съ исполинскими рогами бѣгутъ за тяжелыми стадами броненосныхъ мамонтовъ, тапировъ, слоновъ и носороговъ. Табуны лошадей несутся съ изящною легкостью по дивнымъ лугамъ. А все-таки и тутъ хищныя плотоядныя ведутъ ожесточенную борьбу съ невинными стадами! Это совсѣмъ не золотой вѣкъ, о которомъ такъ мечтали древніе. Левъ, тигръ, гіена, медвѣдь, шакалъ такъ же, какъ и теперь, выбирали среди травоядныхъ себѣ добычу...

Былъ и такой періодъ: нѣтъ временъ, нѣтъ года, нѣтъ

климатовъ!.. Странно!.. При безсознательной жизни самыя тысячелѣтія проходятъ, какъ мигъ—мигъ, въ который, однако, все измѣняется... Вулканическія движенія, да, да, вулканическія движенія!..

Ужасающій подземный огонь пробиваетъ себѣ дорогу черезъ толщу земной коры. Оглушительные подземные удары потрясаютъ почву. Земля колеблется. Удары за ударами! Земная кора образуетъ разсѣлины, сквозь которыя изливается съ страшною силою растопленный гранитъ и образуетъ огненныя рѣки, озера и моря. Массы водянаго пара сопровождаютъ изверженіе лавы, пары, сгущаясь, падаютъ дождевымъ ливнемъ и затопляютъ равнины потоками грязи. Рѣки, орошавшія первобытныя равнины, текутъ обратно, наводняютъ все кругомъ и поглощаютъ все, а затѣмъ, вдругъ сами поглощаются разверзшеюся пропастью...

Какъ море во время урагана, заволновалась земля на громадныя пространства!.. Тысячи холмовъ то поднимаются на страшную высоту, то опять проваливаются. Разверзается страшная пропасть. Огонь, дымъ, пепелъ, раскаленные минералы летятъ въ высоту! Расплавленныя горнокаменныя породы поднимаются изъ центра земли, мѣшаются съ слоистыми массами всѣхъ эпохъ, несмѣтные густые пары описываютъ въ безграничномъ пространствѣ воспаленные круги, и вотъ... изъ этой химической лабораторіи-пропасти выростаютъ очертанія громадной цѣпи горъ Яйлы!

Вѣка летятъ!.. Одинъ, десять, сто, тысяча, тысячи-тысячъ! Какая страшная даль этой вереницы вѣковъ!.. Голова кружится...

Опять въ Крыму природа полная жизни и радости! Горная Таврида одѣта въ роскошную зелень уже новаго наряда, цвѣты магнолій, виноградные листья, исполинскіе ліаны отливаются великолѣпными колерами подъ животворными лучами солнца. Обнаженныя горы съ широкими разсѣлинами и крутыми откосами, покрытыми обломками глыбъ и разсѣянными камнями, замыкаютъ стѣною южную Тавриду отъ суроваго дыханія сѣверныхъ степей. Море разстилаетъ свой великолѣпный просторъ и навѣваетъ нѣгу своимъ влажнымъ теплымъ дыханіемъ!..

Какъ мѣняетъ модная красавица своихъ любовниковъ, такъ смѣняетъ Таврида, одно за другимъ, передвигающіяся племена, убѣгающія отъ голодной истощенной почвы Азіи въ непочатый край. Мелькаютъ вереницею одна за другою картины мира и войны! Вонъ лагерь первыхъ обитателей Тавриды какого-то народа тавро-скиѳовъ!

Въ одѣяніи, изукрашенномъ содранными съ вражьихъ головъ вмѣстѣ съ кожею волосами, съ круглыми чашами въ рукахъ изъ отдѣланныхъ въ золото непріятельскихъ череповъ, они у подножія развѣсистаго дуба совершаютъ свои жертвоприношенія богу войны. Кровь плѣнниковъ брыжжетъ на мечъ родоначальника!.. Дикая радость! Дикіе крики! Дикое торжество!..

Вотъ выступаетъ и звѣроподобный ликъ женщины-наѣздницы... Съ быстротою вихря летитъ она на легконогомъ скакунѣ промежъ береговыхъ утесовъ, вооруженная перекинутыми за спину лукомъ и колчаномъ съ стрѣлами. Полуобнаженный дѣвственный станъ царицы амазонокъ не шелохнется, сильныя бедра ея словно слиты съ боками скакуна, а обнаженныя голени и ступни отогнуты назадъ. Страшно съ такою дѣвственницей амазонкой вступать въ битву обыкновеннымъ смертнымъ! Она даже своею дѣвственностью избиваетъ уже тѣхъ, которыхъ она должна была бы нарождать въ силу своей природы... Славна непобѣдимость дружины амазонокъ! Добыть на войнѣ перевязь ихъ царицы Ипполиты считается царемъ Евристеемъ выше силъ смертныхъ, и эта добыча поставлена имъ въ числѣ семи подвиговъ Геркулеса...

Но вонъ выдѣляются безобразныя лица гунновъ... Мечемъ исцарапаны ихъ щеки! Они царапаютъ щеки рожденныхъ дѣтей своихъ, чтобы ребенокъ пріучился терпѣливо переносить раны, прежде чѣмъ онъ научится сосать грудь своей матери. Свирѣпость—доблесть гунна!.. Широкоплечій, малорослый, безбородый, съ изрытымъ рубцами лицемъ, онъ ловокъ въ движеніяхъ и страшенъ въ бою... Да были-ли на самомъ дѣлѣ такіе гунны? Не перифразъ-ли это насъ, уродующихъ своихъ дѣтей съ момента рожденія?.. Въ бою изъ-за гроша, а тѣмъ болѣе изъ-за рубля, современная свирѣпость не уступитъ нисколько свирѣпости гунновъ. Если теперь не проливается кровь, то единственно потому, что въ

нынѣшнемъ бою умираютъ отъ безкровія. Кровь высасывается раньше до капли... и проливать нечего...

Темныя массы народовъ одна за другою продолжаютъ выростать, какъ будто изъ земли: аланы, готы, печенѣги, хозары, половцы оставляютъ кровавые слѣды своихъ походовъ на страну. Обливается почва Тавриды потоками крови, умощается расколотыми черепами и удабривается безформенными грудами человѣческихъ тѣлъ...

Но вотъ на свѣтломъ фонѣ голубаго горизонта развертываются картины счастливой жизни генуэзскихъ и греческихъ колоній. Мангунское княжество, херсонская республика, босфорское царство, кафская и другія факторіи располагаются по прекраснымъ заливамъ и плодоноснымъ землямъ Тавриды. Богатый флотъ, великолѣпные храмы, башни, дворцы! Кипитъ въ колоніяхъ матеріальная и духовная жизнь!

Походъ аргонавтовъ за золотымъ руномъ въ Колхиду проносится передъ глазами во всемъ очарованіи подробностей классическаго миѳа. Возстаетъ изящный образъ жрицы Ифигеніи въ храмѣ богини Діаны! Напѣвается поэтичный миѳъ о похожденіяхъ друзей Ореста и Пилада! Все это плодъ вдохновенія горной природы южнаго берега Крыма...

Опять на Тавриду несутся, какъ стаи голодныхъ волковъ, массы азіатскихъ народовъ и поглощаютъ, подобно горному потоку, все встрѣчное въ пути!.. Орды монголо-татаръ вторгаются въ Тавриду, захватываютъ ее и сами осѣдаютъ въ ней. Пострадавшее отъ ихъ набѣговъ экономическое состояніе страны снова начинаетъ развиваться и процвѣтать при нихъ же, какъ новыхъ властителяхъ. Многочисленныя стада овецъ, козъ, рогатаго скота, табуны лошадей уже опять пасутся на горныхъ вершинахъ. Виноградники и фруктовые сады, орошаемые колодцами, выкопанными изумительнымъ трудомъ и терпѣніемъ татаръ, занимаютъ громадныя пространства. Пшеница, рожь, ячмень, овесъ, маисъ, горохъ, ленъ, табакъ, чеснокъ и всякаго рода огородная овощь разводятся въ изобиліи. Идущіе отсюда многочисленные обозы доставляютъ въ окрестныя страны массы произведеній этой страны. Крымская соль развозится далеко. Сады татаръ—въ заботливомъ уходѣ и обработкѣ; ихъ поливаютъ, чистятъ, унавоживаютъ...

Но вотъ для успѣховъ цивилизаціи считается за благо покорить мусульманское варварство, сломить мусульманскій эгоизмъ и мусульманскую обособленность!.. Графъ Минихъ растаптываетъ стотысячную татарскую армію, обращаетъ татарскіе города въ кучу развалинъ; за Минихомъ графъ Ласси сжигаетъ тысячу деревень, а князь Долгорукій беретъ приступомъ и разоряетъ послѣдніе, уцѣлѣвшіе отъ разгромовъ, Крымскіе города: Перекопъ, Арабатъ, Каѳу, Керчь, Еникале, Евпаторію, Бальбекъ, Тамань! Триста тысячъ татаръ выселяются въ Турцію! Пустѣютъ деревни; могильною скатертью разстилается разоренная, обезводненная, обезплодненная земля!

Только южнобережскія горы, съ своею растущею между скалъ безъ всякой обработки растительностью, да Черное море съ своимъ теплымъ, влажнымъ дыханіемъ и съ красотою безпредѣльнаго пространства неизмѣнно чаруютъ взглядъ путешественника и вынуждаютъ Екатерину Великую, въ порывѣ восторга, назвать вновь пріобрѣтенный опустѣлый Крымъ лучшею жемчужиною своей короны!..

Проходитъ еще столѣтіе. Крымская война проносится послѣднимъ бурнымъ ураганомъ надъ татарскимъ населеніемъ Крыма; послѣдняя же Турецкая война окончательно развѣваетъ послѣдніе остатки монголо-татарскаго нашествія! Sic transit gloria mundi!

Начинается новый періодъ славянской колонизаціи, славянскаго возрожденія края. Опять начинается то, что уже было нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ! Но теперь колонизація идетъ въ другомъ родѣ. Русскій народъ является сюда уже не въ праздничныхъ издревле національныхъ рубахахъ и костюмахъ, а въ форменныхъ фракахъ, украшенныхъ бархатными воротниками и металлическими пуговками, съ Станиславами, Аннами, Владимірами въ петлицахъ, на шеяхъ, на правыхъ и лѣвыхъ бокахъ, и этотъ народъ закладываетъ въ Симферополѣ первый камень памятника, воздвигаемаго въ воспоминаніе дня окончательнаго присоединенія Крыма къ Россіи или, лучше сказать, возвращенія его Россіи!.. Вдали показывается процессія татаръ во главѣ съ своимъ муллой. Они идутъ раздѣлить русское народное торжество и вознести тоже молитвы Аллаху, обѣщающему рай Магомета за истребленіе

гяуровъ. Но... имъ предъявляютъ отношеніе изъ канцеляріи губернатора отъ такого то числа и за такимъ-то №, не разрѣшающее татарамъ принимать участіе въ чествованіи дня столѣтія возвращенія Крыма въ составъ славянской Россіи. Татары безмолвно удаляются... На мѣсто ихъ появляется другая, тоже не славянская процессія пейзановъ и пейзанокъ съ букетами въ рукахъ... Одинъ изъ Станиславовъ въ петлицѣ галантно подставляетъ кренделемъ руку идущей во главѣ процессіи пейзанкѣ огороднаго типа, которая дѣлаетъ книксенъ и, просовывая свою руку въ подставленный кренделемъ локоть, запѣваетъ:

Ueberall, wo wir sind,
Da ist das Vaterland!
O! la-i, la-u! O! la-u, la-i!
O! Vaterland!

Что за чепуха такая? Гдѣ же я?!.. — O! la-i... вдругъ взвизгнула пейзанка такъ сильно, что меня отбросило назадъ, я стукнулся головой обо что-то твердое, широко раскрылъ глаза и очнулся...

Коляска моя стояла накренившись на бокъ; заднее колесо ея лежало на шоссе. Извощикъ, почесывая затылокъ рукою, просунутою подъ шапку, смотрѣлъ, разиня ротъ, на эту оказію, и наконецъ, безпомощно разведя руками, предложилъ мнѣ пѣшкомъ дойти до станціи Кикинеизъ, которая была уже совсѣмъ близко; самъ же онъ разсчитывалъ дотащиться какъ-нибудь съ коляской до деревенской кузницы.

Очнувшись отъ грезившагося сна, я былъ даже доволенъ представившемуся случаю поневолѣ пройтись пѣшкомъ, и отправился по направленію къ станціи. Солнце стояло уже высоко, приближаясь къ полудню. Я осмотрѣлся кругомъ и залюбовался окружающею природой. Жгучіе лучи полуденнаго солнца освѣщали величественную картину. Налѣво — громадныя высоты гранитныхъ утесовъ Яйлы, покрытыя разсѣянными обломками скалъ, создавшими своимъ паденіемъ новые утесы; направо — яркая зелень лавровъ, маслинъ, кипарисовъ, магнолій и олеандръ заслоняла собою хаосъ обваловъ и обрывовъ, сбѣгая къ волнисто-голубой поверхности Чернаго моря.

Нѣсколько поворотовъ и изгибовъ шоссе, и вотъ на скатѣ къ морю выростаетъ передо мною татарская деревушка Кикинеизъ. Низенькія, глиняныя хатки съ плоскими земляными крышами примкнуты къ скалѣ и окружены развѣсистыми вѣтвями орѣховыхъ деревьевъ, подъ тѣнью которыхъ мелькаютъ южнобережскія татарки въ своихъ оригинальныхъ, красныхъ, плоскихъ шапочкахъ съ плоскимъ дномъ, расшитымъ золотомъ, и съ ниспадающими по плечамъ тоненькими змѣйками изъ роскошныхъ длинныхъ волосъ, заплетенныхъ во множество косичекъ. Близь деревушки выступаетъ своимъ крыльцомъ на шоссе станція Кикинеизъ.

Съ 4 часовъ ночи до 11 часовъ утра у меня, какъ говорится, во рту не было ни маковой росинки; понятно, съ какимъ наслажденіемъ я выпилъ на станціи стаканъ горячаго молока, хотя, кстати сказать, неохотно поданнаго мнѣ женою смотрителя станціи, потому что этотъ стаканъ молока только по убѣдительной просьбѣ моей былъ удѣленъ мнѣ изъ скудной порціи, предназначавшейся на какое-то обѣденное варево для всей семьи смотрителя. Я вышелъ на балконъ.

Съ балкона станціи, на сторонѣ, обращенной къ морю, открывался прелестный видъ на море и на зеленѣющее роскошною растительностью южное побережье. Я смотрѣлъ и думалъ: прекрасенъ Божій міръ, когда .. когда душа покойна, когда...

Крымская легенда.

По берегу Чернаго моря, такъ гласитъ одна изъ крымскихъ легендъ, жили-были когда-то старикъ со старухой. Люди они были кроткіе и богобоязливые; но ихъ три взрослыя дочери вышли не въ нихъ. Всѣ окрестные жители на сколько любили и почитали стариковъ, на столько ненавидѣли ихъ трехъ дочерей — за злость, безобразіе и за постоянно чинимыя ими своимъ престарѣлымъ родителямъ обиды.

Старшая дочь, по имени Тополина, была уродъ-уродомъ. Карлица, горбатая, неуклюжая и неповоротливая, она, къ тому же, была до того любопытная и сплетница, что всѣ сосѣди избѣгали ее, какъ чумы. Тополина часто взбиралась потихоньку на кровли чужихъ домовъ, подслушивала оттуда чужія тайны, а потомъ разглашала ихъ съ различными прибавками и насмѣшками повсюду. Но возмутительнѣе всего было слушать ея ужасныя проклятія, которыми она нерѣдко

осыпала своихъ родителей за свой маленькій ростъ и за свое уродство. Ей страстно хотѣлось быть высокою и стройною.

Вторая дочь называлась Граната и отличалась сѣро-пепельнымъ цвѣтомъ своего плоскаго лица, напоминавшаго потухшій очагъ съ тремя ямками отъ треножника — такъ безцвѣтны были ея впалые глаза и такъ некрасивъ былъ ея безгубый ротъ. Она не меньше старшей сестры оскорбляла стариковъ за то, что они не произвели ее на свѣтъ въ видѣ пунцово-розоваго цвѣтка.

Послѣдняя дочь — Кипариса, хотя и была красива, какъ горная козочка, и имѣла веселый и живой характеръ, но, подъ вліяніемъ своихъ старшихъ сестеръ, она тоже не отставала отъ нихъ и нашла себѣ поводъ осыпать родителей укоризнами за то, что они родили ее днемъ, а не ночью. Сестры ей вбили въ голову, что отъ этого обстоятельства она принуждена вѣчно прыгать и смѣяться безъ всякой къ тому причины.

Долго терпѣливо выносили родители попреки и проклятія отъ своихъ дочерей и только горячо молили Аллаха, чтобы онъ или послалъ ихъ дочерямъ желаемую красоту, или смягчилъ ихъ строптивость. Однажды злымъ дочерямъ захотѣлось подслушать, о чемъ проситъ Аллаха старуха мать. Онѣ прокрались въ ея комнату и, слушая ея горячія воззванія къ Аллаху, прерываемыя тяжелыми рыданіями, расхохотались, пересыпая свой хохотъ расточаемою жестокою бранью надъ головою несчастной матери:

— Да развѣ Аллахъ станетъ слушать такую старую вѣдьму! кричала одна.

— Да развѣ Аллахъ можетъ что-нибудь сдѣлать для такой презрѣнной твари! кричала другая.

— Будь проклятъ Аллахъ! взвизгнула наконецъ Тополина.

— Будь проклятъ Аллахъ! закричали хоромъ всѣ три дочери.

Старуха, какъ мать, хотя и страстно любила своихъ несчастныхъ дочерей, но не выдержала такой хулы на Аллаха, быстро поднялась съ земли и воскликнула: «Аллахъ иль Аллахъ!»

Грозный взглядъ старухи былъ ужасенъ и привелъ въ оцѣпененіе даже строптивыхъ дочерей. Она протянула къ нимъ свою костлявую руку и глухимъ, задыхающимся голосомъ произнесла надъ ними проклятіе.

Лишь только было произнесено проклятіе, какъ послышался чей-то таинственный голосъ:

«Слушай Тополина! Ты кляла родителей за то, что создана безобразною карлицею. Ты сегодня же будешь превращена въ высокое и красивое дерево, но за то оно останется навсегда безъ цвѣтовъ и плодовъ. Твоя страсть все подсматривать и подслушивать семейныя тайны тоже будетъ удовлетворена; за то помни, что ни одна птица не станетъ вить на тебѣ своего гнѣзда, кромѣ кровожаднаго ворона, который своимъ зловѣщимъ карканьемъ будетъ пугать прохожихъ.»

«Слушай Граната! Тебя также постигнетъ участь твоей старшей сестры, но изъ твоего тѣла выростетъ растеніе съ кровавымъ цвѣткомъ, который будетъ держаться на стеблѣ дольше всѣхъ цвѣтовъ; за то я лишу его всякаго запаха. Всѣ будутъ, какъ ты постоянно желаешь, останавливаться передъ цвѣткомъ и любоваться имъ, но никто не наклонится къ нему, чтобы понюхать его. Этого мало: я заставлю тебя производить безобразные плоды, наполненные безплодными сѣменами. Плоды будутъ трескаться, чтобы показывать прохожимъ свой розовый цвѣтъ и соблазнять ихъ своею сочностью, но никого не насытятъ и ничьей не утолятъ жажды. Вкушающій ихъ будетъ только раздражаться и выплевывать безвкусныя сѣмена.»

«Слушай Кипариса! Твои желанія не останутся безъ возмездія. Ты тяготилась своею рѣзвостью и хотѣла обратить на себя вниманіе людей своимъ печальнымъ видомъ — пусть будетъ такъ. Ты превратишься въ такое растеніе, которому не будетъ мѣста въ садахъ между живыми людьми. Ты будешь расти на кладбищахъ и внѣдрять свои корни между гніющими трупами. Ты будешь вѣчно слышать только одни стоны и вздохи отъ живыхъ людей, которые и будутъ искать у тебя тѣни при своихъ посѣщеніяхъ кладбища.»

Вслѣдъ затѣмъ, какъ будто вихремъ подхватило трехъ сестеръ и выкинуло ихъ изъ подъ кровли родительской. Несчастные родители бросились скорѣе на дворъ, чтобы еще хоть въ послѣдній разъ взглянуть на плоть и кровь свою, но, къ своему изумленію, нашли на дворѣ три, никому неизвѣстныхъ въ Крыму и никѣмъ невидѣнныхъ до того времени дерева,

которымъ и дали имена въ память своихъ злосчастныхъ дочерей: Тополь, Граната и Кипарисъ.

Такая легенда разсказывается въ народѣ о происхожденіи этихъ трехъ деревьевъ, служащихъ неизбѣжною принадлежностью крымскихъ пейзажей. Дѣйствительно, безъ этихъ трехъ деревьевъ, а въ особенности безъ кипариса, немыслимъ ни одинъ горный крымскій пейзажъ, и Е. Марковъ, въ своихъ «Очеркахъ Крыма», весьма правдоподобно объясняетъ, что тополь и кипарисъ даже вызвали самую идею минарета, этого непремѣннаго украшенія архитектуры магометанскаго міра. Свою мысль онъ подтверждаетъ тѣмъ, что давно уже наука стала угадывать въ колоннѣ съ капителью—отраженіе впечатлѣнія отъ финиковой пальмы, а въ рѣзьбѣ и стрѣльчатыхъ сводахъ готическихъ соборовъ—стала узнавать просвѣты и вершины сосновыхъ лѣсовъ.

Нѣкоторые изъ туземцевъ пренаивно убѣждены, что легендарная семья обитала въ Симеизѣ и что тамъ впервые появились на свѣтъ Божій Тополь, Граната и Кипарисъ, выросши изъ тѣла трехъ дочерей.

Подобные разсказы, при всей своей фантастичности, все-таки достигаютъ извѣстной цѣли. Они, помимо вашей воли и сознанія, подстрекаютъ ваше любопытство и возбуждаютъ желаніе скорѣе ознакомиться съ мѣстностью, про которую такъ много говорятъ и про которую складываются цѣлыя легенды.

Я тоже возымѣлъ желаніе поскорѣе добраться до Симеиза, но только никакъ не подъ впечатлѣніемъ этого легендарнаго разсказа, а совсѣмъ по другимъ, такъ сказать, обыденнымъ причинамъ.

Дорога отъ Кикинеиза до Симеиза совсѣмъ такая же, какъ и отъ Байдарскихъ воротъ до Кикинеиза. Тянутся тѣ же виды. Конечно, зоологъ, минералогъ или ботаникъ найдутъ здѣсь массу интересныхъ, возбуждающихъ ихъ любознательность, особенностей даже въ каждой отдѣльной частичкѣ южнаго берега Крыма и для нихъ продолжительная поѣздка будетъ доставлять только продолжительное удовольствіе въ родѣ чтенія длиннаго занимательнаго романа, но для обыкновеннаго туриста совсѣмъ не то.

Семи-восьмичасовая ѣзда, хоть и въ прелестной мѣстности, да только по щебенкѣ, укатываемой, какъ и на всѣхъ богоспасаемыхъ русскихъ шоссейныхъ дорогахъ, не чугунными катками, а боками и нервами проѣзжающаго люда, такая ѣзда, въ концѣ концовъ, начинаетъ не только утомлять, а даже нѣсколько и раздражать

Очаровательные виды хаоса скалъ, фантастическихъ обрывовъ, причудливо разбросанныхъ камней, неожиданно открывающихся и поражающихъ своею крутизною зеленѣющихъ спусковъ къ морю — все это скоро теряетъ свою прелесть вслѣдствіе полнаго отсутствія въ этой обширной панорамѣ изъ живописныхъ мѣстностей живаго люда. По дорогѣ рѣдко-рѣдко встрѣтишь какого-нибудь одинокаго путника или проѣзжающаго. А вѣдь, какъ ни говори, хоть и скученъ и однообразенъ родъ людской, но все же безъ него долго не пробудешь — такъ и тянетъ что-то къ нему!

Пусть даже заранѣе знаешь, что тебѣ скажутъ при встрѣчѣ; знаешь потомъ приблизительно всѣ темы разговора послѣ перваго знакомства; все это знаешь и даже предчувствуешь, какъ придется проводить время на новомъ мѣстѣ, но все же во всемъ этомъ находишь словно что-то новое, интересное. Въ пустынной мѣстности это безотчетное, табунное стремленіе къ людямъ, къ толпѣ—чувствуешь гораздо сильнѣе, и такъ и манитъ скорѣе доѣхать до мѣста назначенія!..

Вотъ, наконецъ, въ первомъ часу дня показался на дорогѣ столбъ съ надписью: Симеизъ — имѣніе генерала Мальцева. Свертываемъ съ почтоваго шоссе на шоссейную дорогу къ имѣнію. Сносно содержимая дорога спускается внизъ крутою спиралью.

Симеизъ, какъ и всѣ имѣнія южнаго берега Крыма, расположенъ на береговомъ откосѣ моря, если только можно назвать береговымъ откосомъ длинный скатъ, тянущійся къ морю на нѣсколько верстъ отъ почтоваго шоссе. Дорога идетъ крутыми поворотами то вокругъ виноградныхъ и табачныхъ плантацій, то вокругъ сѣнокосныхъ луговинъ; тамъ и сямъ вдоль нея возвышаются группы тополей, гранатовъ, кипарисовъ и оливковыхъ деревьевъ.

Вдали на послѣднихъ ближайшихъ къ морю холмахъ, изъ

подъ тѣнистыхъ зеленѣющихъ древесныхъ верхушекъ, выглядываютъ темные углы толевыхъ крышъ небольшихъ деревянныхъ домиковъ. На самомъ же отдаленномъ, наиболѣе открытомъ холмѣ, непосредственно выступающемъ къ морю, бѣлѣется большое квадратное, съ плоскою крышею, съ выдающимися вверхъ по срединѣ и по угламъ минаретами, двухъэтажное зданіе съ стѣнами, забранными со всѣхъ сторонъ, вмѣсто досокъ, стеклянными рамами — это, такъ называемый, «Хрустальный дворецъ» г. Мальцева.

Хрустальный дворецъ.

Съ пріѣздомъ! раздался позади меня знакомый голосъ, когда фаэтонъ мой только-что подкатилъ къ подъѣзду дворца.

Я обернулся и увидѣлъ бывшаго сакскаго курсиста — генерала N., окруженнаго тремя своими сыновьями, милыми мальчуганами.

— Хорошо-ли проѣхались? спрашивалъ генералъ послѣ обмѣна привѣтствій.

— Отлично! А вы довольны-ли Симеизомъ?

— Совсѣмъ доволенъ! Жить удобно, столъ прекрасный, купанье безподобное, теплынь просто прелесть! Генералъ даже потянулся отъ удовольствія, словно котъ у печки.

— Ну, а вамъ весело-ли здѣсь? спросилъ я мальчугановъ.

— Про нихъ, отвѣчалъ за дѣтей генералъ: —и говорить нечего, въ восторгѣ! Однако, какъ же вы попали въ Симеизъ, замѣтилъ онъ: —вѣдь вы хотѣли ѣхать въ пансіонъ Смѣлова?

— Да развѣ пансіонъ Смѣлова не въ Симеизѣ? спросилъ я, нѣсколько удивленный его вопросомъ.

— Вѣдь вотъ подите-жь! засмѣялся генералъ. —Почти всѣ смѣшиваютъ. Пансіонъ Смѣлова въ его имѣніи Лимены, а оно отстоитъ отъ Симеиза по крайней мѣрѣ версты на двѣ слишкомъ.

— Ну и Богъ съ нимъ, сказалъ я:—благо, что пріѣхалъ въ Симеизъ; тутъ и останусь, если покажется хорошо.

Я вылѣзъ изъ фаэтона.

— Давай, братецъ, мнѣ комнату, обратился я къ одному изъ лакеевъ, обступившихъ мой фаэтонъ.

— Вамъ гдѣ угодно будетъ помѣститься: во дворцѣ или въ одномъ изъ домиковъ? спросилъ меня лакей.

Я вопросительно взглянулъ на генерала.

— Да рѣшительно все равно, замѣтилъ тотъ:—помѣщайтесь хоть во дворцѣ. Я, впрочемъ, самъ занимаю двѣ комнаты въ одномъ изъ домиковъ, прибавилъ онъ.

— То-есть, что же это за домики такіе?

— А видите ли, объяснилъ мнѣ генералъ:—въ Симеизскомъ паркѣ Мальцевъ построилъ нѣсколько маленькихъ деревянныхъ домиковъ, по двѣ или по четыре комнатки каждый. Вотъ эти-то комнаты и сдаются пріѣзжимъ или по полтора рубля въ сутки за каждую, или по 30 рублей въ мѣсяцъ. Однимъ нравится жить во дворцѣ, а другимъ въ домикахъ.

— Мнѣ рѣшительно все равно, замѣтилъ я и распрощался съ генераломъ. — Такъ веди меня сперва во дворецъ, обратился я къ лакею.

Онъ повелъ меня по витой лѣстницѣ во второй этажъ дворца и указалъ свободную комнату.

Комната была, съ весьма приличною меблировкою, довольно просторная, въ два окна, которыя выходили на стеклянную галлерею и придавали комнатѣ нѣсколько матовое освѣщеніе. Я заглянулъ въ окно на стеклянную наружную галлерею и потомъ вышелъ изъ комнаты во внутренній коридоръ, представляющій собою тоже деревянную воздушную галлерею съ рѣзными легкими деревянными перилами, оттуда спустился въ нижній этажъ тоже по витой лѣстницѣ. Я остановился и смотрѣлъ на дворецъ... и не могъ не подивиться оригинальности идеи придать такую странную конструкцію всей постройкѣ этого курьезнаго зданія, извѣстнаго подъ громкимъ названіемъ хрустальнаго дворца.

Представьте себѣ двухъ-этажный подковообразной формы домъ, стѣны котораго со всѣхъ сторонъ сплошь состоятъ или изъ обыкновенныхъ оконныхъ рамъ, если за стѣною находится

жилая комната, или если за стѣною находится общій залъ или столовая, то состоятъ изъ сплошныхъ стеклянныхъ рамъ, какъ въ фотографическихъ павильонахъ и оранжереяхъ. Это стеклянное, подковообразное строеніе, кромѣ того, въ свою очередь, прикрыто, словно чехломъ, громаднымъ уже четырехъугольнымъ, тоже стеклянным, строеніемъ, у котораго стѣны состоятъ изъ сплошныхъ, снизу до верху, стеклянныхъ рамъ оранжерейнаго типа.

Дворецъ стоитъ на солнцепекѣ, и хотя онъ весь выкрашенъ бѣлою клеевою краскою, но все-таки каждый легко поймета, какова должна быть духота въ этомъ парникѣ, предназначенномъ, по капризной фантазіи владѣльца Симеиза, для жилья больнаго люда. Правда, что человѣкъ, между прочимъ, отличается отъ животныхъ именно своею способностью жить и вдобавокъ жизнью наслаждаться при всякой какой угодно отвратительной обстановкѣ, даже при такой, при которой иное животное и дня не выживетъ! Но ужь и придумываетъ же онъ мѣры, какъ защитить себя отъ истребленія!.. Одинъ изъ постояльцевъ хрустальнаго дворца разсказывалъ мнѣ, что онъ могъ спать въ своей комнатѣ не иначе, какъ развѣсивши по всему потолку мокрые полотенцы, которые приходилось ему въ теченіи ночи раза два перемачивать, и только такимъ способомъ удавалось ему превращать невыносимую комнатную духоту въ мало-мальски сносную, хоть на время сна.

Даже трудно понять, что за фантазія была выстроить такой баснословный фонарь! Одни говорятъ, что генералъ Мальцевъ воздвигъ этотъ дворецъ, какъ эмблему своихъ знаменитыхъ Брянскихъ стеклянныхъ заводовъ; другіе же еще проще объясняютъ мотивы такой постройки: будто бы въ одно время некуда было сбыть стекольный бракъ, котораго накопилось слишкомъ много, вотъ онъ и утилизированъ былъ сею храминою.

Въ нижнемъ этажѣ дворца имѣются двѣ или три комнаты для отдачи въ наемъ пріѣзжающимъ, затѣмъ небольшія помѣщенія для прислуги и столовой посуды, а вся остальная громадная часть его занята обширною столовою залою и цвѣтникомъ, среди котораго находится мраморный бассейнъ съ высоко бьющимъ фонтаномъ. Верхній же этажъ весь занятъ исключительно комнатами для найма.

Осмотрѣвши дворецъ, я не рѣшился испытать удовольствія жить подъ стекляннымъ колпакомъ.

— Мнѣ бы лучше поселиться въ домикѣ, замѣтилъ я въ раздумьи лакею.

— Можно-съ, отвѣчалъ тотъ.—Въ домикахъ тоже есть свободныя комнаты. Теперь еще виноградный сезонъ не начинался.

— А когда виноградный сезонъ, то развѣ все бываетъ занято? спросилъ я.

— Тогда пріѣзжихъ больше-съ, отвѣчалъ лакей уклончиво и повелъ меня изъ дворца по горѣ къ одному изъ такихъ домиковъ, гдѣ была свободная комната.

Противъ стекляннаго дворца, невдалекѣ отъ него стоитъ кухня въ видѣ бревенчатой русской избы съ крылечкомъ. Когда я проходилъ мимо, то на крылечкѣ появился поваръ, своею наружностью напомнившій мнѣ гоголевское описаніе фигуры Петра Петровича Пѣтуха.

Онъ раскланивался мнѣ, широко улыбаясь. Есть такія манеры привѣтствія, которыя невольно располагаютъ къ человѣку, заставляютъ обратить на него добродушно взоръ и даже разговориться, не смотря ни на какую разницу положенія на общественной лѣстницѣ жизни.

Я отвѣтилъ Пѣтуху любезнымъ поклономъ и пріостановился.

— Вы не изволите-ли быть сыномъ генерала Н.? спросилъ онъ меня, уже узнавши какимъ-то чудомъ мою фамилію, при этомъ онъ вѣжливо склонилъ голову въ бокъ и съузилъ глаза.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, смѣясь:—я не сынъ генерала. Но все же, надѣюсь, что вы будете меня кормить хорошо.

— Помилуйте-съ! воскликнулъ Пѣтухъ, складывая свои жирныя руки на брюшкѣ и отступая на своихъ ногахъ-тумбочкахъ на шагъ назадъ.

— Если вы гастрономъ-съ?! продолжалъ онъ патетически, хотя бы допустимъ-съ и изъ Петербурга, то будете удовлетворены Я по кулинарной части артистъ-съ! Мнѣ величайшее удовольствіе-съ, когда ежели кто понимаетъ вкусъ. Я состою при Его Высочествѣ Великомъ Князѣ Константинѣ Николае-

вичѣ и удостоенъ отъ него личною благодарностью за свое искусство. Вы сепаратно мнѣ закажите, тогда я вамъ приготовлю-съ все, что угодно-съ.

Я остался весьма доволенъ встрѣчей съ Пѣтухомъ, наружность котораго, вмѣстѣ съ тѣмъ, напомнила мнѣ адмиральскій часъ. Поэтому я поспѣшилъ устроиться на своемъ новомъ пепелищѣ, чтобы успѣть выкупаться и не опоздать къ табльдоту на завтракъ.

Домикъ, куда привелъ меня лакей, былъ расположенъ на площадкѣ уступа широкаго холма; вокругъ него росли деревья, бросавшія пріятную тѣнь. Въ сущности, это былъ маленькій одно-этажный досчатый баракъ, квадратной формы, поставленный на каменномъ фундаментѣ. Каждая стѣна барака была около трехъ саженей длиною. Внѣшній фасадъ домика напоминалъ собою желѣзнодорожный вагонъ. Толевая овальная крыша спускалась далеко внизъ въ видѣ навѣса и своими свѣсившимися краями опиралась на столбики. Такой навѣсъ вокругъ всего домика-барака замѣнялъ собою дачный балконъ или террасу и въ то же время защищалъ своихъ жильцевъ отъ солнцепека. Внутреннее помѣщеніе домика раздѣлялось двумя тоненькими столярной работы, поставленными на крестъ, переборками на четыре равныя угловыя комнатки. Въ каждой такой комнаткѣ было по два окна и по одной двери. Въ переборкахъ тоже были двери, такъ что можно было, по желанію, взять одну, двѣ, три или всѣ четыре комнаты. Такое устройство домика вообще замѣчательно по своей остроумной практичности для лѣтняго житья крымскихъ курсистовъ. Меблировку каждой комнатки составляютъ: кровать, шкафъ съ полками, два стула, вѣшалка для платья и умывальный столъ.

Всѣ симеизскіе домики устроены по одному и тому же образцу. Всѣ они были сначала приготовлены въ великорусскихъ имѣніяхъ Мальцева, а потомъ перевезены въ разобранномъ видѣ въ Симеизъ. Мѣста для постановки этихъ домиковъ выбирались, по возможности, наиболѣе живописныя, окруженныя зеленью и съ видомъ на море. Къ каждому домику проведена ключевая вода; черезъ это удалось избѣгнуть даже больнаго мѣста всѣхъ провинціаль-

ныхъ жилищъ — въ отдѣльныхъ будочкахъ, драпированныхъ зеленью, скрываются клозеты. Все было отлично...

— Ну, а какъ же здѣсь на счетъ прислуги? задалъ я вопросъ лакею.

— Утромъ, въ которомъ только вы прикажете часу, къ вамъ будетъ приходить дѣвушка мыть полъ и убирать комнату. Платье и саноги вамъ будетъ чистить или съ вечера, или утромъ—какъ для васъ удобнѣе—кухонный мужикъ, а я буду приходить сюда для прочихъ услугъ, какъ только позовете.

— Коротко, ясно и прекрасно, сказалъ я на такой простой отвѣтъ.

Лакей помогъ мнѣ разложить вещи и вообще устроиться въ комнатѣ, и я тотчасъ же, переодѣвшись съ дороги, отправился купаться.

Путь къ морю идетъ подъ гору. Береговой откосъ заканчивается отвѣснымъ обрывомъ, вдоль котораго узкою лентой тянется полоса прибрежнаго песка. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ вдоль берега разставлены для раздѣванья парусинныя будочки на колесныхъ телѣжкахъ. Мѣсто купанья для женщинъ удалено на значительное разстояніе отъ мѣста купанья для мужчинъ.

Когда я подошелъ къ морю, то генералъ съ своими мальчуганами уже былъ тамъ, и они весело плескались въ водѣ. Дѣтскіе голоса и звонкій рѣзвый хохотъ далеко разносились въ воздухѣ.

— Смотрите! смотрите! какъ я научился плавать, закричалъ мнѣ одинъ изъ мальчугановъ, и тутъ же пустился плыть, разсѣкая своими маленькими рученками встрѣчныя волны прибоя, нахмуривъ при-этомъ, для пущей важности, свои бровенки и раздувъ розовыя щеки отъ усилій держаться на водѣ.

— Молодецъ! молодецъ! похвалилъ я маленькаго храбреца.—Плавайте, плавайте, милыя ребятки, и благословляйте вашу долю! невольно подумалось мнѣ. Восемь, девять мѣсяцевъ въ году вы ежедневно въ возмутительной атмосферѣ тѣсной школы, по вечерамъ же занятія въ домашней классной комнатѣ. Напряженіе умственныхъ способностей, работа памяти, вѣчный родительскій надзоръ за благоприличіемъ манеръ и

полное игнорированіе дѣятельности мышечной и костной системъ — таково воспитаніе нашего русскаго интеллигентнаго юношества! Не мудрено, что наше подростающее поколѣніе будущихъ дѣятелей годъ отъ года мельчаетъ, физически и нравственно хилѣетъ, становится малокровнымъ и скоро свертываетъ съ пути здраваго мышленія и здоровой работы, съ пути живительнаго труда на путь болѣзненныхъ идей, фантастическихъ безплодныхъ мечтаній разстроеннаго воображенія, съ апатіей ко всякому живому дѣлу, а при малѣйшей житейской передрягѣ—бацъ! пуля въ лобъ.

— А вы безъ купальныхъ туфлей? перервалъ вдругъ нить моихъ размышленій генералъ.

— А что! развѣ дно здѣсь каменистое? спросилъ я.

— Да, да, камни, и притомъ большіе, круглые голыши.

— Какже у Сосногоровой-то въ путеводителѣ сказано, что грунтъ—песокъ, возразилъ я.

— Она должно быть въ Симеизѣ не купалась, разсмѣялся генералъ.—Ничего, идите только осторожнѣе, такъ тогда не ушибете ноги.

Я погрузился въ прозрачную влагу. Какъ хорошо! какъ пріятны морскія купанья! Сперва пробѣгаетъ по тѣлу дрожь, сердце какъ будто замираетъ, дыханіе стѣсняется; но затѣмъ пріятная теплота разливается по всему тѣлу, дыханіе становится свободнѣе, глубже, дѣятельность сердца оживляется, всѣ движенія дѣлаются энергичнѣе, легче, невольно чувствуется возбужденіе всѣхъ мышечныхъ тканей, ясно ощущаешь дѣйствіе усиленнаго поступленія кислорода въ кровь и плывешь—плывешь бодро, съ наслажденіемъ... далеко, далеко, все впередъ и впередъ!..

Идейная порнографія.

Жара на югѣ совсѣмъ иная, чѣмъ жара на сѣверѣ. Въ жаркій лѣтній день на сѣверѣ просто задыхаешься, какъ-то весь расплываешься, даже аппетитъ пропадаетъ.

На югѣ же на открытомъ воздухѣ, въ открытой мѣстности и палящая жара не гнететъ такъ, а располагаетъ лишь къ нѣгѣ, къ покою. При морскихъ же купаньяхъ бодрость не покидаетъ васъ даже въ самый сильный зной, а аппетитъ пріобрѣтается такой, съ какимъ рѣдко приходится знакомиться катарральному желудку Петербуржца.

За длиннымъ столомъ въ залѣ стекляннаго дворца обѣдаютъ симеизскіе курсисты.

— Удивительное дѣло! произноситъ тяжело дыша еще молодой, но сильно обрюзгшій отъ общаго ожиренія и страдающій, должно быть, гусарскою печенью, гвардейскій офицеръ, обращаясь въ полъ-оборота къ своему сосѣду за столомъ, тоже офицеру съ наружностью, ясно показывавшею, что поприходилось-таки ему видать на своемъ вѣку виды и что врядъ-ли не предстоитъ и впереди ему много новыхъ видовъ.—Куда это только прячутся здѣсь женщины!? Поваръ мнѣ говорилъ, что тутъ настоящій табльдотъ, а какой чортъ, здѣсь табльдотъ, когда всего то полтора прибора занято!

— По комнатамъ у себя обѣдаютъ, просипѣлъ въ отвѣтъ сосѣдъ офицеръ.

— Вѣдь послѣ этого здѣсь съ тоски умрешь. Послѣ завтрака я проходилъ сегодня мимо домиковъ; всѣ лежатъ растянувшись, какъ коты на припекѣ — каждый у своей конуры! Ну ужь курорты! наши курорты и заграничные— вѣдь это день и ночь! Тамъ жизнь, а тутъ, тутъ... прѣль, не сразу подыскалъ онъ слово.

— Это что! надо быть довольнымъ и тѣмъ, что есть около, засипѣлъ, понижая голосъ, другой офицеръ. — Я вотъ, какъ только поѣмъ, сейчасъ же мысленно займусь раздѣваніемъ вонъ той нѣмки, что сидитъ на концѣ стола. Что ты на это скажешь? спросилъ онъ пріятеля, осушая при этомъ залпомъ стаканъ бѣлаго вина—кларетъ.

Удивленные неожиданностью оборота рѣчи, офицеръ и я обернулись на нѣмку. Розовенькая, какъ персикъ, съ кругленькою ямочкой на подбородкѣ нѣмка чинно и аппетитно кушала, не подозрѣвая, что ее на другомъ концѣ стола собираются раздѣвать. Всякій разъ, когда она наклоняла голову къ тарелкѣ, изъ подъ бархатки на задней сторонѣ ея бѣленькой шейки задорно выскакивала маленькая, черненькая родинка, которая тотчасъ же скрывалась опять подъ бархатку, какъ только нѣмка поднимала голову.

Офицеръ, спокойно ковыряя зубочисткой во рту, очень обстоятельно сталъ раздѣвать нѣмку, описывая картинно съ практическими поясненіями всѣ свои находки. Мастерски разсказалъ онъ греческій миѳъ о происхожденіи у женщинъ родинокъ отъ поцѣлуя бога любви и что ни одинъ смертный у такой женщины не выберетъ лучшаго мѣста для поцѣлуя. Съ уморительною мимикою описалъ онъ увертыванія женщинъ, когда ихъ хотятъ поцѣловать въ родимое пятнышко, въ особенности если родинки приходятся на такихъ мѣстахъ, вблизи которыхъ, какъ онъ выразился, слышенъ пріятный дымъ отечества. Et fumus patriae est dulcis!—говоривали древніе Римляне, такъ кончилъ офицеръ свою порнографическую импровизацію и опрокинулъ въ себя стаканъ вина.

Лицо его побагровѣло и приняло уже не красный, а сизый оттѣнокъ. Онъ, тяжело вздохнувши, всталъ изъ за стола, тщательно оправилъ сморщившійся китель и, усиленно выпятивъ впередъ грудь, направился съ своимъ товарищемъ изъ столовой на садовую площадку передъ дворцомъ.

— Какъ вамъ это нравится-съ? весело подмигнулъ мнѣ, по уходѣ офицеровъ, мой визави за столомъ, старичекъ съ печальнымъ длиннымъ носомъ, который у него какъ-то еще болѣе вытянулся во время порнографическаго разсказа офицера.

— Раздѣлъ онъ нѣмку по всѣмъ правиламъ женскаго туалета, разсмѣялся я:—но только это большое свинство!

— Совершенно вѣрно съ изволили замѣтить! сказалъ нѣсколько сконфузившись старикъ, а у самого носъ, нѣтъ-нѣтъ, и повернется въ сторону нѣмки.

— Но вѣдь обратите вниманіе-съ и на то-съ, продолжалъ онъ, впадая въ адвокатскій тонъ:—что развлеченій здѣсь никакихъ нѣтъ-съ. Молодымъ людямъ поэтому я охотно прощаю такую находчивость въ изысканіи способовъ развлечь себя и разбудить свое воображеніе, усыпляемое жарою и бездѣйствіемъ.

Въ это время носъ старика опять какъ-то вытянулся и повернулся въ сторону нѣмки.

— Пойдемте-ка лучше въ садъ, сказалъ я, едва удерживаясь отъ смѣха.

Мы вышли на чистый воздухъ. Передъ глазами разстилалась голубая, величаво-покойная поверхность Симеизской бухты. Нѣсколько бѣлыхъ облачковъ тихо двигались по лазурной синѣвѣ неба. Въ воздухѣ скорѣе чуялся, а не слышался плескъ моря.

— Что, если бы на этой площадкѣ, да при этомъ видѣ на море, заговорилъ старикъ:—появился вдругъ оркестръ хорошей музыки, а кругомъ бы стояли столики, и мы бы съ вами засѣли за столикъ и попивали бы винцо... А кстати! Нравится вамъ мальцевское вино? прервалъ онъ свои мечты вопросомъ.

— Да я его не пробовалъ. Видите, мнѣ въ Петербургѣ приходится довольно много пить вина, такъ здѣсь я веду уже правильный курсъ купаній и избѣгаю раздражать организмъ виномъ.

— Напрасно вы это дѣлаете! сказалъ старикъ. — Нераціонально-съ! Я вамъ скажу, что въ Крыму пить вино необходимо. Внѣшняя температура горяча, такъ необходимо, чтобы ей соотвѣтствовала и внутренняя температура въ организмѣ, иначе равновѣсія не будетъ. Давайте-ка, для равновѣсія, разопьемъ бутылочку на чистомъ воздухѣ! предложилъ онъ мнѣ.

Доводъ старика въ пользу вина мнѣ понравился, и я охот-

но согласился съ нимъ выпить бутылку. Мы сѣли за садовымъ столикомъ и приказали подать бутылку клара.

— Вино, стихи, сигары и женщины... отличныя-съ штуки въ жизни, говорилъ, почмокивая губами, мой собутыльникъ.—Какъ это еще Лютеръ-то говорилъ Wer... Wer... Wein... теръ себѣ лобъ старикъ, стараясь припомнить.

Wer nicht liebt Wein, Weib und Gesang,
Der bleibt ein Narr sein Lebenlang,

проговорилъ я, напомнивъ старику изрѣченіе Лютера.

— Вотъ, вотъ! проговорилъ онъ.—Не угодно-ли вамъ полюбоваться хоть на сей экземпляръ.

Я посмотрѣлъ по указанному направленію.

На береговой скамьѣ сидѣла крупныхъ размѣровъ барыня, обмахиваясь лѣниво вѣеромъ. Красивое лице ея пылало румянцемъ, но за то плоская грудь, широкіе бока и длинныя ноги, вытянутыя впередъ, были некрасивы, какъ будто они были сдѣланы, словно у куколъ, изъ мочалы, обтянутой въ бѣлую замшу.

Въ тотъ моментъ, когда я разсматривалъ даму, къ ней подходилъ небольшаго роста молодой человѣкъ. Онъ былъ одѣтъ по послѣдней провинціальной модѣ въ высокомъ черномъ плюшевомъ цилиндрѣ и въ сѣромъ длинномъ двухбортномъ сюртукѣ.

— Что же это вы, протянула пѣвуче барыня:—не пришли сегодня со мною обѣдать? Я должна была и свою, и вашу порцію тартарлетокъ съѣсть.

Барыня подняла медленно ногу, нѣсколько перегнулась въ бокъ и положила ее, какъ бы тяжесть какую, на другую ногу, рельефно обрисовавъ при этомъ контуръ широкаго бедра и открывъ шелковый чулокъ съ вышитымъ яркимъ букетомъ цвѣтовъ на подъемѣ жирной ноги.

— Чулки-то... осклабился молодой человѣкъ.

— Что такое?.. чулки!.. пропѣла барыня, скрививъ въ слабую улыбку свои розовыя толстыя губы.—Ну, на-те... смотрите!.. Она спустила обѣ ноги и, разставивъ ихъ, приподняла довольно высоко юбки.

У старика при этой позѣ запѣло что-то въ носу, а

самъ онъ словно весь ослабъ и тоже разставилъ ноги, а руки безнадежно опустилъ по обѣимъ сторонамъ своего стула.

— Вы все сидите на одномъ мѣстѣ! Не наслаждаетесь прелестью крымской природы! вдругъ раздался невдалекѣ визгливый голосокъ, и тотчасъ же созерцаніе разставленныхъ ногъ было прервано появленіемъ шедшей подъ ручку пары изъ толстенькаго, какъ кубарь, господина съ маленькою худощавою дамой. — А мы съ мужемъ сейчасъ смотрѣли на скалы, на море! Мы всѣ мѣста и все уже исходили здѣсь и осмотрѣли. Всѣ здѣсь скучаютъ, а намъ весело... Не правда-ли, Шарикъ? обратилась она къ мужу.— Помнишь, какъ мы жили въ «Озеркахъ»! Помнишь, какъ мы сидѣли на нашемъ балкончикѣ дачки, маленькой-премаленькой дачкѣ и удаленной далеко, далеко отъ всего. Ты въ халатѣ, я въ капотѣ... Но мы любили и музыку! вдругъ обратилась она съ выразительнымъ взглядомъ къ сидящей барынѣ. — Каждый вечеръ мы ходили на музыку въ вокзалъ. Теперь мы здѣсь живемъ и тоже наслаждаемся, все уже осмотрѣли и скоро поѣдемъ дальше; проѣдемъ въ Батумъ, въ Константинополь. Вѣдь это такъ дешево!.. говорила она съ аппломбомъ.—О! она умѣетъ экономить. Ея Шарикъ служитъ въ банкѣ и получаетъ скромное жалованье; она знаетъ, что инымъ этого жалованья далеко не хватало бы, но она-то экономна. Обѣдъ у ея мужа простъ, дешевъ, но вкусенъ. Она честная жена! Ей не нужны наряды, какъ инымъ. Она ходитъ въ простыхъ бѣлыхъ нитяныхъ чулкахъ, она взглянула на букеты на чулкахъ сидящей дамы и, прижавшись къ мужу, открыла со счастливою улыбкою рядъ своихъ желтенькихъ, какъ янтарики, зубовъ.

Солнце уже закатывалось, наступали сумерки. Легкія облачка начали окрашиваться на небосклонѣ розовымъ цвѣтомъ. Въ воздухѣ повѣяло пріятною прохладой. Мнѣ надоѣло сидѣть. Допивъ свой стаканъ вина, я простился со старикомъ и пошелъ бродить по Симеизскому парку. Облитая лучами заходящаго солнца, высилась вдалекѣ надъ зеленью грандіозная масса горъ Яйлы. Кругомъ роскошными гирлян-

дами раскидывались растенія юга. Снизу легкій шумъ морскаго прибоя напоминалъ мнѣ, что уже наступило время купанья.

Симеизская Аркадія.

Разъ передъ вечеромъ я шелъ безцѣльно по парку все впередъ, въ гору, то по извилистымъ дорожкамъ, то по аллеямъ изъ кипарисовъ, то по опушкѣ рощей изъ разныхъ породъ деревьевъ. Но вотъ дорога потянулась косогоромъ, потомъ сухою промоиной, потомъ опять крутымъ откосомъ въ гору и, наконецъ, нежданно открылась передо мною татарская деревушка Симеизъ, съ своими низенькими хворостяными, вымазанными желтою глиной, хатками, которыя живописно разбросаны на днѣ ущелья и по откосамъ утесистыхъ скалъ. Въ иныхъ хаткахъ оконъ совсѣмъ нѣтъ; ихъ замѣняютъ собою выходныя двери подъ навѣсомъ. Плоскія, гладко укатанныя, съ дупловатымъ камнемъ по срединѣ, играющихъ роль дымовой трубы, земляныя крыши служатъ татарамъ въ одно и то же время и балкономъ, и сушильней, и улицей; стоитъ только пройтись по татарской деревушкѣ, какъ незамѣтно для самаго себя очутишься гдѣ-нибудь на такой крышѣ татарской хаты.

Когда я показался въ деревнѣ, то на меня устремилось нѣсколько любопытныхъ, но, по восточному приличію, невозмутимыхъ глазъ.

Ко мнѣ подбѣжалъ знакомый татаринъ—Эмерджьянъ.

— Покажи-ка мнѣ, Эмерджьянъ, ваше деревенское житье.

— Можна! отвѣтилъ, улыбаясь, татаринъ, показавъ при этомъ свои корявые зубы.

— Ну что, спрашиваю я его:—кушàй сегодня?

— Не! помоталъ онъ головой:—еще не кушàй! Ночью буду кушàй.

Въ это время шелъ татарскій великій постъ — рамазанъ. Требованія корана относительно соблюденія этого поста крайне тяжки. Въ теченіи цѣлаго мѣсяца этого поста правовѣрные не должны ни ѣсть, ни пить въ теченіи дня, отъ утренней зори до полнаго заката солнца. Постъ этотъ передвижной и приходится въ разное время года. Натурально, если этотъ постъ приходится въ рабочую жаркую лѣтнюю пору, то разрушительно дѣйствуетъ на силы татаръ-рабочихъ и, кромѣ того, отрываетъ ихъ отъ заработка, обязывая четыре раза въ день ходить въ мечеть на молитву.

— Ахъ пророкъ, пророкъ! тяжелъ пророкъ! возропталъ Эмерджьянъ.

Онъ повелъ меня въ одну изъ ближайшихъ хатъ безъ всякой церемоніи, не спросивъ даже разрѣшенія у хозяйки хаты—старой татарки, которая тутъ же у порога своей хаты сидѣла, сложивъ ноги калачикомъ, и читала разложенную на ея колѣнахъ громадную книгу корана. Женщины-мусульманки не допускаются въ мечеть, если только въ мечети не устроено скрытаго для женщинъ помѣщенія, а такъ какъ, очевидно, въ маленькихъ деревенскихъ мечетяхъ такое помѣщеніе трудно устроить, то татарки и молятся у себя дома.

Въ хатѣ, несмотря на сумерки, была замѣтна поразительная чистота. Столовъ, скамеекъ нѣтъ Плотный, гладкій, словно отполированный, глиняный полъ былъ покрытъ частью войлоками, частью коврами. Вдоль стѣнъ тянулись совсѣмъ низенькіе восточные диваны съ узкими длинными подушками. Надъ диванами, кругомъ стѣнъ, выступали полки, на которыхъ разложено было въ строгомъ порядкѣ татарское хозяйство и татарское богатство: изъ ярко вычищенной металлической посуды, изъ платья и бѣлья, аккуратно сложенныхъ. Тутъ же виднѣлись: сафьянная обувь, пояса, шитые серебромъ, праздничные головные уборы, обвѣшанные червонцами, вышитыя золотомъ бархатныя или суконныя красныя шапочки и т. п.

Женщины-татарки южнаго берега не закрываютъ своего лица, подобно степнымъ татаркамъ, поэтому они весьма свободно и радушно обращаются съ посторонними мужчинами. Иногда только развѣ, если засмотришься прямо въ глаза хорошенькой молоденькой татаркѣ, то она прикроется рукавомъ

или отвернется; но это скорѣе дѣлается больше изъ женскаго кокетства или жеманства, а ужь никакъ не въ силу требованій корана. Нарядъ женщинъ, по своему восточному характеру, очень оригиналенъ, но, по моему мнѣнію, мало граціозенъ.

Голова у татарокъ обязательно должна быть покрыта въ теченіи цѣлаго дня круглою яркаго, преимущественно краснаго цвѣта маленькою шапочкою съ плоскимъ дномъ, которое у зажиточныхъ татарокъ обыкновенно расшито золотомъ, серебромъ и даже украшено червонцами. Волоса заплетаются во множество тончайшихъ косичекъ, распущенныхъ по плечамъ. Эта, по правдѣ сказать, очень некрасивая прическа до того въ обычаѣ у татарокъ, что и маленькія дѣвочки, и взрослыя, и старухи—всѣ заплетаютъ такъ волоса.

Кромѣ безобразной манеры прически, существуетъ еще другой обычай татарскаго кокетства—красить волосы и ногти на пальцахъ въ огненно-рыжій цвѣтъ. Откуда этотъ обычай появился—Аллахъ вѣдаетъ! Вызванъ-ли онъ религіей, или завѣщанъ какою-нибудь древнею татарскою красавицею, древнею законодательницею модъ—ужь я не знаю, но только глупѣе и безобразнѣе этой татарской моды можно развѣ указать на татуировку краснокожихъ, да уродованіе ступней ногъ китаянками.

Эмерджьянъ провелъ меня и въ свою хату, бѣдно убранную, но все-таки содержимую по-татарски въ образцовой чистотѣ и порядкѣ. Домашній порядокъ и чистоплотность татарскихъ поселянъ въ Крыму производили на меня всегда самое отрадное впечатлѣніе, и я убѣжденъ, что рано или поздно, когда наступятъ лучшія, чѣмъ нынѣ, времена, эти симпатичныя національныя черты татаръ сослужатъ имъ великую службу.

По приглашенію Эмерджьяна я вошелъ на крышу его хаты и присѣлъ съ нимъ на разостланномъ войлокѣ. Кругомъ насъ стали, съ одной стороны, его жена, державшая на рукахъ груднаго ребенка-дѣвочку, тоненькіе волосенки которой и миніатюрныя ноготки на пальченкахъ уже были выкрашены въ противный красный цвѣтъ, а по другимъ сторонамъ—двѣ дочери Эмерджьяна, одна лѣтъ 9-ти, а другая уже взрослая дѣвушка, лѣтъ 18-ти.

Длинный, въ обтяжку, съ узкими рукавами, ярко пестрый, бѣлый, съ черными мелкими цвѣточками, бешметъ ловко обри-

совывалъ стройныя формы взрослой дѣвушки, а желтыя полинявшія широкія шальвары спадали отъ пояса заманчивыми складками на ступни, обутыя въ красныя татарскія туфли съ загнутыми вверхъ острыми носками Темно-синяя плоская шапочка была сдвинута слегка назадъ и изъ подъ нея выбивались на лобъ пряди черныхъ со слѣдами остатковъ красной окраски вьющихся волосъ, а по плечамъ обычныя косички. Въ общемъ фигурка дѣвушки была очень мила.

Она смѣло и любопытно осматривала меня, изрѣдка ухмыляясь и закрываясь рукавомъ. Къ сожалѣнію, она, какъ и вся семья Эмерджьяна, ни слова не знала по-русски.

— Всѐ плачитъ! показалъ мнѣ Эмерджьянъ на дочь.—Скоро праздникъ Рамазанъ, денегъ нэма, краски нѣтъ волоса красить, ногти бэлы,—покажи руки барынъ, обратился онъ къ дочери и перевелъ свое требованіе по татарски.

Дѣвушка показала мнѣ пальцы, у которыхъ ногти сохраняли только слѣды окраски ихъ въ красный цвѣтъ.

Я вынулъ нѣсколько серебряныхъ монетъ и подалъ ихъ дѣвушкѣ. Она вся заалѣла, но, видимо, съ удовольствіемъ взяла деньги, приложивъ ладонь ко лбу въ знакъ благодарности.

Наступали сумерки, пора уже было возвращаться къ себѣ домой; я распростился съ семьей Эмерджьяна и пошелъ черезъ деревню въ паркъ.

Ярко голубой небесный сводъ уже темнѣлъ. Тѣни кипарисовъ и орѣшниковъ далеко отбрасывались по зеленѣющей поверхности разсѣянныхъ по плоскогорью виноградниковъ и огородовъ татарской деревушки.

Между хижинами деревни и въ огородахъ еще виднѣлись мужчины, женщины и дѣти. Кто копошился за работою, кто, сложивъ по восточному обычаю ноги калачикомъ, сидѣлъ на крышѣ или у порога своей хаты. Картина была — картина мира, тишины, и представляла собою какую-то аркадскую идиллію. Говорятъ, что образованіе есть свѣточъ для улучшенія нравовъ. Говорятъ, что невѣжество руководится исключительно животными инстинктами и узкимъ матеріальнымъ эгоизмомъ, не имѣя даже понятія объ общественной нравственности. Оно, конечно... такъ, если взглянуть на дѣло à vol d'oiseau, но если поближе вглядѣться въ окружающія-то насъ,

такъ величаемыя, образованныя людскія группы, то... ужь больно пошлы и скучны эти группы въ своей житейской толчеѣ эгоистическихъ страстишекъ... Иной разъ невольно пожалѣешь и о минувшихъ временахъ, хотя и невѣжественной, но все-таки по своему счастливой Аркадіи...

Въ такомъ раздумьи шелъ я аллеями Симеизскаго парка. Въ одномъ мѣстѣ аллеи два дерева, померанцевое и кипарисъ, какъ двѣ эмблемы: невинности и горя, чрезвычайно красиво сплелись своими разнохарактерными вѣтвями. Я невольно остановился передъ этою оригинальною группой, освѣщенной отблескомъ вечерней зари.

Вдругъ невдалекѣ отъ меня послышался порывистый вздохъ; я оглянулся. Притаившись за деревомъ, неподвижно стояла молодая татарка и пристально всматривалась въ глубину боковой поляны, не замѣчая моего присутствія. Лице ея было искажено злобнымъ выраженіемъ, она порывисто и глубоко дышала, шопотомъ иногда произнося отрывочныя слова, смысла которыхъ я, конечно, не понималъ, но въ шипящихъ звукахъ которыхъ слышалась затаенная ненависть.

Я невольно повернулъ голову въ ту сторону, куда глядѣла такъ пристально молодая татарка.

На опушкѣ небольшой поляны стоялъ работникъ-турокъ въ своемъ, хотя и рваномъ, но живописномъ національномъ костюмѣ. Двойная тѣнь отъ деревьевъ и сумерекъ не дозволяли мнѣ вполнѣ ясно разсмотрѣть его, но все-таки было достаточно свѣта, чтобы видѣть очертанія его геркулесовскаго сложенія и разсмотрѣть классически правильныя черты его смуглаго лица съ едва пробивающимися усами. Лице это было полно силы, молодости, смѣлости и какой-то разбойничьей красоты. Рубашка изъ полосатаго тика съ растегнутымъ воротомъ обнажала широко его могучую грудь, засученные высоко рукава оттѣняли мускулистыя руки. Голова была съ кокетливою небрежностью перевязана, вмѣсто чалмы, грязнымъ ярко-пестрымъ кускомъ матеріи, набросаннымъ съ такою живописною драпировкою, на которую только и способна привычная къ наматыванію чалмы рука турка.

Рядомъ съ нимъ стояла одна изъ знакомыхъ мнѣ симеизскихъ курсистокъ. Это была уже далеко не первой молодости,

маленькая, тщедушная бабенка съ широкимъ лицемъ, съ утинымъ, сплюснутымъ носомъ и съ выдающимися впередъ скулами, обличавшими похотливыя наклонности своей обладательницы. Маленькая, круглая, изъ черной соломы шляпка съ высокою тульею была надѣта у нея слегка на бекрень. Коротенькое платье открывало сдвинутыя носками ноги, обутыя въ пестрые чулки и прюнелевыя съ переплетомъ на пуговкахъ ботинки. Узкая юбка темнаго платья плотно облегала ея костлявый тазъ и бедра, а сзади торчалъ какою-то замысловатою закорючкой пышный турнюръ.

Барыня держала турка за голый локоть своею рукою безъ перчатки и, отбросивъ голову назадъ, смотрѣла ему прямо въ лице и что-то говорила съ улыбкой.

Затѣмъ, она вынула изъ кармана маленькое портмоннэ и подала его молодому турку.

Тотъ быстро схватилъ портмоннэ и сунулъ его въ карманъ.

Раздался стонъ. Я взглянулъ на татарку, стоявшую подъ деревомъ. Она, обхвативъ стволъ дерева руками, билась объ него головой, рыдая. Я тотчасъ же пошелъ впередъ. Турокъ и курсистка оглянулись и меня замѣтили. Онъ юркнулъ въ кусты, а она, какъ ни въ чемъ не бывало, догнала меня и попросила проводить ее до дому. Дорогой она разсказывала мнѣ о томъ, какъ иногда бываетъ опасно вечеромъ ходить одной женщинѣ по Симеизскому парку.

Когда, проводивъ сосѣдку, добрался я до своего домика, то ночь уже вполнѣ наступила и деревья своими длинными вѣтвями, словно черными вѣерами, почти совершенно закрыли звѣздное, безлунное небо. Паркъ безмолвствовалъ. Ночная прохлада и утомленіе вызывали дрожь; отъ усталости клонило ко сну и брала зѣвота.

— Покойной ночи! проговорилъ вдругъ кто-то, обращаясь ко мнѣ изъ глубины парка.

— Покойной ночи! отвѣчалъ я, отворяя дверь въ свою комнату.

Прогулка въ Лимены.

Южльское солнце; обливая своимъ яркимъ свѣтомъ Симеизскій паркъ, немилосердно печетъ. Я и генералъ, лѣниво развалившись, послѣ завтрака, въ легкихъ соломенныхъ креслахъ въ тѣни подъ навѣсикомъ домика, прохлаждаемся крѣпкимъ чаемъ и съ сигарами во рту ведемъ обычную бесѣду о разномъ между прочимъ, лѣниво переходя съ одного предмета на другой. Иной разъ къ намъ присаживается кто-нибудь изъ познакомившихся симеизскихъ курсистовъ.

Мальчики—сыновья генерала—тутъ же вертятся около насъ, или занимаясь чѣмъ-нибудь съ нѣмцемъ гувернеромъ, или вступая съ нами въ разговоръ, въ который я вовлекалъ ихъ всегда охотно. Люблю я дѣтскую милую рѣчь наивности и безотчетной вѣры въ непорочность всего окружающаго. Потертый уже порядкомъ самъ разнообразными délices de la vie, я вообще апатично отношусь ко всякимъ восторгамъ взрослыхъ, не исключая даже и женщинъ, но всегда какъ-то оживляюсь при видѣ

радостей ребенка, и потому при просьбахъ ребенка о развлеченіяхъ всегда становлюсь на сторонѣ исполненія его желаній.

— Когда же мы поѣдемъ верхами въ Лимены? Вѣдь ты, папа, обѣщалъ, обратился младшій изъ мальчугановъ къ отцу.

Генералъ какъ бы въ нерѣшительности повернулъ голову въ сторону.

Я поддержалъ просьбу бѣлокураго пузыря - просителя, и рѣшеніе состоялось въ его пользу.

— Сегодня же послѣ обѣда, какъ только мало-мальски спадетъ жара, проговорилъ генералъ: — мы отправимся въ Лимены верхами.

Дѣти запрыгали отъ радости.

Послали за татариномъ Эмерджьяномъ и заказали шесть верховыхъ лошадей.

Давно я не садился на сѣдло. Со времени болѣзни ноги прошло уже три года, и теперь въ первый разъ мнѣ приходилось вложить ногу въ стремя. Кто не испыталъ наслажденій верховой ѣзды, а такихъ субъектовъ между русскими не мало найдется, тотъ много потерялъ изъ своей чаши наслажденій жизнью.

Въ первый же моментъ, когда сядешь въ сѣдло, сожмешь его бедрами, по правиламъ верховой ѣзды, выпрямишь корпусъ и, взявъ въ руку повода, почувствуешь нетерпѣливое движеніе благороднаго животнаго, то все это сразу производитъ какое-то особенно новое, хорошее чувство волненія, бодрости и легкости, словно молодѣешь.

Съ шумомъ и веселымъ гамомъ усаживались ребята на верховыхъ коней. Кавалькада готова — поѣхали. Я сперва боялся натрудить свою больную ногу и ѣхалъ шагомъ. Впрочемъ, и вся кавалькада двигалась шагомъ. Только выѣхавши на южнобережское шоссе, генералъ согласился уступить просьбамъ дѣтей, и пустилъ свою лошадь маленькою рысцой, а за нимъ, трюхъ-трюхъ, поскакали и всѣ мы.

Мальчуганы неумѣло сидѣли на сѣдлахъ и ёрзали, высоко прискакивая на рыси лошади.

— Нэ слобоны лошадка, панычъ! Нэ слобоны! Аянъ пойдетъ, иноходецъ! закричалъ Эмерджьянъ одному изъ мальчугановъ, болѣе другихъ ёрзавшему на сѣдлѣ.

Я и самъ сейчасъ же воспользовался совѣтомъ Эмерджьяна и потянулъ слегка поводья. Лошадь моментально перемѣнила рысь и перешла на иноходь или на такъ называемую крымскую побѣжку—рысь-аянъ.

Аянъ или иноходь легче и быстрѣе рыси, но въ то же время мало утомляетъ лошадь и сѣдока. Эта спеціальная походка татарской лошади выработана вѣками и представляетъ наслѣдіе монголо-татаръ, которые въ сознаніи значенія быстроты бѣга лошади при хищническихъ своихъ набѣгахъ употребляли различные способы, чтобы пріучить коня ходить быстро безъ малѣйшаго сотрясенія сѣдока. Для этого у лошади связывали извѣстнымъ образомъ ноги и тѣмъ самымъ насильно заставляли ее невольно перебирать ноги въ желаемомъ порядкѣ. Такая пріученная лошадь цѣнилась дорого и становилась другомъ и товарищемъ, наиболѣе близкимъ сердцу хищника монголо татарина. На такой лошади онъ смѣло пускался въ далекій путь, не боясь усталости; на ней онъ смѣло нападалъ и грабилъ, будучи увѣренъ, что избѣгнетъ погони; на ней онъ выигрывалъ на скачкахъ призы и, такимъ образомъ, черезъ свою лошадь пріобрѣталъ званіе наѣздника—джигита, а вмѣстѣ съ тѣмъ и почетъ среди своего народа.

Страсть татарина къ лошади, понятно, повела къ быстрому улучшенію породы въ татарскомъ Крыму и размноженію лошадей въ громадномъ количествѣ. Во время набѣговъ монголо-татаръ на Русь, рѣдкій изъ татаръ не водилъ за собою по нѣсколько скакуновъ. Но со времени присоединенія Крыма къ Россіи эмиграція татаръ въ Турцію увела за собою всѣхъ лучшихъ скакуновъ. Теперь лишь изрѣдка можно встрѣтить въ Крыму стройныхъ красавцевъ скакуновъ, летающихъ съ быстротою стрѣлы. Въ Крымскую войну, когда пудъ сѣна стоилъ 2 рубля, а лошадь продавалась за рубль, много погибло хорошихъ скакуновъ. Въ степной полосѣ Крыма теперь почти совсѣмъ ужь нѣтъ породистыхъ крымскихъ лошадей; слабые остатки знаменитой монголо-татарской породы лошадей встрѣчаются пока только въ пригорныхъ селеніяхъ южнаго берега Крыма, но и эти лошади уже вырождаются и становятся малорослыми и некрасивыми.

Звонко стучали копыта нашихъ лошадей по шоссе, про-

легающемъ среди дикой, прекрасной природы. Среди обломковъ скалъ, разбросанныхъ вдоль шоссе и по отвѣснымъ крутизнамъ откосовъ горныхъ стѣнъ, тамъ и сямъ были разбросаны живописными группами кустарники разнообразной зелени, мѣстами виднѣлся издали цѣлый густой ярко зеленый лѣсъ. Внизъ отъ шоссе, вдоль изгибовъ и обваловъ морскаго берега красовались обширные виноградники и фруктовые сады. Вся эта панорама чрезвычайно мягко выдѣлялась на темно-голубомъ фонѣ южнаго неба.

Черезъ полчаса пути мы свернули съ почтоваго шоссе на дорогу къ имѣнію Лимены. Лимены принадлежатъ г. Смѣлову, который рискнулъ устроить въ нихъ первый въ Крыму пансіонъ для больныхъ. Если всякое начало трудно, то тѣмъ болѣе было трудно начинать такое дѣло.

Дѣйствительно, первые годы пансіонъ, устроенный г. Смѣловымъ всего только въ двухъ небольшихъ флигелькахъ, все-таки на половину пустовалъ. Но вотъ прошло два-три года, прекрасная, защищенная горами отъ вѣтровъ, мѣстность Лименъ съ чистымъ горнымъ воздухомъ, съ хаотическими живописными пейзажами окрестностей, стала мало-по-малу пріобрѣтать популярность, а опытное хозяйничанье г. Смѣлова, его заботы объ удовлетвореніи потребностей больныхъ и образцовое вниманіе къ доставленію посильныхъ удобствъ своимъ пансіонерамъ все болѣе и болѣе привлекали въ Лимены лицъ, ѣдущихъ въ Крымъ для поправки своего здоровья. Къ Смѣловымъ стали наѣзжать годъ отъ году все больше и больше, такъ что, наконецъ, стало не хватать даже мѣстъ. Пришлось выстроить еще два флигеля, и эти новыя помѣщенія брались нарасхватъ. Но... на счастье прочно всякъ надежду кинь, воспѣвали піиты Екатерининскихъ временъ,—и пансіонъ г. Смѣлова послѣдніе годы никнетъ главою передъ могуществомъ своего сосѣда конкуррента—Симеиза, капиталы и предпринимательскія способности владѣльца котораго, генерала Мальцева, извѣстны, кажется, всѣмъ, начиная съ хладныхъ финскихъ береговъ до пламенной Колхиды.

Въ нашъ пріѣздъ пансіонъ г. Смѣлова, какъ и самъ хозяинъ его, были мало оживлены. Отворенныя настежъ для провѣтриванія двери большинства комнатъ пансіона, уныло

показывали свою чистенькую меблировку, скучавшую отсутствіемъ жильцовъ. А самъ г. Смѣловъ, хоть... и встрѣтилъ насъ весьма мило и радушно... но во взорѣ его, какъ мнѣ показалось, проглядывалъ укоръ: «почто, почто, вы предпочли Симеизъ Лименамъ?!.»

— Посмотрите, какъ хорошо здѣсь! говорилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.—Мой пансіонъ въ горахъ, какъ въ каменной оградѣ! Мы стоимъ на высотѣ 700 футовъ надъ уровнемъ моря. Любуйтесь! и онъ подвелъ меня къ земляной терраскѣ, огражденной легкою деревянною загородкою отъ отвѣснаго за ней обрыва въ горную пропасть.

Видъ былъ дѣйствительно очень хорошъ. Далеко внизъ спускались красивые, скалистые уступы южнаго берега, покрытые то луговыми площадками, то виноградниками, то изящными группами вѣковыхъ деревьевъ. Надъ самымъ моремъ нависли отдѣльныя голыя скалы разнообразныхъ, причудливыхъ формъ, а за ними сверкала живая, трепещущая темно-синяя морская даль.

— Прелестно! замѣтилъ я г. Смѣлову:—но вѣдь здѣсь горе въ томъ, что ваше имѣніе отдѣлено отъ моря имѣніемъ г. Филиберта. Живши у васъ, почти немыслимо пользоваться правильнымъ курсомъ морскихъ купаній. Подумайте сами!..Чтобъ добраться отсюда до моря, такъ нужно отшагать добрыхъ четыре версты. Какой же больной рискнетъ на это? Вашъ пансіонъ дѣйствительно прелестное мѣстечко, но только, къ сожалѣнію, какъ климатическая станція, а ужь никакъ не курортъ для морскихъ купаній.

Г. Смѣловъ поморщился и, неохотно замѣтивъ, что у него къ услугамъ больныхъ имѣются экипажи, повелъ меня къ садовой площадкѣ, гдѣ за длиннымъ столомъ уже расположились мой спутникъ генералъ съ дѣтьми и нѣсколько пансіонеровъ г. Смѣлова.

Радушный хозяинъ сейчасъ же распорядился подать вина, это было очень кстати, мы были нѣсколько утомлены верховой ѣздою; впрочемъ, и вся компанія какъ-то особенно охотно пила вино и общая бесѣда сдѣлалась оживленною.

Въ числѣ бесѣдующихъ былъ военный врачъ, очень милый и словоохотливый господинъ, который ко всеобщему удо-

вольствію, когда разговоръ коснулся виноградnаго хозяйства г. Смѣлова, экспромптомъ прочелъ намъ нѣчто въ родѣ лекціи о значеніи винограда, какъ лечебнаго средства.

Импровизированная лекція о виноградномъ леченіи.

Леченіе виноградомъ—заговорилъ докторъ—есть успѣхъ новаго времени, хотя, по правдѣ сказать, исторія медицины указываетъ, что цѣлебныя свойства винограда были извѣстны уже въ глубокой древности грекамъ, римлянамъ и арабамъ. Въ средніе вѣка, подъ вліяніемъ общаго мистическаго направленія, и въ самомъ дѣйствіи лекарствъ видѣли и искали участія духовнаго или жизненнаго начала. Погоня за философскимъ камнемъ, способнымъ превращать все въ золото, и погоня за жизненнымъ элексиромъ, могущимъ возвращать старикамъ и старухамъ всю прелесть и обаяніе молодости, и слѣдовательно поддерживать жизнь, если не вѣчно, то на многія столѣтія—такая погоня въ средніе вѣка была всеобщею и не считалась бредомъ сумасшедшаго. Врачи тоже заплатили дань своему вѣку и заразились алхимическими бреднями, которыя удалили врачей-практиковъ отъ многихъ простыхъ средствъ, высоко цѣнившихся древними врачами. Только теперь понемногу врачи новѣйшаго времени начали обращаться къ этимъ простымъ забытымъ средствамъ. Въ ряду забытыхъ средствъ былъ и виноградъ.

Родина винограда, какъ вы знаете, Малая Азія и Кавказъ, а слѣдовательно, сюда же можно причислить и южный берегъ Крыма, флора котораго имѣетъ поразительное сходство съ кавказскою. Но виноградъ разводится не въ однихъ только мѣстахъ его родины. Если же говорить о винограднѣ, какъ

лечебномъ средствѣ, то слѣдуетъ исключить много мѣстностей, гдѣ хоть и разводится виноградъ, но гдѣ невозможно роскошное произрастаніе тѣхъ нѣжныхъ его сортовъ, которые именно только и можно употреблять въ большихъ количествахъ безъ вреда для желудка, что собственно и необходимо при леченіи.

Цѣлебное дѣйствіе винограднаго сока объясняется такъ же, какъ объясняется цѣлебное дѣйствіе свѣже-выжатыхъ соковъ изъ разныхъ съѣдобныхъ травъ, кореньевъ и плодовъ, которыми до сихъ поръ пользуются и всегда будутъ пользоваться не только въ домашнемъ врачеваніи, но даже и въ научной медицинѣ. Мало того, нужно ожидать, что въ будущей научно-практической медицинѣ эти простыя средства найдутъ гораздо большее примѣненіе.

— Позвольте, докторъ, возразилъ одинъ изъ слушателей:—вы, кажется, тоже впадаете въ мистицизмъ!? Въ винограднѣ, какъ и въ свеклѣ, въ моркови, нѣтъ никакихъ сильно дѣйствующихъ составныхъ частей; откуда же возьмутся цѣлебныя-то силы, за которыми гоняется больное человѣчество? Придется опять допустить духовныя начала или жизненныя силы.

Докторъ взглянулъ на своего оппонента, не торопясь досталъ изъ кармана платокъ и, снявъ фуражку, сталъ вытирать потъ съ лица и съ лысины, которая оказалась у него почтенныхъ размѣровъ. Затѣмъ, полѣзъ въ портсигаръ и, вынувъ длинную папиросу, сталъ ее закуривать.

— При извѣстныхъ условіяхъ и индифферентныя вещества могутъ быть сильно дѣйствующими, отвѣтилъ, не спѣша, докторъ.

Слово ядъ перешло къ намъ съ востока и обозначаетъ чудодѣйственный или дивный камень; такимъ камнемъ и до сихъ поръ представляется въ глазахъ простолюдина наиболѣе распространенный въ Россіи ядъ—мышьякъ.

Если ядъ способенъ быстро вытравить цѣлую семью людей, то онъ способенъ быстро вытравить цѣлую семью болѣзней—вотъ прежнее логическое основаніе для введенія ядовъ въ медицинскую практику. Поклоненіе передъ разрушительными началами природы теперь ослабѣваетъ, а леченіе, какъ

возстановленіе здоровья, требуетъ, наоборотъ, примѣненія созидающихъ началъ, которыя, къ сожалѣнію, дѣйствуютъ медленно, постепенно Вотъ тутъ-то при леченіи, основанномъ на физіологическихъ созидающихъ дѣйствіяхъ веществъ, простѣйшія средства начинаютъ находить въ современной медицинской практикѣ весьма широкое примѣненіе Раціональное леченіе: молочное, кумысное, виноградное, минеральными водами и т. д., затѣмъ, врачебная гимнастика, массажъ, гидропатія, электротерапія—все это созданія новѣйшаго времени, хотя ихъ зародыши были еще въ глубокой древности.

Посмотрите на выжатый сокъ изъ винограда; это зеленовато-желтаго цвѣта жидкость, болѣе или менѣе густая, пріятная, кисло-сладкаго вкуса, съ ароматомъ, свойственнымъ сорту винограда.

Этотъ сокъ, по своему составу, представляетъ весьма сложный растворъ въ водѣ органическихъ и неорганическихъ веществъ.

Тутъ, кромѣ воды, какъ главной по количеству составной части (до 80%), входятъ:

во-1-хъ, сахаръ, и притомъ именно виноградный сахаръ, который усвоивается организмомъ легче обыкновеннаго тростниковаго;

во-2-хъ, кислоты растительныя, что̀ очень важно;

въ-3-хъ, бѣлковинныя вещества и, наконецъ,

въ-4-хъ, клѣтчатка и неорганическія вещества, какъ, наприм., желѣзо и известь.

Такимъ образомъ, вы видите, что виноградъ есть довольно сложное лекарство, гдѣ каждая составная часть сама по себѣ можетъ, при правильномъ методическомъ употребленіи, имѣть могущественное вліяніе на физіологическія отправленія организма, а потому естественно, что виноградъ способенъ мало-по-малу производить перемѣны въ отправленіяхъ многихъ органовъ тѣла и такимъ путемъ возстановлять правильность этихъ отправленій, нарушеніе которыхъ именно и составляетъ сущность весьма многихъ хроническихъ болѣзней. Употребляя различные сорты, въ разныхъ количествахъ, измѣняя при этомъ діэту, можно весьма разнообразить и безъ того весьма важное дѣйствіе винограда на организмъ. Въ этомъ отноше-

ніи виноградъ мало уступаетъ другимъ средствамъ которыя приложимы къ леченію разнообразныхъ страданій. Такъ же, какъ, напримѣръ, употребленіемъ воды въ видѣ купаній, ваннъ разной температуры, душъ, обтираній и т. д., можно достигать различныхъ цѣлей и лечить различныя болѣзни, точно также и въ спискѣ болѣзней, лечимыхъ виноградомъ, можно встрѣтить весьма несхожія между собою формы. Къ сожалѣнію, несмотря на точное знаніе составныхъ частей винограда, физіологическое дѣйствіе самого винограда далеко еще не изучено строгими клиническими наблюденіями, а здѣсь, на мѣстѣ леченія, врачи не имѣютъ ни времени, ни средствъ для строго-научныхъ наблюденій.

— Ну, а для успѣха леченія виноградомъ, нужно-ли руководство врача? спросилъ генералъ.

— Совѣтъ знанія во всякомъ дѣлѣ полезенъ, отвѣчалъ докторъ. —Пожалуй, можно начать виноградное леченіе и безъ совѣта и руководства врача, что̀ и дѣлаютъ весьма многіе изъ крымскихъ курсистовъ, но въ такомъ случаѣ надо, по крайней мѣрѣ, хорошо ознакомиться съ условіями правильнаго курса виноградналго леченія.

Леченіе виноградомъ отчасти походитъ на леченіе минеральными водами. Тутъ нужна та же методичность во времени пріема, та же постепенность въ увеличеніи и уменьшеніи порцій, тѣ же прогулки и то же соблюденіе діэты.

Виноградъ для лечебнаго употребленія непремѣнно долженъ быть совершенно спѣлый и непремѣнно въ тотъ же день срѣзанный съ ку́ста; кромѣ того, кисть должна быть тщательно обмыта отъ пыли и насѣкомыхъ. Это понятно почему—виноградный сокъ представляетъ собою жидкость, весьма способную къ броженію, или, другими словами, къ развитію и размноженію въ немъ микроскопическихъ грибковъ.

Виноградъ употребляютъ двоякимъ способомъ: или высасываютъ ягоды, или пьютъ выжатый изъ нихъ сокъ. Въ первомъ случаѣ, при жеваніи ягодъ, нужно избѣгать брать въ ротъ заразъ болѣе одной, много двухъ ягодъ, не раскусывать ихъ зубами, а пріучить себя раздавливать, прижимая ихъ языкомъ къ нёбу, затѣмъ, уже проглотить только одинъ сокъ, а кожицу и зерна выплюнуть. Какъ бы осторожно ни выса-

сывали ягоды, все-таки, невольно приходится иногда проглотить нѣсколько зеренъ и кожицъ, но большая разница проглотить только десятокъ, другой, или проглатывать всѣ зерна. Изъ 5—10 фунтовъ ягодъ получается такая масса этого непереваримаго желудкомъ матеріала, что онъ легко можетъ повести за собою весьма и весьма вредныя послѣдствія.

Леченіе виноградным сокомъ, выжатымъ при помощи ручнаго пресса, не одобряется западно-европейскими врачами; въ Ялтѣ же оно практикуется по преимуществу. Нужно замѣтить, что русскіе больные, непривычные къ потребленію винограда, вообще охотнѣе соглашаются выпить стаканъ выжатаго сока—этого вкуснаго напитка, чѣмъ жевать фунтъ ягодъ, выжимая зубами и языкомъ сокъ отъ косточекъ и кожицы. Кромѣ того, употребленіе винограда въ видѣ сока предохраняетъ зубы, десна и вообще всю полость рта отъ раздражающаго дѣйствія сахара и кислотъ, чѣмъ самымъ избѣгается появленіе оскомины и утомленіе жевательныхъ мышцъ, въ иныхъ случаяхъ доходящее до чувства боли. Но, вообще, при всякомъ употребленіи винограда необходимо наблюдать строго и даже очень строго за чистотою рта. Не только при испорченныхъ, но и при совершенно здоровыхъ зубахъ, послѣ каждой порціи винограда непремѣнно слѣдуетъ чистить зубы порошкомъ, а затѣмъ тщательно выполоскать ротъ чистою водою.

— Странно! замѣтилъ кто то изъ слушателей.—Я большой любитель винограда, но никогда не замѣчалъ, чтобы виноградъ чернилъ зубы.

— Вы не замѣчали этого потому, отвѣчалъ докторъ: —что вы ѣли, вѣроятно, виноградъ только какъ дессертъ, а не какъ лекарство. Когда лечишься виноградомъ, то приходится его съѣдать въ большомъ количествѣ. Суточное количество винограда (ягодъ или сока), конечно, должно обусловливаться характеромъ болѣзни, состояніемъ пищеварительныхъ органовъ пацієнта и другими индивидуальностями каждаго отдѣльнаго случая. Вообще же, смотря по цѣли, съ какою употребляется виноградъ, его назначаютъ отъ 1 до 15 фунтовъ въ сутки.

Весьма важное правило при виноградномъ леченіи—это постепенность увеличенія пріемовъ. Какъ бы ни спѣшилъ боль-

ной вылечиться и какъ бы ни казалось ему легко съѣдать по 3—5 фунтовъ съ перваго же дня, но слѣдуетъ строго воздерживаться отъ этого; въ противномъ случаѣ, виноградъ быстро начинаетъ вызывать раздраженіе слизистой оболочки рта и желудка, и даже можетъ вызвать сильное катарральное состояніе ихъ, а то такъ просто черезъ нѣсколько дней этотъ пріятный фруктъ становится противнымъ, леченіе надоѣдаетъ и приходится отказываться отъ него.

Какъ бы ни былъ малъ суточный пріемъ, все-таки постоянно слѣдуетъ соблюдать правило: не ѣсть винограда близко передъ обѣдомъ, завтракомъ или ужиномъ. Даже питье воды вскорѣ послѣ употребленія винограда или незадолго до того также можетъ вредно повліять на его дѣйствіе.

При виноградномъ леченіи моціонъ необходимъ и долженъ производиться непремѣнно на открытомъ воздухѣ. Моціонъ способствуетъ болѣе легкому усвоенію винограднаго сока, болѣе быстрому его всасыванію въ кровь и проявленію его дѣйствія на кровообращеніе и выдѣленія. Когда леченіе виноградомъ соединено съ морскими купаньями, то необходимо соблюдать правило, не купаться тотчасъ послѣ пріема винограда, а также и передъ виноградомъ.

— Предчувствую, что теперь рѣчь пойдетъ о діэтѣ, словомъ, выйдетъ изъ винограднаго курса цѣлый больничный курсъ, разсмѣялся г. Смѣловъ.

— Вы правы, кивнулъ головой докторъ:—діэта при виноградномъ леченіи представляетъ условіе первой важности. Ею можно смотря по надобности, направлять дѣйствіе этого средства въ ту или другую сторону, достигать той или другой цѣли. Тамъ, гдѣ имѣется въ виду усилить питаніе, назначается укрѣпляющая мясная пища: крѣпкіе бульоны, бифштексъ, ростбифъ, дичь и т. п. Тамъ же, гдѣ леченіе назначается съ цѣлью способствовать болѣе правильному кровообращенію въ органахъ живота, увеличить отдѣленія и т. п., полезно, наоборотъ, воздержаніе отъ мяса, назначеніе жидкихъ суповъ, вареныхъ овощей и вообще уменьшенное количество пищи. Не только трудно, но и совсѣмъ невозможно составить одинаковое мэню для всѣхъ паціентовъ, лечащихся виноградомъ. Свойство болѣзни, особенности каждаго орга-

низма, капризы привычекъ—все это должно приниматься въ соображеніе, а потому требуется спеціальное назначеніе діэты для каждаго больнаго въ отдѣльности.

Докторъ замолчалъ, словно о чемъ-то задумался, но слушатели, заинтересованные его разсказомъ, не хотѣли оставить его въ покоѣ и пристали къ нему съ просьбою разсказать хоть кратко о значеніи различныхъ сортовъ лечебнаго винограда.

— При выборѣ лечебныхъ сортовъ винограда, снова началъ свою лекцію уважаемый докторъ: —существуетъ общее правило, что чѣмъ тоньше его оболочка и чѣмъ меньше зеренъ въ ягодѣ, тѣмъ она нѣжнѣе и тѣмъ лучше виноградъ для леченія. Что же касается до цвѣта, то, въ лечебномъ отношеніи, красящія начала кожицы хотя сами по себѣ не имѣютъ никакого значенія, но вслѣдствіе того, что болѣе темный цвѣтъ ягодъ указываетъ на значительное содержаніе танина въ кожицѣ, то и это обстоятельство нужно брать въ соображеніе при выборѣ сорта При долговременномъ употребленіи, напр., чернаго винограда зубы окрашиваются въ черный цвѣтъ, который съ большимъ трудомъ удаляется зубными порошками. Это тоже считается извѣстнымъ неудобствомъ. Въ Ялтѣ почти постоянно употребляются только бѣлые сорты ягодъ съ легкими оттѣнками: зеленоватымъ, желтоватымъ, золотистымъ, розоватымъ и гораздо рѣже розовые и красные сорты.

Лучшими сортами лечебнаго винограда считаются: шасля, мадэлэнь, педро, рислингъ и нѣкоторые другіе.

Сезонъ въ Крыму для леченія виноградомъ — это начиная съ послѣдней недѣли августа, весь сентябрь и первая недѣля октября; къ этому сезону я и рекомендую всѣмъ вамъ, господа, направить свои стопы въ какую-либо виноградную мѣстность—въ Алушту напр., въ Ялту и др. Поѣсть винограду всѣмъ вамъ будетъ полезно! Такъ закончилъ свою импровизированную лекцію почтенный докторъ.

— Позвольте ужь воспользоваться до конца вашею любезностью, обратился я къ доктору.—Для какихъ же болѣзней по преимуществу полезенъ виноградъ?

— Гм! прищурилъ глаза докторъ и, подумавъ немного, отвѣчалъ:—во-первыхъ, для всѣхъ, безъ исключенія, катарровъ и для нѣкоторыхъ, впрочемъ весьма немногихъ формъ, нерв-

ныхъ болѣзней. Во-вторыхъ, виноградное леченіе можно употреблять съ громадною пользою по окончаніи курса леченія многими минеральными водами, преимущественно тогда, когда воды эти были назначены противъ одной изъ тѣхъ болѣзней, въ которыхъ приноситъ пользу и виноградъ. А затѣмъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нужно поддержать разрѣшающее, противукатарральное и улучшающее составъ крови дѣйствіе водъ (Карлсбадъ, Киссингенъ, Ессентуки, Желѣзноводскъ, Пятигорскъ и т. п.). Поэтому-то ко времени поспѣванія винограда въ Ялту наѣзжаетъ масса больныхъ, лечившихся въ разныхъ курортахъ и особенно въ Сакахъ; являются они истощенные и ослабленные этими, сильно дѣйствующими минеральными грязями, а оставляютъ Ялту многіе съ вполнѣ возстановившимися силами и здоровьемъ. Для такого рода больныхъ даже трудно подъискать болѣе лучшее, укрѣпляющее средство, какъ виноградъ, тѣмъ болѣе, что онъ нисколько не мѣшаетъ морскимъ купаньямъ, необходимымъ послѣ горячихъ грязевыхъ ваннъ.

Но виноградъ, продолжалъ докторъ:—какъ и всякое другое лекарство, имѣетъ свои противопоказанія. Во-первыхъ, всѣ острыя болѣзни, сопровождаемыя сильнымъ лихорадочнымъ состояніемъ, при которомъ большія количества винограда (малыя нельзя назвать леченіемъ) неминуемо подѣйствуютъ очень дурно на состояніе желудочно кишечнаго канала и такимъ же образомъ дурно повліяютъ на ходъ самой болѣзни. Во-вторыхъ, язвы въ полости рта, въ глоткѣ, въ желудкѣ, въ кишкахъ, даже простыя катарральныя ссадины во рту и то уже требуютъ особыхъ предосторожностей при виноградномъ леченіи.

Наконецъ, въ публикѣ распространено ложное мнѣніе, что будто бы виноградъ особенно полезенъ всѣмъ чахоточнымъ, безъ разбора. Ничуть не бывало! Тутъ часто бываетъ просто недоразумѣніе. Чахоточныхъ обыкновенно врачи посылаютъ въ Крымъ, но въ этомъ случаѣ виноградъ, въ сущности, не причемъ. Южный берегъ Крыма, по справедливости, считается однимъ изъ лучшихъ климатолечебныхъ мѣстъ для грудныхъ больныхъ. Это уже доказано многочисленными случаями поправленія здоровья весьма серьезныхъ больныхъ, но виноград-

ное леченье, повторяю, тутъ не причемъ. Правда, и для больныхъ съ вполнѣ развитою чахоткою, оно иногда можетъ быть маленькимъ подспорьемъ къ общему климатическому леченію, но когда грудные больные истощены. не могутъ дѣлать моціона и притомъ постоянно лихорадятъ, тогда употребленіе винограда не только не оказывается полезнымъ, а даже, по моему мнѣнію, вредно. Вотъ въ началѣ развитія чахотки совсѣмъ другое дѣло, и въ особенности при появленіи первыхъ серьезныхъ симптомовъ, указывающихъ на близкую возможность развитія чахоточнаго процесса, вотъ тогда-то виноградное леченіе дѣйствуетъ превосходно, иногда божественно! Такъ закончилъ свою лекцію докторъ.

На сонъ грядущій.

Однако, господа, il n'y a pas de société au monde, qu'on ne quitte, не исключая даже и такого, какъ общество вашихъ пансіонеровъ, обратился генералъ съ любезною улыбкою къ г. Смѣлову. — Уже темнѣетъ и намъ надо торопиться по домамъ, тѣмъ болѣе, что мы хотимъ обратный путь въ Симеизъ сдѣлать не по шоссе, а прибрежною тропою.

Когда наша кавалькада тронулась въ путь, солнце совсѣмъ уже опустилось за горизонтъ; вечерняя заря мало-по-малу погасала; ночь опускалась своимъ густымъ покровомъ на море, горы и долины. На звѣздной синевѣ неба появилась луна, но ея неполный дискъ временами закрывался быстро летящими облаками. Эти перемѣны, то темнота, то мягкій лунный свѣтъ, обливавшій своимъ кроткимъ сіяніемъ освѣженную вечернею прохладою, извилистую горную тропу, среди покрытыхъ зеленью расщелинъ и голыхъ черныхъ глыбъ камней, придавали окружающей картинѣ фантастическій колоритъ.

Спокойно дышалось въ мягкомъ воздухѣ. Давнымъ-давно забытыя впечатлѣнія дѣтства и юности воскресали вновь и

уносили воображеніе далеко, далеко!.. Я не замѣтилъ, какъ отсталъ отъ своихъ спутниковъ.

Тропинка спускалась все круче и круче и вдругъ словно сорвалась въ обрывъ Я встревожился. Мнѣ показалось, что лошадь моя, которую я вовсе не направлялъ, убѣжденный въ ея опытности, сбилась съ дороги. Крутизна спуска была такъ велика, что лошадь почти сидѣла на заднихъ ногахъ и скользила внизъ вытянутыми передними ногами, съ неимовѣрнымъ трудомъ отыскивая для нихъ на пути точки опоры.

— Ау! раздалось въ воздухѣ изъ глубины спуска. Я узналъ голосъ генерала и, отвѣтивъ тоже ауканьемъ, успокоился. Мой вѣрный Россинантъ, значитъ, шелъ знакомою ему дорогою. Однако, меня все-таки тревожили страшныя, повидимому, усилія лошади идти впередъ, но умное животное скоро успокоило меня и въ этомъ отношеніи. Въ одномъ, какъ мнѣ казалось, просто невозможномъ для спуска мѣстѣ, лошадь, выдѣлывая ногами необыкновенные, точно въ циркѣ, фокусы эквилибристики, повернула, въ то же время, ко мнѣ морду и преспокойно зѣвнула.

Этотъ сладкій зѣвокъ сразу убѣдилъ меня, что умное, привычное животное ни на минуту не сомнѣвается въ своихъ силахъ доставить благополучно домой своего всадника, лишь бы только онъ усидѣлъ на сѣдлѣ. А ужь усидѣть-то въ сѣдлѣ и впрямь была хитрая штука, особенно послѣ трехлѣтняго перерыва въ верховой ѣздѣ.

— Alles hat ein Ende, nur die Wurst hat zwei Enden! глубокомысленно замѣтилъ нѣмецъ-гувернеръ, когда вся кавалькада соединилась на гладкой дорогѣ аллей Симеизскаго парка.

— Теперь, господа, починъ верховой экскурсіи сдѣланъ, сказалъ генералъ:—на-дняхъ учинимъ перевалъ черезъ Яйлу по лѣстницѣ Шайтанъ-Мердвенъ. Согласны? обратился онъ ко мнѣ.

— Съ удовольствіемъ! отвѣчалъ я.—На крымской лошади дѣйствительно можно добраться безопасно и до самого Шайтана, будетъ-ли онъ наверху Яйлы или въ преисподней.

Вернувшись въ свою комнату, я раздѣлся и легъ въ постель.

— А-а-а!.. раздается женскій зѣвокъ изъ сосѣдней комнаты

и слышится скрипъ кровати. Кто-то ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ, шлепая туфлями и по временамъ сморкаясь довольно громко.

— Иванъ Петровичъ! а Иванъ Петровичъ! зѣвая говоритъ пискливымъ голосомъ сосѣдка. — Откуда это берутъ столько телячьихъ ножекъ? Я порцію сегодня за обѣдомъ съѣла—двѣ ножки; ты съѣлъ порцію—двѣ ножки. Еще нѣсколько человѣкъ потребовали ножки, и всѣмъ подавали. А?

— Гм! мычитъ Иванъ Петровичъ.—Не знаю.

— Ты никогда ничего не знаешь! замѣчаетъ она.—А-а-а! зѣваетъ она во весь ротъ и, ворочаясь, опять скрипитъ кроватью.

Водворяется молчаніе. Сильная дремота овладѣваетъ мною.

— Удивляюсь я! начинаетъ снова сосѣдка. — Отчего это у тебя одна брюка всегда короче другой. А?.. отчего?..

— Гм! останавливается хожденіемъ Иванъ Петровичъ, должно быть, онъ въ это время смотритъ на свою короткую брюку.—Не замѣчалъ я этого прежде, наконецъ, говоритъ онъ, и начинаетъ опять ходить по комнатѣ.

— А-а-а!.. А-а-а! зѣваетъ сосѣдка, но вдругъ вскрикиваетъ.—Ай! Иванъ Петровичъ, смотри, паукъ, паукъ! Да большой какой! я боюсь, лови его скорѣй... Да ты смѣлѣй его хватай!.. чего ты боишься!..

— Да я не боюсь... лѣниво отвѣчаетъ тотъ.

— Какъ не боишься! Ты вѣрно думалъ, что онъ ядовитый... Вотъ онъ и убѣжалъ... Ахъ ты куча, куча... Взялъ бы, да платкомъ-то и поймалъ.

— Да я не хотѣлъ платка марать, оправдывается Иванъ Петровичъ.

— Скажите, пожалуйста! передразниваетъ она.—Платка онъ не хотѣлъ марать! Да ты, что-ли, заботишься о стиркѣ-то бѣлья; вѣдь я завѣдую...

Снова водворилось молчаніе, и я заснулъ съ мелькнувшею у меня въ головѣ мыслью: а что, когда-нибудь, грѣхомъ, и я сдѣлаюсь такимъ-же Иваномъ Петровичемъ...

У хлѣба да безъ хлѣба.

Если вы будете въ Алупкѣ, то заѣзжайте непремѣнно по сосѣдству въ Мисхоръ. Это очаровательное мѣстечко! говорила мнѣ одна пассажирка на желѣзной дорогѣ, когда я еще только ѣхалъ въ Крымъ.

Я вспомнилъ этотъ совѣтъ, когда мнѣ вздумалось съѣздить изъ Симеиза осмотрѣть Алупку. Симеизъ лежитъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Алупкою, а дальше за Алупкою Мисхоръ, такъ что если смотрѣть со стороны моря на Алупку, то по лѣвую сторону ея будетъ Симеизъ, а по правую ея сторону Мисхоръ. Такимъ образомъ, путь изъ Симеиза въ Мисхоръ идетъ или черезъ Алупку, или мимо ея по прибрежному шоссе. Дѣлая свои экскурсіи по окрестностямъ Симеиза, я всегда разсчитывалъ время пути такимъ образомъ, чтобы непремѣнно, въ обычный часъ полудня или вечера, выкупаться въ морѣ. Перемѣна мѣстностей для морскихъ купаній

доставляла мнѣ уже сама по себѣ цѣлый рядъ пріятныхъ развлеченій, а методичность курса морскихъ купаній ничуть не нарушалась. Да и сами по себѣ прогулки по жарѣ, хотя бы и по живописнѣйшимъ мѣстностямъ, все-таки сильно утомляютъ, и потому необходимо позаботиться оживиться купаньемъ. Такъ какъ мнѣ очень хвалили удобства морскихъ купаній въ Мисхорской бухтѣ, то я, выѣхавши изъ Симеиза около полудня, рѣшилъ прямо проѣхать въ Мисхоръ, осмотрѣть его, выкупаться и затѣмъ уже на обратномъ пути заѣхать въ Алупку.

Такую поѣздку предпринялъ я въ одинъ изъ тѣхъ сильно жаркихъ дней, когда нападаетъ страшная лѣнь и ничего не хочется дѣлать, когда бываетъ только одно желаніе—сидѣть или лежать, да любоваться окружающею прелестью природы. Я нанялъ удобный, мягкій фаэтонъ, и, усѣвшись въ немъ самымъ комфортабельнымъ образомъ, покатилъ по гладкому нижнему шоссе въ прекраснѣйшемъ настроеніи духа. По обѣимъ сторонамъ дороги тянулись деревянныя перила, окрашенныя въ зеленый цвѣтъ; за перилами, на свѣжихъ сочныхъ лужайкахъ выступали другъ за другомъ цѣлые сады розъ и фруктовыхъ деревьевъ; нерѣдко встрѣчались густыя оливковыя рощи, перепоясанныя виноградными кустами. Горячій воздухъ былъ наполненъ тончайшимъ ароматомъ назрѣвавшихъ фруктовъ и цвѣтущихъ розовыхъ кустовъ. Ароматическія воздушныя волны почти на каждомъ шагу мѣняли свой оттѣнокъ, нѣжили и словно ласкали душу. Гармонія природы отражалась здѣсь во всемъ своемъ величіи, разнообразіи и красоты. Изъ массивныхъ клумбъ зелени постепенно выступала грандіозная, трехъ-угольная вершина скалы Ай-Петри (св. Петра), у подножія которой виднѣлась знаменитая Алупка.

Черезъ полчаса пути дорога раздвоилась и на перекресткѣ показался каменный столбъ, на одной сторонѣ котораго изображенъ гербъ князя Воронцова—владѣльца Алупки, а съ другой, графа Шувалова—владѣльца Мисхора.

Фаэтонъ поѣхалъ по аллеямъ изъ кипарисовъ и тополей обширнаго Мисхорскаго парка. Этотъ паркъ заключаетъ въ себѣ всѣ виды деревьевъ, дико растущихъ по берегамъ Чер-

наго моря; онъ заботливо содержится, а правильная разсадка однообразныхъ формъ и группъ южныхъ растеній и цвѣтовъ придаетъ этому парку особенную прелесть. Кромѣ густо заросшихъ тѣнистыхъ аллей, пересѣкающихся между собою во всѣхъ направленіяхъ, въ паркѣ разбросано множество красивыхъ лужаекъ, нѣжная, густая зелень которыхъ походитъ на бархатные ковры. Мисхорскій паркъ представляетъ еще другую особенность отъ другихъ парковъ Крыма: онъ лежитъ на совершенно ровной, безъ всякаго подъема, мѣстности. Спускъ къ морю очень пологій и длиною не-больше саженей 20, что въ особенности удобно для больныхъ, не могущихъ дѣлать прогулки по гористымъ мѣстностямъ и паркамъ Крыма.

Надъ спускомъ къ морю расположенъ незатѣйливой архитектуры дворецъ графа Шувалова, окруженный цвѣтниками и оранжереями; невдалекѣ отъ него стоитъ домикъ управляющаго и три скромныя дачки, отдающіяся въ наемъ для пріѣзжающихъ.

Фаэтонъ остановился около дома управляющаго. Я вышелъ изъ экипажа и, какъ всякій вновь прибывшій въ незнакомое мѣсто, остановился въ недоумѣніи: куда же идти?

На крылечкѣ дома показался болѣзненнаго вида господинъ, средняго роста, худощавый, съ просѣдью и съ выразительными, южнаго типа, чертами лица. Это былъ управляющій имѣніемъ. Онъ любезно заговорилъ со мною и узнавъ, что я пріѣхалъ посмотрѣть Мисхоръ, пригласилъ меня къ себѣ въ домъ, гдѣ съ милѣйшимъ радушіемъ заугощалъ меня и виномъ, и фруктами, и съ такою же гостепріимною словоохотливостью не скупился на сообщеніе всѣхъ свѣдѣній о житьѣ-бытьѣ въ Мисхорѣ.

— Вы спрашиваете, какъ здѣсь живется? говорилъ онъ мнѣ.—Пройдитесь по парку, только не какъ туристъ, всегда ищущій чего-нибудь особенно примѣчательнаго, а просто подите побродить, посидѣть подъ тѣнью того или другаго дерева, и тогда вы поймете, что такое Мисхоръ! Почувствуете, въ чемъ именно выражается вся прелесть его условій жизни!..

— У меня, продолжалъ онъ немного погодя:—сдаются въ

наемъ всего три дачи... И на нихъ существуетъ въ своемъ родѣ преемственный абонементъ. Четыре-пять семей чередуются между собою правомъ нанимать на лѣто эти дачи. Пріѣзжаютъ они, обыкновенно, самою раннею весной. Пріѣзжаютъ всегда съ своимъ столовымъ и постельнымъ бѣльемъ, съ своею посудой и прислугой, словомъ, цѣлымъ хозяйствомъ, такъ какъ у меня ничего подобнаго для пріѣзжихъ не полагается. Провизія здѣсь или мѣстная, или самая разнообразная изъ Ялты. Купанья у насъ прелестныя, бухта защищена отъ волненій, дно моря хоть и каменисто, но все-таки удобно для ногъ. Развлеченій здѣсь, правда, нѣтъ такихъ, какихъ требуютъ горожане, но за то все есть къ услугамъ пріѣзжаго, который ищетъ по временамъ самозабвенія среди молчаливыхъ прелестныхъ картинъ природы и которому нравится созерцательный покой души и тѣла!..

— Однако управляющій-то поэтъ, подумалъ я, слушая его риторическія похвалы Мисхору.—Но, скажите, замѣтилъ я, всматриваясь въ желтое, какъ лимонъ, лицо его:—какъ это вы сами-то, постоянно живши въ этомъ уголкѣ Эдема, не отличаетесь, какъ кажется, особенно цвѣтущимъ здоровьемъ.

— Я не примѣръ! У меня застарѣлый, упорный, хроническій катарръ желудка, отвѣчалъ онъ съ кислою миной.—Мнѣ запрещено купаться, запрещено ѣсть фрукты, пить вино, и вообще я сижу постоянно на строгой діэтѣ.

— Да какъ же это такъ! удивился я:—вѣдь въ Мисхоръ-то и стремятся лечиться такіе больные, какъ вы, и дѣйствительно вылечиваются, а вы, наоборотъ, постоянно живши въ Мисхорѣ, страдаете именно какъ разъ болѣзнью, которая исцѣляется на курортахъ Крыма.

— Да, вотъ, подите-жь! развелъ онъ руками.—Значитъ, успѣхъ леченія морскими купаньями и виноградомъ зависитъ не отъ однихъ купаній и винограда. Тутъ должно быть играетъ роль перемѣна всего привычнаго образа жизни, всей ея обстановки, такъ сказать, самой атмосферы жизни, хотя бы даже такая перемѣна на время была къ худшему. Вотъ, желтокожіе изъ петербуржцевъ исцѣляются здѣсь отъ болѣзней печени, отъ катарровъ желудка; а почему, спрошу я васъ? Потомучто, покинувъ Петербургъ, они прежде всего

должны сдѣлать утомительный переѣздъ то по желѣзнымъ дорогамъ, то на пароходахъ, а то такъ и на лошадяхъ. Послѣ дорожной встряски больной встрѣчаетъ въ курортѣ опять встряску отъ новой обстановки, новыхъ людей, новой природы. Тутъ ужь дѣйствуетъ, наконецъ, радикальное измѣненіе всего образа жизни и всего распредѣленія суточнаго времени. Петербуржецъ—я говорю про тѣхъ, кто сюда ѣдетъ—обыкновенно, работаетъ, веселится, наѣдается и напивается ночью, а спитъ днемъ; здѣсь же онъ вдругъ попадаетъ въ сельскую обстановку жизни и начинаетъ ложиться спать въ 10 часовъ вечера, а вставать въ 5 утра. Понятно, тутъ уже является цѣлый рядъ новыхъ вліяній, дѣйствующихъ въ обратномъ смыслѣ на больной организмъ. Для лицъ же, постоянно живущихъ у морскаго берега, нѣтъ надобности, для леченія купаньемъ или виноградомъ, перемѣнять мѣсто, а измѣнить установившійся образъ своей жизни трудненько—силы воли не хватаетъ. По моему мнѣнію, заговорилъ онъ тономъ глубокаго убѣжденія:—прибрежнымъ жителямъ, нуждающимся въ леченіи морскими купаньями, слѣдуетъ сначала перемѣнить мѣстожительство, выѣхать куда-нибудь на нѣкоторое время, и такимъ образомъ поневолѣ радикально измѣнить свой привычный образъ жизни. А уже затѣмъ, встряхнувшись, вернуться къ морю и начать курсъ купаній—пожалуй, тогда и для нихъ успѣхъ будетъ обезпеченъ. Но мнѣ покинуть Мисхора нельзя, у меня на рукахъ вся экономія графа, и это мѣсто—мой единственный кусокъ хлѣба, закончилъ онъ даже нѣсколько раздраженный.

— По вашему, выходитъ, замѣтилъ я, улыбаясь:—что при одной и той же болѣзни петербуржцамъ нужно ѣхать лечиться въ Крымъ, а крымцамъ—въ Петербургъ. Немножко парадоксально, хоть, пожалуй, и правдоподобно!

— Выходитъ, что такъ, засмѣялся управляющій.

— Мнѣ, какъ истому петербуржцу, полезны морскія купанья, сказалъ я:—а потому, съ вашего разрѣшенія, я пойду выкупаюсь въ вашей бухтѣ. У васъ есть будочки для раздѣванія?

— Какъ же! На берегу устроенъ навѣсъ. У насъ женщины и мужчины купаются въ одномъ и томъ же мѣстѣ,

но... только въ разные часы дня. Теперь какъ разъ часы мужскихъ купаній, а потому вы можете отправиться купаться.

Поблагодаривъ милѣйшаго управляющаго за радушное гостепріимство, я отправился на берегъ моря.

Декорація Мисхорской бухты — это все одна и та же чарующая взглядъ и душу картина моря,—моря безконечно разнообразнаго въ своемъ кажущемся однообразіи, подавляющаго своимъ величіемъ все надменное и возвеличивающаго всѣхъ павшихъ духомъ,—моря, кажущагося безпредѣльнымъ въ своихъ видимыхъ границахъ далекаго голубаго горизонта!

Между Сциллой и Харибдой.

Когда я вошелъ подъ навѣсъ для раздѣванья, то засталъ тамъ лишь одного купальщика, который только что вышелъ изъ воды и вытирался полотенцемъ. Это былъ длинный, худой, слабогрудый господинъ съ длинными, бѣлокурыми, падавшими на самыя плеча, мягкими волосами, такъ что съ перваго раза я принялъ-было его за священника. Онъ тотчасъ же заговорилъ со мною и, узнавъ, что я пріѣзжій только на время для ознакомленія съ Мисхоромъ и его паркомъ, любезно вызвался сопутствовать мнѣ въ прогулкѣ по парку и согласился подождать, пока я выкупаюсь.

Когда послѣ купанья я одѣвался, онъ разсказывалъ мнѣ, что уже нѣсколько лѣтъ страдаетъ грудью, почти каждый годъ пріѣзжаетъ въ Крымъ, выбираетъ себѣ каждый разъ новый пунктъ и нынѣшнимъ лѣтомъ поселился въ Алупкѣ. Онъ съ восторгомъ отзывался о Мисхорѣ, такъ какъ для него ходить по гористымъ мѣстностямъ тяжело и очень вредно. Какъ только я одѣлся, мы сейчасъ же пошли бродить по парку. Полюбовавшись мимоходомъ роскошными цвѣтниками передъ

дворцомъ графа Шувалова, мы вскорѣ углубились въ обширныя густыя аллеи парка.

Зеленыя рощи, раскаленныя лучи солнца, пѣніе птицъ, повсюду богатая плодотворная и восхитительная природа — все располагало къ какому-то особому, тихому, молчаливому настроенію духа. Аллеи поминутно пересѣкались, путались и наконецъ мы очутились въ узкой, поросшей кустарникомъ лощинѣ, въ глубинѣ которой струился ручей изъ подъ небольшаго камня, а невдалекѣ отъ него подъ тѣнью густого орѣшника стояла скамейка. Открывшаяся передъ нами картина природы была необыкновенно сценична и эффектна уже сама по себѣ, а къ довершенію всего, мы невольно были изумлены неожиданною живою картиной, которая представлялась нашимъ глазамъ на ярко освѣщенномъ фонѣ окружающей зелени.

На скамейкѣ сидѣла въ полномъ расцвѣтѣ красоты и молодости дѣвушка, лѣтъ 20—22. Локтемъ своей правой полуобнаженной, прекрасной руки она опиралась на спинку скамейки, а кистью руки поддерживала свою головку, склонивъ нѣсколько на бокъ свое прелестное блѣдноватое личико, обрамленное роскошными, черными, блестящими волосами. Густыя пряди волосъ были уложены въ простую, совсѣмъ гладкую, низкую прическу, украшеніемъ которой была только одна бѣлая роза, воткнутая прямо въ волоса сбоку внизу. Въ лѣвой рукѣ, небрежно опущенной на шелковую юбку съ большими яркими букетами по бѣлому фону, она держала раскрытую книгу. Довольно сильно развитыя формы стана художественно обрисовывались гладкимъ бѣлымъ лифомъ, открывавшимъ маленькимъ круглымъ мыскомъ спереди и сзади бѣлую, какъ фарфоръ, шею.

На колѣняхъ передъ нею стоялъ молодой человѣкъ. Я не буду описывать его наружности, скажу лишь, что онъ былъ достойною парой красавицѣ.

Въ темныхъ лазурныхъ глазахъ дѣвушки, устремленныхъ вдаль, искрилось глубокое унынie, а изъ подъ густыхъ рѣсницъ, помимо воли, сіялъ огонь беззавѣтнаго увлеченія страстью. Грудь волновалась, розовыя губы порывисто подергивались, а въ страстныхъ глазахъ дрожали маленькія капли слезъ.

.Молодой человѣкъ вдругъ быстро поднялся съ колѣнъ и, понуря голову, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ сторону и, подошедши къ группѣ деревьевъ, уперся спиною въ толстый стволъ орѣховаго дерева у скамейки.

Онъ нѣсколько секундъ стоялъ въ задумчивости, похлопывая тросточкой себя по сапогу. Затѣмъ прислонился головой къ дереву и... запѣлъ. Первые звуки его голоса были слабы, неровны, дрожащи, но постепенно голосъ сталъ увѣреннѣе, тверже, звучнѣе и полилась, наконецъ, широко упоительная мелодія; мотивъ былъ испанскій, слова французскія. Это была цѣлая поэма любви, со всѣми ея эпизодами, нечаянностями, кокетствомъ, разлукою, горемъ, пресыщеніемъ и счастіемъ. Въ первомъ мотивѣ выражалось зарожденіе страсти; во второй музыкальной фразѣ романъ шелъ къ развитію: объясненіе въ любви принято, но есть еще сомнѣнія, кокетство; затѣмъ мелодія идетъ allegro, allegrisimo, страсть достигаетъ своего апогея; dolce—все кончено, не нужны клятвы и слова, мелодія льетъ звуки нѣжности и вѣры въ счастье безъ конца! Цѣль достигнута, мотивъ мѣняется, и слышится спокойный ритмъ безпечности и томный звукъ воспоминаній о минувшемъ На небосклонѣ тучи, минорный тонъ дрожитъ, предчувствіе бѣды... голосъ замираетъ, обрывается и... переходитъ на мотивъ торжественнаго гимна счастью и любви.

Молодой пѣвецъ кончилъ на высокомъ звукѣ, и когда повернулся въ сторону дѣвушки, то она, вся раскраснѣвшаяся, съ преобразившимся отъ счастія лицомъ, бросилась въ его объятія. Миръ, казалось, заключенъ былъ прочный. Да, впрочемъ, есть-ли что прочное на свѣтѣ?!..

Я тронулъ за рукавъ своего компаньона по прогулкѣ и знакомъ предложилъ уйти незамѣченными.

Когда мы уже были далеко, я полюбопытствовалъ узнать, кто эти Фаустъ и Маргарита.

— Это незаконные женихъ и невѣста, отвѣчалъ онъ, поправивъ свою соломенную шляпу и мотнувъ при этомъ энергично головой, причемъ высохшіе мягкіе его волосы раскинулись прядями. Онъ назвалъ весьма печальной извѣстности фамилію одного изъ бывшихъ интендантскихъ чиновниковъ въ минувшую войну—отца молодаго человѣка. Дѣвушка же

была дочь еврея, бывшаго поставщика арміи.—Отцы того и другаго сосланы въ Сибирь, разсказывалъ онъ мнѣ глухимъ печальнымъ голосомъ, прерываемымъ одышкой и кашлемъ.— Она единственная дочь, онъ единственный сынъ, и оба давно сироты по матерямъ, а теперь сироты и по отцамъ. До войны ихъ отцы перебивались послѣдними грошами, чтобы только дать своимъ дѣтямъ блестящее образованіе... Молодой человѣкъ очень умный и образованный, говоритъ на нѣсколькихъ языкахъ; кончилъ курсъ въ университетѣ и имѣетъ дипломъ консерваторіи. Невѣста же его замѣчательная художница и вообще артистическая натура. Молодые люди еще до войны любили другъ друга, но бракъ ихъ, по мнѣнію отцовъ, былъ невозможенъ, главнымъ образомъ, потому, что ни у того, ни у другаго до войны не было ни копѣйки на приданное своимъ дорогимъ и избалованнымъ, несмотря на бѣдность, чадамъ. Война измѣнила положеніе вещей. Счастье сдѣлалось достижимо для молодыхъ людей—они богаты, но рука правосудія поразила отцовъ—ихъ сослали. Старики уѣхали въ ссылку, не позволивъ дѣтямъ себя провожать и даже не допуская навѣщать себя во все время предварительнаго тюремнаго заключенія... Я не знаю, какого рода переписку ведутъ старики теперь съ своими дѣтьми, я самъ въ перепискѣ съ обоими стариками. Ни малѣйшаго намека на раскаяніе или хоть бы тѣни намека на тяготу своею печальною судьбой нѣтъ въ ихъ письмахъ. Въ письмахъ проглядываетъ только одна безграничная, безъисходная тоска разлуки съ своими обожаемыми дѣтьми. Въ намалеванныхъ старческою рукою строкахъ сквозитъ лишь страхъ за молодыя силы, оставшіяся безъ отческой подпоры. Каждое письмо заканчивается ниспосланіемъ свыше благословенія счастью молодыхъ людей и... я вамъ скажу, въ такихъ выраженіяхъ, что... разсказчикъ закашлялся и оборвалъ рѣчь, махнувъ рукой.

Мы нѣкоторое время молча продолжали путь.

— Да! сокровененъ душевный міръ человѣка, думалось мнѣ:—и даже въ преступленіяхъ есть все-таки своя свѣтлая оборотная сторона медали—проблескъ человѣчности, хотя бы и эгоистической...

— Но и сама молодежь, снова заговорилъ мой спутникъ:—

еще далека отъ желаннаго полнаго счастія. Жизнь складывается не по нашему желанію!.. Чтобы бракъ состоялся, дѣвушка должна принять христіанство, или... онъ сдѣлаться евреемъ, что уже совсѣмъ невозможно. Его я отлично знаю... Это бѣшенный, страстный, готовый на все характеръ. Онъ, не задумываясь бы, тайно перешелъ въ еврейство, но вѣдь въ его жилахъ нѣтъ еврейской крови, а для евреевъ это главный догматъ... Ее я тоже знаю—огонь! Но она, по своей страстной натурѣ, еврейка-фанатичка. Страстная любовь къ человѣку-нееврею и восторженная вѣра въ своего національнаго Бога борятся съ разрушающею силою въ ея молодой душѣ... Разбить свое національное божество со всѣми въ него вѣрованіями, со всѣми упованіями на Мессію—это ввергнуть себя въ несчастія всей послѣдующей разбитой духовной жизни. Разстаться съ своимъ земнымъ идоломъ, съ своимъ кумиромъ, съ милымъ сердцу человѣкомъ—это похоронить всѣ свои жизненные земные идеалы, заживо похоронить самое себя!.. Положеніе трагическое!.. А?!. какъ вы думаете объ этомъ? обратился ко мнѣ разсказчикъ.

Я согласился съ трагизмомъ положенія и больше ничего не отвѣтилъ. Такъ какъ мы были уже близко отъ того мѣста, гдѣ стоялъ мой фаэтонъ, то, поблагодаривъ своего спутника за удовольствіе, доставленное мнѣ его компаніей, я распрощался съ нимъ и приказалъ извощику подъѣхать съ экипажемъ къ дому управляющаго. Управляющій, вѣроятно, увидѣвъ подъѣзжавшій экипажъ, тотчасъ же вышелъ на крыльце.

— Ну, что? крикнулъ онъ мнѣ на встрѣчу.—Какъ понравился вамъ паркъ? Не правда-ли, хорошъ?..

— Очень хорошъ! проговорилъ я, подходя къ нему. — Только и вашъ Мисхорскій паркъ не защищенъ отъ трагическихъ происшествій.

— Что? Что такое случилось? тревожно переспросилъ онъ.

Я разсказалъ ему, что видѣлъ и что слышалъ отъ своего спутника.

— Ну! махнулъ рукой управляющій.—Этого-то господина я нѣсколько знаю. Это непризнанный поэтъ и газетный репортеръ. Онъ всегда любитъ разукрасить всякое происшествіе; я, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ не слышалъ ничего по-

добнаго. Впрочемъ, все можетъ быть; тутъ въ окрестности столько наѣзжаетъ каждый день всякаго влюбленнаго и невлюбленнаго люда, что и за свой паркъ я, конечно, не могу ручаться. За одно только я могу поручиться, что въ такомъ раю, какъ Мисхорскій паркъ, финалъ всякой трагедіи всегда одинъ и тотъ же—грѣхъ прабабушки Евы. Ну, этотъ финалъ еще не такъ страшенъ! сказалъ онъ, весело разсмѣявшись.

— Я съ вами вполнѣ согласенъ, тоже со смѣхомъ отвѣчалъ и я, пожалъ на прощанье ему руку и уѣхалъ въ Алупку.

Погромы мирной войны.

то долженъ я мыслить послѣ прогулокъ по Алупкинскому парку? Такимъ вопросомъ, въ одномъ изъ старинныхъ путеводителей по Крыму, задается авторъ, и къ изумленію читателя, въ особенности знакомаго съ Алупкой, отвѣчаетъ: «Азъ есьмъ червь!»

Какія были основанія для подобнаго процесса мышленія у почтеннаго автора путеводителя—понять трудно, если не допустить предположенія, что почтенный авторъ былъ или чиновникъ, приниженный величавостью могущественныхъ древесъ вельможнаго парка, или просто «человѣкъ», чувствовавшій на себѣ еще крѣпостную зависимость и опасавшійся, какъ бы вѣтви предестной растительности не превратились въ орудія, извлекающія слезы даже не на однѣхъ только рѣкахъ Вавилонскихъ.

Алупкинскій паркъ долженъ вызывать въ посѣтителяхъ совсѣмъ другія чувства. Эти чувства скорѣе похожи на тѣ,

которыя ощущалъ деревенскій мужикъ, остановившійся въ изумленіи передъ часовымъ магазиномъ, наполненнымъ хитродумными часами съ кукушками, музыкой и прочими замысловатостями.

«Хитеръ нашъ братъ мастеровой!?» съ гордостью воскликнулъ деревенскій мужикъ, любуясь кукушкой, замѣнявшей своимъ кукованьемъ бой часовъ. А когда его спросили, какимъ мастерствомъ занимается онъ самъ, то оказалось, что онъ состоитъ подручнымъ по дровокольной и дровопильной части. И вотъ при такомъ-то даже неголоволомномъ мастерствѣ мужикъ все-таки не потерялъ сознанія собственнаго человѣческаго достоинства—сознанія того, что можетъ создавать человѣкъ своими руками при разумной головѣ, что человѣкъ есть царь природы!

Еще въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія Алупка представляла собою пустынную картину мрачнаго величія. Огромныя, исковерканныя, обнаженныя скалы, какъ будто оторванныя какою-то гнѣвною рукой отъ горнаго хребта, были разметаны въ безпорядкѣ по склону къ морю; почернѣлые камни повсюду были разсѣяны въ одиночку или грудами, въ видѣ памятниковъ свирѣпствовавшаго здѣсь когда-то страшнаго геологическаго урагана разрушенія. Голые, громадные утесы безобразныхъ формъ, усѣявшіе морской берегъ, громоздились другъ надъ другомъ и какъ будто со злобою старались выдвинуть другъ друга крутыми своими боками въ морскую даль. Среди этого почвеннаго мрачнаго хаоса, безпорядка и разрушенія мелькали лишь изрѣдка немногія хаты татарской деревушки, выглядывая какъ будто украдкой изъ-за веселой зелени своихъ садиковъ, съ роскошными фиговыми, гранатовыми и масляничными деревьями.

Заглянулъ въ этотъ, повидимому, ни къ чему непригодный, непривлекательный уголокъ недюжинный человѣкъ, геніемъ своего духа онъ понялъ, что при помощи науки и искусства можно изъ этого хаоса создать уголокъ Эдема, и вотъ, словно по мановенію волшебнаго жезла, суровый хаосъ обваловъ съ своими мрачными холмами изъ груды порфира и гранита исчезъ, и закрасовался тутъ величественно возвышающійся гранитный замокъ-дворецъ, окруженный садами,

съ роскошью и блескомъ которыхъ могли бы соперничать развѣ одни только древніе очаровательные сады Семирамиды!

Отъ самыхъ волнъ моря все вверхъ и вверхъ до самой пяты заоблачной скалистой горы Ай-Петри поднимается теперь берегъ Алупки пологимъ помостомъ, изукрашеннымъ роскошью могуче-разросшихся парковъ съ ихъ причудливо-узорчатыми цвѣтниками, гротами, фонтанами, лѣсами. Нависшая надъ «всѣмъ и вся» своею каменною массою утесовъ и увѣнчанная узорчато-остроконечными вершинами, гора Ай-Петри какъ будто любуется и не можетъ налюбоваться невиданнымъ ею съ основанія міра могуществомъ человѣка, умѣющаго создавать такую восхитительную прелесть изъ отталкивающаго безобразія. «Человѣкъ, этотъ червякъ, это ничтожество, и какія штуки можетъ онъ продѣлывать съ природой!» какъ будто шепчетъ Ай-Петри на своемъ каменномъ, стихійномъ языкѣ.

Въ сказочныя рощи цвѣтущихъ магнолій съ ихъ крупными бархатными листьями одѣтъ низъ берега. Немного повыше роскошныя группы лавровыхъ деревьевъ чередуются съ померанцевыми, лимонными и апельсинными деревьями; тѣнистыя аллеи орѣховъ, кипарисовъ, миртовыхъ и розовыхъ деревьевъ красиво тянутся между обвитыхъ плющемъ огромныхъ камней! Тамъ, выше, шумятъ и падаютъ каскадами горные ручьи, а прибѣгая сюда внизъ, журчатъ и каскадируютъ съ цѣломудренною скромностью шалящей институтки! Клумбы прелестнѣйшихъ цвѣтовъ фантастическими узорами разбросаны кругомъ изящныхъ дорожекъ англійскаго сада. Повсюду разбросаны фонтаны, то бьющіе высоко вверхъ, то выкатывающіеся тихою обильною струею, какъ слезы изъ глазъ плачущей матери.

Капризъ и вкусъ, удобство и нѣга—все сосредоточилось въ Алупкѣ, но въ то же время художникъ—создатель современной Алупки сохранилъ остовъ и прежняго хаоса ея, только ожививъ этотъ остовъ дарами растительнаго царства и вдохнувъ въ него творческую фантазію и мысль человѣка! Здѣсь бывшая безобразная груда почернѣлыхъ камней превращена въ волшебный гротъ! Тамъ мертвая каменная глыба громаднаго безформеннаго гранитнаго утеса затрепетала

подъ освѣжающими струями разсыпавшагося по ней веселаго каскада и подъ нимъ, какъ подъ прозрачнымъ кружевомъ, прикрыла свои обнаженныя мѣста сѣрымъ, влажнымъ мохомъ и сочною зеленью пушистой травки, тянущейся изъ подъ тонкихъ струекъ воды. Искусство и живая природа соединились здѣсь любовно брачными узами!..

Громадная широкая лѣстница, убранная цвѣтами и тропическими растеніями, украшенная уставленными на гранитныхъ пьедесталахъ бѣломраморными львами, ведетъ изъ парка во дворецъ. Эта окаменѣвшая львиная стража представляетъ собою верхъ совершенства и образецъ выполненія геніальной фантазіи художника.

На нижнемъ помостѣ лѣстницы львы спокойно лежатъ, какъ будто наблюдая за проходящими.

На второмъ—они только приподнялись на переднія лапы, выражая свое недовольство, что смертные имѣютъ дерзость подниматься по этой лѣстницѣ къ недоступному святилищу предержащаго власть!

На послѣднемъ помостѣ ко дворцу они уже стоятъ на всѣхъ четырехъ ногахъ, разъяренные, съ отверзтыми пастями, готовые растерзать дерзновеннаго, но невидимая сила превратила эту олицетворенную ярость въ камень, а дерзновенный уже безъ всякаго страха и смущенія идетъ въ запустѣлое святилище!..

На площадкѣ передъ этою волшебною лѣстницей два фигурчатые изъ бѣлаго мрамора фонтана выбрасываютъ воду въ стоящія подъ ними изящной рѣзьбы мраморныя вазы, а кругомъ пестрѣютъ цвѣты и алѣютъ розы, обдавая васъ волною тонкаго аромата.

Не вѣками и даже не десятками лѣтъ создавалась теперешняя очаровательная Алупка, а возникла она съ быстротою капризной фантазіи нетерпѣливаго властелина... Какъ быстро возродилась Алупка изъ горнаго хаоса, можно судить по слѣдующему разсказу, весьма распространенному въ Крыму.

Одинъ изъ жителей Алупки, когда она еще была пустынною, глухою мѣстностью, отправился въ Мекку, на обязательное для каждаго правовѣрнаго поклоненіе гробу Магомета. Татары изъ бѣдняковъ отправлялись въ этотъ далекій

путь обыкновенно не увѣренные, приведетъ-ли Аллахъ вернуться имъ обратно къ своему родному пепелищу, хотя, впрочемъ, каждый изъ нихъ считалъ бы себя даже счастливымъ, если бы привелось ему умереть въ Меккѣ. Путешествіе алупкинскаго татарина продолжалось нѣсколько лѣтъ. Постарѣвшій и измученный лишеніями, онъ, наконецъ, возвратился домой. Когда его ладья подплыла уже совсѣмъ къ берегу и онъ бросилъ жадный взглядъ на свою родную Алупку, то не узналъ ея и сначала подумалъ, что его не туда привезли, а когда его убѣдили, что это мѣсто есть та же самая Алупка, то растерявшійся татаринъ подумалъ, что Аллахъ помутилъ его разсудокъ. Послѣ долгихъ колебаній, онъ рѣшился, наконецъ, выйти на берегъ и съ трепетомъ вступилъ въ волшебный садъ изъ тысячи одной ночи.

Татаринъ-пилигримъ шелъ, смотрѣлъ и недоумѣвалъ, во снѣ онъ или на яву!.. Когда онъ вступилъ на площадку передъ дворцомъ, то окончательно остолбенѣлъ отъ изумленія. Долго, неподвижно стоялъ татаринъ и, можетъ быть, еще долго простоялъ бы, если бы не былъ выведенъ изъ своего столбняка прикосновеніемъ чьей-то руки, легшей на его плечо. Онъ обернулся. Передъ нимъ стоялъ старикъ Урусъ-паша, т. е. русскій генералъ, въ домашнемъ генеральскомъ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, сюртукѣ. Улыбка скользила по добродушному лицу стараго генерала, безъ усовъ и безъ бороды и лишь съ маленькими узкими, сѣдыми бакенбардами. Генералъ сталъ разспрашивать татарина и, узнавъ въ чемъ дѣло, повелъ его самъ осматривать сады и дворецъ перерожденной Алупки. Генералъ этотъ былъ не кто другой, какъ самъ владѣлецъ Алупки, новороссійскій губернаторъ, генералъ-фельдмаршалъ, свѣтлѣйшій князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ.

Этотъ разсказъ о татаринѣ-пилигримѣ очень распространенъ въ Крыму, и если онъ, съ одной стороны, характеризуетъ быстроту возрожденія современной роскошной Алупки изъ хаоса, то, съ другой стороны, вполнѣ обрисовываетъ симпатичный характеръ покойнаго князя М. С. Воронцова, бывшаго всегда и для всѣхъ доступнымъ, гостепріимнымъ хозяиномъ. Князь, по свидѣтельству многихъ, съ большою

тѣмъ тронулись дальше. Еще часа полтора пути по шоссе, и вотъ, наконецъ, Курбэдинъ пріостановилъ свою лошадь. Обратившись къ намъ, онъ прокричалъ намъ: Шайтанъ-Мердвенъ!.. послѣ чего повернулъ свою лошадь направо въ горную расщелину. Началась узкая, каменистая тропинка. Едва проѣхали по ней шаговъ тридцать или сорокъ, какъ она уперлась въ гору.

— Стопъ! закричалъ Курбэдинъ.

— Слѣзай съ лошадей и бери подъ уздцы! скомандовалъ генералъ.

Всѣ спѣшились, исполняя команду.

Шайтанъ-Мердвенъ.

Курбэдинъ, ведя лошадь вольно подъ уздцы, полѣзъ вверхъ по почти отвѣсному подъему Мердвенъ. За нимъ слѣдомъ, гуськомъ, потянулись и всѣ мы.

Подъемъ кружился узкимъ, змѣинымъ ходомъ въ трещинѣ горы. Всходъ Мердвена состоитъ изъ 96 оборотовъ на всемъ протяженіи около версты. Подъемъ этотъ названъ лѣстницей потому, что тропинка идетъ насѣчками въ скалѣ. Насѣчки эти образованы частью самою природою, частью же заботливостью татаръ, которымъ исламъ вмѣняетъ въ священную обязанность каждому, какъ истинно правовѣрному, устроивать и починять дороги въ мѣстахъ непроходимыхъ. Но сильные потоки дождевой воды нерѣдко превращаютъ эту работу правовѣрныхъ на Мердвенѣ въ трудъ Сизифа; тѣ же потоки, иной разъ, весьма значительно увеличиваютъ и опасность Мердвенскаго прохода. Послѣ сильныхъ, дождевыхъ стоковъ, тропинка наполняется мелкимъ щебнемъ, который легко скользитъ подъ ногами путника и грозитъ поскользнувшемуся несчастному паденіемъ въ зіяющую пасть отвѣснаго

Погромы мирной войны.

То долженъ я мыслить послѣ прогулокъ по Алупкинскому парку? Такимъ вопросомъ, въ одномъ изъ старинныхъ путеводителей по Крыму, задается авторъ, и къ изумленію читателя, въ особенности знакомаго съ Алупкой, отвѣчаетъ: «Азъ есьмъ червь!»

Какія были основанія для подобнаго процесса мышленія у почтеннаго автора путеводителя—понять трудно, если не допустить предположенія, что почтенный авторъ былъ или чиновникъ, приниженный величавостью могущественныхъ древесъ вельможнаго парка, или просто «человѣкъ», чувствовавшій на себѣ еще крѣпостную зависимость и опасавшійся, какъ бы вѣтви прелестной растительности не превратились въ орудія, извлекающія слезы даже не на однѣхъ только рѣкахъ Вавилонскихъ.

Алупкинскій паркъ долженъ вызывать въ посѣтителяхъ совсѣмъ другія чувства. Эти чувства скорѣе похожи на тѣ,

лесомъ передніе ноги, ухватываясь своими копытами за зазубрины скалы, и такимъ образомъ подвигалась впередъ безостановочно. На одномъ изъ крутѣйшихъ поворотовъ она, какъ и на пути изъ Лименъ, вдругъ зѣвнула.

— Ну, почтенная! сказалъ я:—коли ты въ такую минуту жизни трудную можешь мечтать о снѣ, то значитъ тебѣ легко!

Я остановилъ ее и началъ карабкаться на сѣдло. Лошадь быстро обернула ко мнѣ свою морду, словно желая сказать: «Это ужь, почтеннѣйшій, не резонъ съ твоей стороны!»

Но я не внялъ ея молчаливому протесту, вскарабкался-таки на сѣдло и добрался по дикой скалѣ спокойно и благополучно до плоской вершины, начинавшейся за послѣднею ступенью лѣстницы.

Тутъ мы сдѣлали привалъ, лошадей пустили пастись на лужайкѣ, а сами съ наслажденіемъ стали промачивать засохшее горло виномъ, которое, кажется, никогда не было такъ вкусно, какъ въ эту минуту.

На вершинахъ Яйлы.

Ужь не тяжелая масса каменныхъ стѣнъ циклоповъ тяготѣла надъ нами, а разстилалось ясное, чистое небо. Тонкій ароматъ горнаго воздуха ласкалъ наши чувства; внизу же, далеко-далеко мелькали силуэты южнобережскихъ поселеній, да чернѣлась темная, какъ грифель, поверхность Чернаго моря.

Площадка, на которой мы отдыхали, служила началомъ двухъ тропинокъ: одна вела въ дер. Байдары, другая же, правѣе—въ дер. Скели, куда именно мы теперь и стремились. Отдохнувши малую толику, поѣхали мы дальше этою тропинкой. Она, склоняясь вправо, вилась змѣйкой сначала въ чащѣ разнообразныхъ древесныхъ породъ: вяза, ясени, дуба, тополя и т. п., а затѣмъ, мало-по-малу, разнообразіе

породъ уступало мѣсто уже однообразной картинѣ цѣлаго лѣса—роскошной зелени однихъ только буковыхъ деревьевъ. Лучи клонившагося къ западу солнца проникали сквозь ярко зеленую листву во всѣ уголки лѣса, освѣщая своимъ блескомъ и зеленую массу верхушекъ деревьевъ, и скудную травку, и рѣдкій, малолистный, почти голый кустарникъ, разстилавшійся снизу около корней деревьевъ. Весь лѣсъ казался озареннымъ лучезарною, веселою улыбкою.

— Лѣсъ Шишкина! проговорилъ генералъ въ задумчивости.

Я на это замѣчаніе ничего не отвѣтилъ. Мнѣ хотѣлось молчать, быть одному; я съ полузакрытыми глазами, склонивъ въ задумчивости голову, ѣхалъ впереди всей компаніи вслѣдъ за Курбэдиномъ. Это было состояніе словно какого-то очарованія...

Вдругъ я получаю страшный ударъ въ переносицу... вскидываю вверхъ руки... передъ глазами мелькаетъ какая-то жердь... я за нее хватаюсь... жердь ломается.. меня вышибаетъ изъ сѣдла, и я всѣмъ корпусомъ лечу плашмя спиною на землю...

На секунду я потерялъ сознаніе. Кругомъ меня произошло смятеніе. Генералъ и Курбэдинъ подбѣжали ко мнѣ и помогли встать. Я былъ точно въ столбнякѣ; инстинктивно ощупалъ свой носъ, боясь, не раздроблены-ли кости переносья; къ счастью, все оказалось на мѣстѣ, хоть и несовсѣмъ въ цѣлости: на носу была порядочная царапина и кровь изъ оцарапаннаго переносья шла ручьемъ. Курбэдинъ быстро вынулъ изъ своего табачнаго кисета папиросную бумажку, смочилъ ее своимъ языкомъ, и я не успѣлъ опомниться, какъ бумажка уже заклеила мнѣ кровоизліяніе. Меня невольно покоробило отъ этого доморощеннаго слюняваго способа остановки кровотеченія, но у меня была такая общая слабость и дыханіе было такъ стѣснено, что я нѣсколько секундъ не могъ вымолвить ни одного слова, чтобы протестовать.

Однако, минуты черезъ двѣ я совсѣмъ оправился, тогда поскорѣе перемѣнилъ на носу бумажку, смочивъ чистую бумажку уже своею собственною слюной, потому что воды подъ рукой не было, и наконецъ, ко всеобщему удовольствію, воз-

сѣлъ опять на сѣдло, и такимъ образомъ, всѣ успокоенные, мы тронулись въ путь.

Этотъ случай моего паденія съ лошади вывелъ всѣхъ изъ мечтательной задумчивости и вернулъ къ дѣйствительности, которая требовала къ себѣ побольше вниманія. Дикая, узкая лѣсная тропинка пролегала кое-гдѣ промежъ деревьевъ такимъ узкимъ зигзагомъ, что изъ сучьевъ деревьевъ составлялись цѣлыя воздушныя загороди на пути. Еще счастье мое, что угодившій мнѣ по носу древесный сукъ былъ засохшій, а потому онъ отъ перваго напора рукъ переломился. Тоже счастье, что я свалился не на камень, которыми была усѣяна тропа, а упалъ прямо на мягкую землю, иначе я или размозжилъ бы себѣ объ сукъ носъ, или переломилъ на камнѣ спину.

Случай опаснаго перелома спины при такихъ же точно условіяхъ и на этой же самой тропинкѣ былъ въ прошломъ году съ одною амазонкой, какъ потомъ разсказалъ намъ Курбэдинъ. Онъ же и былъ тогда проводникомъ этой несчастной кавалькады. Расшибленную молодую женщину должны были спутники ея съ ужасными усиліями нести на рукахъ и еле-еле могли доставить ее въ Ялту. Легко себѣ вообразить, чего имъ стоилъ обратный спускъ съ такою ношею по лѣстницѣ Мердвенъ.

— Чего же ты насъ раньше-то не предупредилъ! заворчали мы на Курбэдина.

— Всыгда надо быть самъ осторожну! отвѣчалъ равнодушнымъ тономъ, глубокомысленно пожимая плечами, татаринъ.

Постепенно лѣсъ началъ рѣдѣть, а тропинка стала виться по окраинѣ узкаго обрывистаго ущелья, на днѣ котораго въ густой зелени журчала маловодная, горная рѣчка. Глушь, дичь кругомъ, но все же картины неописанной прелести!

Но вотъ миновали мы и ущелье и выѣхали, наконецъ, на гладкія поля и обширные луга деревни Скели.

Деревня Скели.

Деревня Скели—это одна изъ множества руинъ, печальныхъ памятниковъ безвозвратно павшаго татарскаго владычества въ Крыму. Еще лѣтъ тридцать тому назадъ, по отзывамъ очевидцевъ, Скели представляла собою обширное богатѣйшее селеніе, а теперь вся эта плодородная мѣстность, изъ которой беретъ свое начало Черная рѣчка—изобилующая, сказать къ слову, раками и форелью—изображаетъ собою нустыню, въ которой въ видѣ оазисовъ попадаются только немногіе домики табачныхъ плантаторовъ-грековъ.

Былъ уже часъ седьмой вечера, когда мы, по указанію Курбэдина, выѣхали за изгородь обширнаго двора при домѣ одного изъ мѣстныхъ табакоразводчиковъ.

Какъ самъ хозяинъ, грекъ, такъ и жена его, русская, и ихъ взрослыя многочисленныя дѣти, всѣ были цвѣтущаго здоровья, вполнѣ достойные продукты свѣжаго, чистаго горнаго воздуха и простой сельской жизни. Болѣе достойныхъ экземпляровъ преміи за здоровье врядъ-ли будетъ можно найти даже на выставкѣ здоровыхъ людей, если бы когда-либо суждено было осуществиться такой выставкѣ.

Хозяева привѣтливо встрѣтили насъ и предоставили въ наше распоряженіе чистенькій, новенькой постройки домикъ, гдѣ они сами бываютъ только въ праздничные дни, потому что въ будни они постоянно занимаютъ обогрѣтую уже ими издавна старую избушку.

Всѣ мы соскочили съ наслажденіемъ съ лошадей и, разминая усталые до нельзя члены, предвкушали наслажденіе предстоящей ѣды.

Началась распаковка узловъ. Взятая нами съ собою посуда оказалась излишнею—у хозяевъ былъ большой запасъ прекрасной столовой посуды и бѣлья.

Столъ былъ очень быстро накрытъ расторопными руками самой хозяйки и ея дочери, и тогда мы, размѣстившись въ весьма удобныхъ мягкихъ креслахъ, съ чисто волчьимъ аппетитомъ быстро уничтожили, по крайней мѣрѣ, двѣ трети всего нашего запаса мяса и вина. Пожалуй, не прочь были бы уничтожить и остальную треть, если бы только не воспротивился этому генералъ, благоразумно распорядившись приберечь остатокъ мяса и вина на завтра. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что хозяева наши, предупредительно доставивъ намъ посуду, бѣлье и чай, наотрѣзъ отказались уступить намъ хоть бы что-нибудь изъ своего съѣстнаго запаса, отговариваясь настойчиво скудостью своихъ запасовъ и невозможностью пополнить ихъ.

Вечерѣло и воздухъ уже замѣтно сталъ охлаждаться, когда мы, подкрѣпившись закуской и освѣжившись обливаніемъ головы и лица ключевою водою, пошли бродить по окрестностямъ Скели.

Горы, зеленые луга, масса яркихъ цвѣтовъ, пѣніе птицъ, кругомъ тишь, гладь и всюду Божья благодать!..

Горная татарка.

Проходя въ одномъ мѣстѣ по тропинкѣ, я услыхалъ журчаніе воды, свернулъ въ ту сторону, и за шпалерами кустарника открылась журчащая поверхность обмелѣвшихъ за лѣто истоковъ Черной рѣчки. По дну ихъ были разсѣяны кругляки, выставлявшіе высоко надъ водою свои гладкіе, плоскіе верхи.

На одномъ изъ такихъ кругляковъ стояла высокая дѣвушка—горная татарка. Своеобразный горскій, пестрый бешметъ облегалъ ея стройный станъ. Въ граціозномъ безпорядкѣ поддернутая вверхъ юбка открывала довольно высоко стройныя, красивыя ноги дѣвушки. Она твердо держалась на камнѣ своими голыми, миніатюрными, съ высокимъ подъе-

момъ, ступнями. Подбоченивши свою лѣвую руку, она правою держала на плечѣ только-что наполненный водой высокій, глиняный кувшинъ.

На берегу, невдалекѣ отъ дѣвушки, у подножья мшистаго утеса сидѣли, сложивъ ноги калачикомъ, два молодые горца въ своихъ характерныхъ, темныхъ костюмахъ горныхъ чобановъ.

Я всегда съ удовольствіемъ всматривался въ выраженіе лицъ горныхъ татаръ. Дѣти горъ, выросшіе среди молчаливой суровой природы скалъ, истые мусульмане-фанатики, они не разговорчивы; горная пустыня сама по себѣ уже не располагаетъ къ общенію. Красивыя, выразительныя лица ихъ, большею частью вполнѣ правильнаго кавказскаго типа, всегда какъ-то особенно строги, вдумчивы и какъ бы меланхоличны.

Такого же типа было и лицо дѣвушки. Мелкія, тонкія черты ея прекраснаго лица напоминали типъ француженки, а ея маленькая головка, повязанная краснымъ платкомъ въ небрежно-эффектной драпировкѣ, переносила воображеніе въ Неаполь.

Я долго не могъ оторвать глазъ отъ этого прекраснаго образа горной дикарки.

Дѣвушка тоже смотрѣла на меня довольно долго и съ любопытствомъ своими черными, вдумчивыми, мечтательными глазами.

Женское-ли кокетство, подсказавшее ей, что ея красотой любуются, или, быть можетъ, мой залѣпленный бумажкой носъ—это все равно—вызвали на лицѣ ея улыбку, но я эту улыбку, кажется, никогда не забуду.

У дѣвушки дрогнули только чуть чуть углы ея тонкихъ губъ и въ тоже время сверкнулъ слабый огонекъ въ ея черныхъ глазахъ; это мимолетное движеніе личныхъ мускуловъ придало ея прелестному лицу такое художественно-поэтическое выраженіе улыбки, которое у меня и теперь еще живо чудится передъ глазами!..

Но вотъ дѣвушка пошла впередъ и легкими граціозными прыжками, перескакивая съ камня на камень, быстро очутилась около горцевъ, что-то коротко имъ сказала и скрылась за утесомъ; вслѣдъ за нею исчезли и ея спутники.

Я продолжалъ стоять нѣкоторое время подъ впечатлѣніемъ исчезнувшаго видѣнія, и вспомнился мнѣ могучій стихъ, которымъ такъ очаровательно обрисованъ, въ поэмѣ «Демонъ», милый образъ улыбающейся горной красавицы Тамары!..

И лучъ луны по влагѣ зыбкой
Слегка играющей порой,
Едва-ль сравнится съ той улыбкой,
Какъ жизнь, какъ молодость живой.

Помимо воли и желанія, въ моей памяти продиктовалась почти вся поэма «Демонъ», которую такъ всѣ мы на школьной и студенческой скамьяхъ любили читать и которую я уже успѣлъ-было позабыть! Только могучая красота горной дикарки могли вдохновить поэта создать подобную грандіозную поэму... Что-то станется съ крымскою Тамарою?.. Гдѣ-то она теперь?!..

Смеркалось. Я вернулся къ дому. Постели изъ чистѣйшаго бѣлья на совсѣмъ новыхъ широкихъ перинахъ были уже приготовлены. За неимѣніемъ достаточнаго простора въ комнатахъ, мнѣ и гувернеру постлали постели рядомъ на полу наружной галлереи дома. Утомленный впечатлѣніями цѣлаго дня, я какъ легъ, такъ моментально и заснулъ.

Сонъ въ деревнѣ Скели.

Снится мнѣ морозная, лунная, петербургская ночь! Полный мѣсяцъ плыветъ по голубому, звѣздному небосклону, освѣщая своимъ тихимъ, ровнымъ сіяніемъ, окутанную снѣжнымъ покровомъ, дворцовую, гранитную набережную Невы.

Льетъ цѣлые потоки золотистаго свѣта черезъ свои громадныя, цѣльныя, зеркальныя стекла ярко освѣщенный барскій, двухъ-этажный домъ! Къ высокому, мавританскаго стиля, съ каріатидами подъѣзду подкатываются карета за каретой,

визжа по мерзлому снѣгу желѣзными шинами колесъ; дверцы каретъ хлопаютъ, выпуская укутанныя фигуры приглашенныхъ; согбенный старикъ швейцаръ едва успѣваетъ закрывать и открывать массивныя входныя двери, защищая вестибюль отъ врывающагося бѣлыми клубами морознаго воздуха.

Вереницей поднимаются толпы гостей по мраморной, устланной тяжелымъ, краснымъ, бархатнымъ ковромъ, лѣстницѣ съ массивными, золочеными, желѣзными, рѣзными перилами.

Льетъ матовый свѣтъ изъ своихъ артистически выполненныхъ фарфоровыхъ люстръ и жирандолей— бѣлая, съ голубою отдѣлкой аванзала. Направо сіяетъ зимній садъ, освѣщенный a giorno фонариками; налѣво—все залитое въ огняхъ, блестящее золотомъ и зеленью тропическихъ растеній, поддерживаемое громадными лѣпными колоннами по сторонамъ, въ два свѣта, зало.

Звуки превосходнаго оркестра мелодическимъ каскадомъ падаютъ съ хоръ то бравурнымъ, гремящимъ рокотомъ, то сладострастнымъ замираніемъ въ гармоническихъ мотивахъ моднаго вальса.

Атмосфера залы наполнена тонкимъ ароматомъ тысячи раздушенныхъ, роскошныхъ женскихъ туалетовъ и чистымъ благоуханіемъ разставленныхъ во множествѣ клумбъ живыхъ цвѣтовъ.

Бѣлые, голубые, розовые туалеты женщинъ мелькаютъ передъ глазами, какъ живыя гирлянды изъ лилій, розъ, и васильковъ! Роскошь утонченнаго вкуса и красота самой природы заключили здѣсь союзъ и создали волшебное великолѣпіе бала!

Толпа, шумъ, говоръ, блескъ и чары! Кого здѣсь нѣтъ!.. Люди государственные, военные, финансовые, знаменитые и именитые промышленники, ученые, поэты, артисты—всѣ здѣсь, всѣ въ своихъ привычныхъ маскахъ! Одинъ въ маскѣ своего равнодушія ко всякимъ почестямъ, другой въ маскѣ своего высокаго положенія въ свѣтѣ, третій—благотворителя сирыхъ и убогихъ, тотъ—въ аристократической родовитой спѣси, а этотъ—въ неподкупной честности души и въ неуклонной прямотѣ характера!.. За этою фалангою кормчихъ свѣт-

скаго корабля толкутся люди, громко говорящіе, развязно махающіе руками, замѣчательные развѣ только или своимъ умственнымъ ничтожествомъ, или своею необычайною неизвѣстностью. Ихъ никто не знаетъ, но всѣ ихъ узнаютъ, ихъ всюду приглашаютъ, чтобы они на другой день трубили всюду по городу: «Балъ у NN былъ блестящъ! Тамъ былъ весь Петербургъ!»

Вотъ зазвучала увлекательная прелюдія вальса. Роскошная блондинка—царица бала, стоитъ окруженная своими поклонниками подъ широколиственною сѣнью группы пальмъ. Привычнымъ жестомъ свѣтской женщины опирается она своимъ прелестнымъ, обнаженнымъ локтемъ на плечо подошедшаго къ ней кавалера и уносится съ нимъ въ вихрѣ вальса. Удаляясь, она оставляетъ за собою открытою козетку, на которой полулежитъ красавица-женщина, вся залитая въ брилліантахъ, въ блестящемъ туалетѣ. Строго-правильной формы лице ея среди всеобщаго оживленія бальнаго люда подернуто какою-то затаенною грустью; черные, мечтательные глаза ея, окруженные темною синевою, устремлены вдаль, а мысли ея далеко, далеко... не здѣсь... не на балу!

Но какъ знакомо мнѣ это очертаніе ея тонкихъ губъ?!. Я подхожу къ ней. Она приподнимается... она меня узнала... Скели!.. горы!.. говоритъ она.—Горная татарка!.. здѣсь!.. Я беру ея маленькую, безъ перчатки, руку... жму... она отвѣчаетъ мнѣ легкимъ пожатіемъ. Въ моемъ воображеніи встаетъ вся картина первой встрѣчи съ нею въ горахъ, на берегу горнаго потока. Меня охватываетъ какое-то томительное волненіе!.. — А я теперь здѣсь... шепчетъ она мелодическимъ голосомъ. Съ ея волшебнымъ чарующимъ шепотомъ доносится до меня ея горячее дыханіе... Я чувствую...

— Кха! ха! ха! загрохоталъ вдругъ надо мною не то адскій хохотъ, не то безумный крикъ. Предъ глазами пронеслась какая-то черная, безобразная фигура, тяжело хлопая широкими крыльями.

— Donnerwetter! неожиданно гаркнулъ прямо мнѣ въ ухо рѣзкій, крикливый голосъ. Я невольно отпрянулъ и оглянулся. Передо мной торчало бѣлое привидѣніе съ поднятыми

вверхъ руками, волосы на головѣ его были растрепаны, глаза на выкатъ, ротъ широко раскрытъ...

— Что такое? крикнулъ я, перепугавшись спросонья, и инстинктивно схватилъ привидѣніе за руки.

— О! шортъ возьми! отвѣчалъ мнѣ сердитый голосъ: — питухъ прогуливалъ на мой лице и царапалъ свой нога!..

Я, наконецъ, очнулся отъ сна и, при чуть-чуть брезжущемъ свѣтѣ начинающагося утра, узналъ своего заспаннаго сосѣда-нѣмца и тутъ только понялъ всю происшедшую кутерьму.

О, проза жизни! Вмѣсто прелестнаго образа красавицы-татарки, сидѣлъ подлѣ меня разсерженный нѣмецъ; пронесшееся передъ моими глазами страшное чудовище былъ деревенскій пѣтухъ, которому, вѣроятно, вздумалось совершить свою обычную, утреннюю прогулку по галлереѣ и который при этомъ такъ неожиданно для себя шагнулъ на грозную, вулканическую почву нѣмецкой физіономіи. Перепуганный, онъ съ неистовымъ крикомъ бросился уже летѣть съ нея куда попало!..

Я не выдержалъ и громко расхохотался. Нѣмецъ сначала было еще больше разсердился и обидѣлся, но тотчасъ же все разъяснилось, и онъ увидѣлъ, что я-то самъ въ этой исторіи ни причемъ.

— Schadet nichts! произнесъ успокоившійся, добродушный нѣмецъ, и въ знакъ примиренія, пожалъ мнѣ руку.

Сонъ у меня совершенно пропалъ, да и засыпать снова было уже некогда. Неистовый крикъ испуганнаго пѣтуха, грозныя восклицанія моего сосѣда-нѣмца и мой хохотъ разбудили спавшихъ въ комнатѣ. Наступила пора собираться въ путь.

Опять на вершинахъ Яйлы.

Еще заря даже не румянилась, а небо только-что начинало бѣлѣть на востокѣ, когда мы тронулись въ обратный путь. Бодро несли своихъ всадниковъ отдохнувшія за ночь лошади, а сами всадники что-то покряхтывали, стараясь поудобнѣе усѣсться въ сѣдлѣ, какъ будто что-то имъ мѣшало. Понятно, что! мы всѣ, непривычные къ такимъ длиннымъ верховымъ экскурсіямъ, понатерли-таки нѣкоторыя части своего тѣла до такой степени, что нужно было порядочное время, чтобы снова освоиться съ сѣдломъ.

Дорога вилась между густымъ кустарникомъ узкою тропинкой въ гору. Влажный утренній вѣтерокъ обдавалъ насъ легкою, пріятною дрожью. Проѣхали съ версту. Воздухъ все свѣтлѣлъ, свѣтлѣлъ; небесная лазурь блѣднѣла, голубѣла; вотъ на краю горизонта зардѣлась узкая розовая полоска, вотъ она расширяется, озлащается, и тихо всплываетъ на горизонтъ багровое солнце, озаряя весь небосклонъ и проснувшуюся землю милліонами огненныхъ сіяній. Вольно дышетъ грудь; бодрость, крѣпость охватываетъ всѣ члены въ этомъ, напоенномъ благоуханіемъ дѣвственной природы горъ, свѣжемъ воздухѣ ранняго утра! Когда мы подъѣхали къ горной лѣстницѣ, ведущей на гору Карадагъ, уже чуялось приближеніе жары. Тутъ только я вспомнилъ, что мы забыли наше прежнее рѣшеніе взять въ помощь Курбэдину проводника изъ деревни Скели.

— Какже это такъ? спросилъ я генерала.

— Я не забылъ, отвѣчалъ генералъ:—но Курбэдинъ призывалъ и Аллаха, и пророка въ свидѣтели, что отлично знаетъ этотъ путь, и вотъ-таки уговорилъ меня не брать другого проводника.

— Смотрите, какъ бы намъ не пришлось поплатиться! замѣтилъ я.—Проводники татары изъ одного только своего честолюбія рискнутъ искать на удачу путь въ горномъ лабиринтѣ. Имъ-то все равно блуждать, а намъ-то, въ особенности съ дѣтьми, хорошо ли будетъ!

— Ну, ужь теперь дѣло непоправимо! отвѣтилъ досадливо генералъ.—Не возвращаться же назадъ. Авось, не заблудимся! Твердо-ли знаешь дорогу?! окликнулъ онъ Курбэдина.

— По горы, какъ по свой деревня! самоувѣренно откликнулся татаринъ.

Горная лѣстница, ведущая на Карадагъ, устроена въ родѣ лѣстницы Мердвенъ. Она, какъ и Мердвенъ, циклопической постройки и относится, вѣроятно, къ одному и тому же періоду времени; эта лѣстница, хотя и нѣсколько болѣе полога, чѣмъ Мердвенъ, но за то гораздо длиннѣе; она тянется часа на полтора пути. Верхомъ по ней ѣхать трудно, потому что вся она поросла кустарниками, и чтобы не наткнуться на торчащіе поперегъ пути сучья, приходится то ложиться на шею лошади, то сгибаться съ сѣдла совсѣмъ въ сторону.

Поднимаясь по этой лѣстницѣ, мы всѣ до крайности утомились, такъ что когда наконецъ добрались до зеленой площадки за послѣднею ея ступенью, то съ наслажденіемъ спѣшились и растянулись на травѣ отдыхать

Подкрѣпившись виномъ и отдохнувши съ четверть часа, мы тронулись дальше. Въ путеводителѣ Сосногоровой сказано, что, «взобравшись на гору Карадагъ, вы увидите у источника, между кустами, два обыкновенныхъ дольмена, которые поросли мхомъ. Площадка у источника покрыта камнями отъ построекъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на ней попадаются обломки каменной посуды очень грубой работы. Далѣе тропа идетъ лѣсомъ до небольшаго озерка, вода въ которомъ не высыхаетъ даже и въ самые сильные жары; подлѣ этого озерка находится древній колодезь съ отличною на вкусъ водою; подлѣ нихъ на площадкѣ растутъ фруктовыя деревья и разбросаны камни отъ какихъ-то строеній, между которыми попадаются также черепки грубой посуды».

Ѣхали мы, ѣхали, но никакихъ ни дольменовъ, ни источниковъ, ни посуды не встрѣтили! Курбэдинъ велъ насъ, то

подъ тѣнью лѣсныхъ деревъ, то полянамн, обросшими по окраинамъ кизилевыми и разными одичавшими фруктовыми деревьями. Картины дикой горной природы были, восхитительны, въ особенности, когда мы вступили въ густую чащу дѣвственнаго лѣса и двигались тамъ между громаднѣйшаго объема стволами деревьевъ, очевидно нѣсколько столѣтій остававшихся неприкосновенными. Но когда, послѣ часоваго блужданія въ разныхъ направленіяхъ по этому дѣвственному лѣсу, мы усомнились въ твердомъ знаніи нашимъ проводникомъ того пути, по которому онъ велъ насъ, то, признаюсь, стало какъ-то жутко и было всѣмъ намъ ужь не до горныхъ пейзажей! Да, вдобавокъ, всѣхъ насъ началъ морить голодъ, а наши запасы, мы знали, были очень скудны.

Генералъ принялся распекать Курбэдина. Курбэдинъ, хоть и не переставалъ утверждать, что онъ ведетъ насъ самою вѣрною дорогою, но въ тонѣ его голоса зазвучала уже нѣкоторая неувѣренность. Еще полчаса блужданій въ этомъ густомъ лѣсу и мы, наконецъ, забрались въ такую чащу, что никакихъ признаковъ, никакого слѣда тропы! Мы заблудились—это было уже несомнѣнно!

Курбэдинъ остановилъ свою лошадь и сталъ кругомъ озираться. Очевидно, онъ старался сообразить по различнымъ примѣтамъ, куда вѣрнѣе направить путь.

Мы уже перестали его и ругать, а молча тронулись за нимъ, когда онъ, наконецъ, выбралъ себѣ одно изъ направлеиій. Выборъ направленія пути, очевидно, былъ сдѣланъ имъ наудачу, такъ какъ мы не ѣхали по какому-либо опредѣленному направленію, а какъ-то все продолжали блуждать, пока, наконецъ, не наткнулись на заваленное сухими сучьями, листьями и лѣснымъ перегноемъ широкое, крутое, обсохшее ложе горнаго потока. По этому ложу и повелъ насъ теперь уже смѣлѣе Курбэдинъ. Ѣхали, ѣхали, опять углубились въ непроходимую чащу лѣса. Еще съ полчаса блуждали, поднимаясь все вверхъ, какъ вдругъ лѣсъ оборвался и у нашихъ ногъ разостлалась отрадная намъ картина конца нашихъ блужданій. Крутые склоны известковыхъ горъ падали внизъ бѣлыми уступами, принимая то форму террасъ, то конусовъ,

то различнаго вида красивыхъ выступовъ. Лѣсъ кончился, мы выѣхали на хребетъ Кикинеизской Яйлы. Мы были въ восторгѣ!

Курбэдинъ былъ въ восторгѣ еще больше нашего. Онъ сохранилъ ореолъ своей славы проводника. Мы теперь поуспокоились, хотя все же не могли не ругать Курбэдина за то, что онъ, заблудившись, измѣнилъ весь предположенный нами маршрутъ. Теперь намъ приходилось ѣхать наудачу и быть самимъ Колумбами новаго пути, тогда какъ прекрасный путь черезъ Карадагъ открытъ уже давно и живописно намѣченъ въ путеводителѣ Сосногоровой.

Страшно утомленные продолжительными блужданіями, мы, конечно, первымъ дѣломъ поспѣшили выбрать удобное мѣстечко подъ тѣнью маленькой группы сосновыхъ деревьевъ и тотчасъ же стали уничтожать остатки нашего запаса провизіи.

Дальнѣйшій путь по плоскогорью вершинъ Яйлы былъ нѣсколько однообразенъ, хотя, конечно, не безъ своеобразной прелести. Обнаженныя геологическія породы известняка, діорита и базальта складываются здѣсь мѣстами въ чрезвычайно живописномъ безпорядкѣ въ формѣ призмъ, мѣстами же выдвигаются нависшими утесами. Дальше встрѣчаются голыя скалы, которыя, выдѣляясь изъ рѣдколѣсья, висятъ въ воздухѣ надъ пропастями и оврагами. Тутъ же попадаются пещеры, глубокія расщелины и снѣговые провалы. Вообще видъ всего плоскогорья вершинъ Яйлы производитъ впечатлѣніе бурно взволнованнаго, застывшаго, каменнаго моря, надъ которымъ въ глубинѣ величественнаго, безпредѣльнаго небосклона парятъ и рѣютъ только одни пернатые царихищники.

Путь былъ длинный и подъ палящими лучами солнца очень утомительный. Только къ шести часамъ вечера мы кое-какъ добрались до какого-то пригорка, на склонахъ котораго зеленѣло пастбище, а на вершинѣ чернѣла своею открытою пастью громадная пещера. Эта пещера, очевидно, служила чобанамъ для загона отары овецъ во время зимнихъ вьюгъ и мятелей. Курбэдинъ объявилъ намъ, что по близости ея должно быть и самое жилище чобановъ.

Мы возликовали! Томительная жара дня, накалявшая почву и скалы, съ наступленіемъ вечера начала спадать. Солнце клонилось уже къ закату. Высокій сводъ неба подернулся предвечернею синевою. Горячій воздухъ освѣжѣлъ, ободрились и мы, а вмѣстѣ съ бодростью сталъ напоминать о себѣ и пустой желудокъ.

Вотъ почему мы и возликовали, узнавъ о близости чобановъ. У насъ сейчасъ явилась увѣренность, что мы можемъ купить барана и утолить свой голодъ шашлыкомъ, который Е. Марковъ такъ аппетитно называетъ конфетой. Запахъ жаренаго шашлыка уже почуялся намъ въ воздухѣ, хотя самый баранъ былъ далеко и еще живой бѣгалъ въ отарѣ! Мы сдѣлали на лужайкѣ привалъ и сейчасъ же послали Курбэдина купить барана у чобановъ.

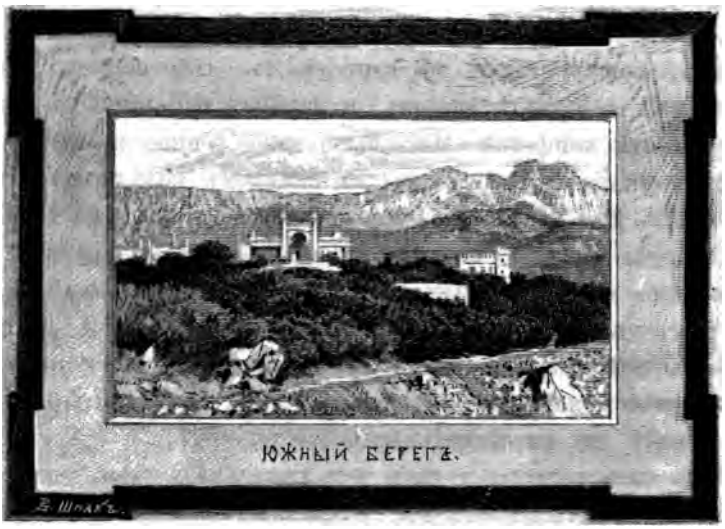
Черезъ четверть часа вдали показался Курбэдинъ; его сопровождалъ чобанъ въ своемъ характерномъ головномъ уборѣ—высокой, остроконечной, мерлушковой шапкѣ. За спиной чобана болтался предметъ нашей теперешней мечты—связанный живой баранъ.

Оба татарина летѣли къ намъ стрѣлой на своихъ скакунахъ. Какъ картинны эти прирожденные наѣздники!.. Сколько граціи въ ихъ посадкѣ! Какая изящная непринужденность въ движеніяхъ и какая спокойная небрежность въ манерѣ управленія благороднымъ животнымъ!..

Чобанъ, приблизившись къ намъ, приложилъ, по обычаю мусульманъ, вмѣсто поклона, ладонь ко лбу, ловко соскочилъ съ своего скакуна, сбросилъ съ плечъ блеявшаго барана и, не проронивъ ни слова, вынулъ изъ-за пазухи ножъ и въ тоже мгновеніе перерѣзалъ барану горло. Затѣмъ быстро распоролъ ему задніе пахи, спустилъ съ него шкуру и умѣлою рукою живо докончилъ обѣловку барана. Къ сожалѣнію, мы не догадались во время предупредить чобана и не дали ему приказанія приготовить жареный шашлыкъ. Чобанъ же самъ не догадался, а можетъ быть, и для скорости приготовленія онъ поступилъ совсѣмъ иначе. Водою изъ сосѣдняго ручья онъ наполнилъ до половины, привезенный имъ съ собою котелокъ, набросалъ въ него надрѣзанные куски баранины и, не спрашивая насъ, сталъ варить мясо надъ разведеннымъ на

лужайкѣ костромъ. Это было немножко досадно; мы мечтали о настоящемъ шашлыкѣ, т. е. о небольшихъ кусочкахъ баранины, зажаренныхъ на вертелѣ въ собственномъ соку. Впрочемъ, по правдѣ сказать, и вареная баранина оказалась совершенной конфетой. Мясо было такое сочное и нѣжное, и такого тонкаго вкуса, что мы въ семеромъ уплѣли почти всего барана. Положимъ, мы сильно проголодались, но вѣдь за то и порція на долю каждаго приходилась такихъ размѣровъ, что нужно было быть или настоящимъ обжорой, или уже черезчуръ увлечься необыкновеннымъ вкусомъ мяса. А такъ какъ мы всѣ обладали аппетитомъ обыкновенныхъ смертныхъ, то огромное количество съѣденнаго нами мяса можно объяснить развѣ что увлекательнымъ его вкусомъ.

Еще часа полтора пути и вся кавалькада наша уже омывалась съ наслажденіемъ въ прозрачныхъ струяхъ Симеизскаго залива. Эта верховая экскурсія хоть и оставила на всѣхъ насъ дня на два слѣдъ, напоминавшій намъ нѣкоею частью тѣла Дарвиновское родство съ чимпанзе, но мы объ этомъ нисколько не тужили. Нѣтъ розы безъ шиповъ! говорили мы себѣ въ утѣшеніе, а маленькія непріятности не должны мѣшать большому удовольствію сорвать хоть одну изъ такихъ розъ!



Видъ съ моря.

Наконецъ, я рѣшилъ разстаться съ Симеизомъ и переѣхать въ Ялту. Утромъ въ воскресенье я уложился, расплатился въ конторѣ, но лошадей достать не могъ, почему и принужденъ былъ послать за извощикомъ въ Алупку. Въ Симеизѣ извощиковъ совсѣмъ нѣтъ, а содержатся довольно нарядные экипажи съ хорошими лошадьми отъ самого управляющаго имѣніемъ. Эти экипажи нанимаются обыкновенно курсистами для прогулокъ по окрестностямъ и въ этотъ день, какъ воскресный, всѣ уже были разобраны спозаранку или еще наканунѣ. По случаю же праздничнаго дня тоже самое произошло и въ Алупкѣ — тамъ тоже не оказалось ни одного свободнаго извощика. Мнѣ это было очень досадно— уложился, распростился, расплатился, и вдругъ ни съ мѣста! Впрочемъ, до полудня я еще не терялъ надежды выѣхать въ тотъ же день, и съ минуты на минуту поджидалъ воз-

вращенія генерала, который съ утра отправился съ своими дѣтьми пѣшкомъ въ Алупку къ обѣднѣ и обѣщалъ самъ нанять тамъ для меня фаэтонъ и кстати въ немъ же пріѣхать въ Симеизъ. Но вотъ по дорогѣ изъ Алупки показался генералъ, возвращающійся отъ обѣдни, но только не въ фаэтонѣ а per pedes apostolorum, т. е. по образу пѣшаго хожденія.

Волей-неволей, приходилось мириться съ неудачей и ждать слѣдующаго утра. Недовольный этимъ безвыѣзднымъ положеніемъ, пошелъ я бродить по парку и уже передъ самымъ обѣдомъ, встрѣтивъ нашего общаго симеизскаго хлѣбодара, Пѣтуха, разсказалъ ему про свои неудачи.

— Да не желаете-ли-съ вы ѣхать въ Ялту на лодкѣ? Вотъ вмѣстѣ со мной можно-съ, предложилъ онъ мнѣ.

— Да вѣдь Ялта далеко; сколько же времени мы съ вами проѣдемъ-то? въ недоумѣніи спросилъ я.

— Не больше-съ, какъ и на лошадяхъ-съ, отвѣтилъ онъ.— Ну, пожалуй, часика на полтора дольше, а ужь никакъ не больше; за то вы сегодня же будете въ Ялтѣ. Я каждое воскресенье ѣзжу на лодкѣ въ Ялту за провизіей. Лодка у меня, заговорилъ онъ пѣвучимъ тономъ, хорошая, два гребца, живо насъ доставятъ-съ! А прогулка-то какая-съ! Прелесть! Виды-съ! Если угодно, я для васъ вина и закусокъ на дорожку заготовлю-съ! соблазнялъ меня Пѣтухъ.

Но я, впрочемъ, какъ безнадежно засидѣвшаяся въ дѣвахъ невѣста, и безъ всякихъ соблазновъ готовъ былъ принять съ удовольствіемъ предложеніе почтеннаго Пѣтуха. Если я не сразу выразилъ ему свое согласіе, то единственно потому, что очень меня ужъ удивила неожиданная возможность такого морскаго путешествія на лодкѣ въ Ялту. Мы немедленно условились.

Въ шестомъ часу вечера лодка уже стояла готовою въ маленькой бухточкѣ, огражденной живописно выдвинувшимися изъ воды каменными глыбами обнаженныхъ черныхъ скалъ. Гребцы перенесли въ лодку мои чемоданы, и я усѣлся, совсѣмъ готовый къ отъѣзду, въ ней ждать Пѣтуха, копавшагося еще у себя въ кладовыхъ.

Вечеръ былъ чудный. Полное безвѣтріе. Вдали высились къ небу вершины Крымскихъ горъ, сіявшія подъ лучами

заходящаго солнца; прозрачныя розовыя облачка тихо плывутъ по небу на западѣ, а береговая полоса отливала багрянцомъ.

День былъ праздничный какъ для русскихъ, такъ и для татаръ, у которыхъ уже окончился постъ рамазанъ. На берегу стояла группа татарскихъ дѣвонекъ, въ ихъ пестрыхъ, оригинальныхъ національныхъ костюмахъ съ яркими цвѣтными на головахъ фесками, изъ подъ которыхъ распадались по плечамъ, окрашенныя въ красный цвѣтъ, заплетенныя косички волосъ. Молодые татары тутъ же купались вблизи берега, и скромныя дѣвоньки любовались на ловкіе фокусы эквилибристики, продѣлываемые купающимися. Очевидно было, что молодые татары, своимъ стройнымъ сложеніемъ, своею ловкостью и неустрашимостью искусныхъ пловцовъ, рисовались передъ деревенскими красавицами. Происходилъ своего рода интересный турниръ на призъ мимолетной улыбки дамы сердца. Татаре все молодежь, отъ 16-ти до 20-ти лѣтъ. Они взбирались на самую вершину той или другой скалы и бросались оттуда въ море, кувыркаясь на лету въ воздухѣ, послѣ чего, шлепнувшись въ воду, они пропадали довольно долго подъ водой, затѣмъ вдругъ выныривали и въ заключеніе, сильно разсѣкая волны, съ самодовольнымъ видомъ плыли невдалекѣ отъ берега, скашивая при этомъ глаза на дѣвушекъ, чтобы уловить, какое впечатлѣніе произвела на нихъ ловкость и смѣлость каждаго пловца.

Татарскія дѣвоньки стояли плотною группою на берегу, какъ будто ничего не замѣчая, какъ будто и совершавшійся въ честь ихъ турниръ совсѣмъ не интересовалъ ихъ. Казалось, что онѣ даже пришли сюда на берегъ такъ-себѣ, совершенно случайно и вотъ-вотъ сію же секунду уйдутъ. Но это такъ казалось, а на самомъ дѣлѣ онѣ продолжали стоять и никакъ не могли рѣшиться уйти.

Легкое пошевеливаніе губами, а нерѣдко едва замѣтное молчаливое подталкиваніе другъ друга локтями или бедрами, краснорѣчиво, безъ словъ, изображали картину скрытаго удовольствія и сдержанной страсти, волновавшей невозмутимыхъ наружно дѣвонекъ.

О, дщери Евы! какъ вы всѣ сдѣланы на одинъ покрой!

невольно подумалъ я. Всѣ-то вы одинаковы въ своихъ пріемахъ кокетства, хотя и стоите на самыхъ различныхъ ступеняхъ житейской лѣстницы!.

Вглядитесь повнимательнѣе въ эту живую молочно-розовую вереницу барышень, усѣвшихся на какомъ-нибудь балѣ рядкомъ вдоль стѣны. Какъ онѣ сильно заняты невинною болтовней между собою и совсѣмъ не замѣчаютъ толпу молодежи, стоящую въ дверяхъ танцовальной залы! Какою наивностью прародительскаго невѣдѣнія отличается ихъ разговоръ въ кадрили! Онѣ даже васъ не замѣтили, когда вы ихъ пригласили танцовать. Имъ все равно, кто вы, что вы—онѣ себѣ порхаютъ, какъ бабочки, и веселятся, какъ весеннія стрекозы такъ-себѣ и говорятъ лишь такъ-себѣ. Но... странно!.. въ дамской уборной на ухо избранной подругѣ своего сердца барышни эти передаютъ такія тонкія наблюденія надъ сокровенными впечатлѣніями мужчинъ, такъ отлично характеризуютъ въ двухъ словахъ даже такого мужчину, который, повидимому, совсѣмъ не былъ осчастливленъ даже и однимъ мимолетнымъ взглядомъ этой наивной дѣвочки, что. . видно... охо, хо, хо!.. небезъинтересны и небезъизвѣстны имъ запрещенные фрукты, погубившіе Еву!..

Наконецъ, на берегу появился запыхавшійся Пѣтухъ и рядомъ съ нимъ шелъ старикъ, военный въ отставкѣ, какъ показывали его безъ погоновъ китель и военная фуражка.

Пѣтухъ извинился, что заставилъ меня нѣсколько долго ждать и сейчасъ же представилъ мнѣ своего спутника, который оказался отставнымъ полковникомъ, крымскимъ помѣщикомъ и который, подобно мнѣ, не доставъ экипажа въ Ялту, согласился ѣхать съ Пѣтухомъ на лодкѣ.

Наконецъ мы уложились, усѣлись, гребцы ударили веслами, и шлюпка легко и граціозно стала выплывать за утесы въ открытую бухту.

Я бросилъ прощальный взглядъ на береговую грушу татарокъ. Неожиданно одна изъ дѣвушекъ мнѣ привѣтливо кивнула головой. Удивленный этимъ привѣтомъ, я навелъ на нее бинокль и узналъ въ ней мою знакомку, граціозную дочь татарина Эмерджьяна.

Очень польщенный этимъ прощальнымъ привѣтомъ милой

дѣвушки, я приподнялъ, въ отвѣтъ, шляпу и махнулъ ей платкомъ.

Лодка наша уже выплыла въ открытую бухту и шла на довольно большомъ разстояніи отъ берега. Я былъ просто очарованъ неожиданно, словно въ какомъ-нибудь волшебномъ балетѣ, открывшеюся декораціей! Южный берегъ съ его скалами, горами, лѣсами, деревнями, башнями и дворцами развертывался длинною лентой панорамы. Заходящіе лучи солнца играли переливами всѣхъ цвѣтовъ на чудной зелени картинъ этой грандіозной, натуральной панорамы.

Повсюду дачи, дворцы, хижины, деревни, освѣщенные багрянцемъ заката, рельефно вырѣзываются на фонѣ зелени и сѣрыхъ утесовъ.

Сплошною, каменною, въ 4,000 футовъ высоты, грядой тянется хребетъ Яйлы и отдѣляетъ прибрежную полосу. Тамъ, за этимъ хребтомъ, начинается необъятная равнина русскаго царства съ ея лѣтними жарами и зимними морозами, съ ея лѣтними засухами и пылью и съ ея зимними снѣгами и мятелью; здѣсь же лавры, кипарисъ, магноліи и олеандры, здѣсь уголокъ рая, уголокъ вѣчной весны.

Прелестная панорама южнаго берега раздѣляется мысомъ Ай-Тодоромъ на двѣ половины: одна, наиболѣе грандіозная, начинается отъ Байдарскихъ воротъ и тянется до мыса Ай-Тодора—это южная половина; а другая, наиболѣе граціозная отъ Ай-Тодора до Алушти—юговосточная.

Отъ Байдарскихъ воротъ до Симеиза декорація южнаго берега представляетъ грандіозныя картины геологическаго разрушенія. Здѣсь всѣ мѣстности: Мухалатка, Мшатка, Мелазъ, Кикинеизъ, Лимены поражаютъ своимъ хаотическимъ безпорядкомъ разсѣянныхъ грудами осколковъ обсыпавшейся Яйлы, среди которыхъ едва замѣтны пріютившіяся человѣческія поселенія.

Мысъ Ай-Тодоръ лежитъ въ самомъ углу перелома, откуда южный берегъ поворачиваетъ на юговостокъ. Поэтому-то Ай-Тодоръ видѣнъ какъ изъ Алупки, такъ и изъ Ялты; оттого-то на Ай-Тодорѣ еще со временъ основанія древнихъ генуэзскихъ колоній находится маякъ. Отъ Ай-Тодора до Ялты южный берегъ можетъ быть названъ царскимъ побережьемъ,

какъ занятый исключительно царскими имѣніями: Оріандой и Ливадіей. Отъ Ливадіи до Алушты южный берегъ разбивается скалистыми мысами на отдѣльныя ложбины съ полукруглыми, врѣзающимися въ материкъ бухтами. Ялтинская бухта за мысомъ Св. Іоанна переходитъ въ бухту Массандры, разграничивающейся мысомъ Никиты отъ бухты Гурзуфа, откуда уже берегъ заворачиваетъ рѣзко къ сѣверу вплоть до Алуштинской бухты. Здѣсь, вслѣдствіе прямого сѣвернаго направленія берега, всѣ мѣстности представляются уже менѣе роскошными, какъ болѣе бѣдные разнообразіемъ породъ южной растительности.

Центромъ декоративной, спокойной дачной красоты служитъ часть южнаго берега отъ Симеиза вплоть до мыса Ай-Тодора. Здѣсь южный берегъ представляетъ собою сплошное дачное поселеніе, тутъ на каждомъ шагу изящныя, залитыя цвѣтами, виллы, величественные дворцы вельможъ, каменные замки, окруженные роскошными парками—все это придаетъ этой части берега необыкновенно живописный, оживленный видъ и составляетъ главную прелесть ея декораціи.

За Симеизомъ, у подножья величественной, утопающей своею вершиной въ облакахъ, горной массы Ай-Петри, разстилается роскошный пейзажъ Алупкинской долины, отличающейся своею многоводностью, изобиліемъ фруктовъ, зеленью лѣсовъ и красками цвѣтовъ Надъ этою густолиственною чащею роскошной растительности возвышается дико-поэтическій, грандіозный замокъ Алупки, а между пирамидами стройныхъ кипарисовъ и тополей мелькаетъ живописная татарская мечеть и высится въ стилѣ аѳинскаго Парѳеона православный храмъ.

За Алупкою на зеленомъ фонѣ южной флоры рисуется поэтическій Мисхоръ. За Мисхоромъ виднѣются Куреизъ, Гаспра, а вдоль берега разбросаны живописныя дачи Сумарокова, Полежаева, Мещерскаго, Тизенгаузена, Панина, Клейнмихеля и другихъ счастливыхъ смертныхъ.

Всѣ мы жаждемъ!

Прелестные виды южнаго берега невольно вызываютъ въ душѣ желаніе имѣть хотя бы маленькій уголочекъ въ этомъ благодатномъ краю.

— А что, дорога-ли земля здѣсь? спросилъ я Пѣтуха.

— Одно время была просто неприступно-дорога, отвѣчалъ онъ. — За десятину въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цѣна доходила до 25 тысячъ рублей, даже и больше! Впрочемъ, это было при покойномъ Императорѣ, когда Ливадія сдѣлалась любимѣйшею его резиденціей и когда вся знать и финансовые тузы просто на перебой другъ-друга покупали здѣсь имѣнія. Теперь гдѣ жь! Совсѣмъ не то! времена перемѣнились. Теперь множество имѣній чуть не за безцѣнокъ противъ прежняго продаются, а все-таки покупателей на нихъ нѣтъ, какъ нѣтъ.

— Но почему же это? спросилъ я нѣсколько удивленный. — Вѣдь, кажется, въ такомъ благодатномъ климатѣ можно бы выгодно хозяйничать въ имѣніи? Неужели же южнобережскія земли только и годятся, что для барскихъ дачъ?

— Да вотъ-съ! лучше спросите ихъ высокородіе, указалъ Пѣтухъ на нашего спутника, старика военнаго. — Вѣдь они бывшій здѣшній помѣщикъ-съ!

Я взглянулъ на старика помѣщика.

— Изволите-ли видѣть! заговорилъ онъ, не дожидаясь моего вопроса. — Земельное хозяйство всюду вещь трудная, но здѣсь въ особенности. Тутъ уже не нужно быть ученымъ агрономомъ, чтобы сказать, что на всемъ южномъ берегу едва-ли найдется одна пятая часть удобной земли, а остальное все — скалы, да безплодныя пустыни, или груды камней. Клочекъ удобной земли только тамъ и есть, гдѣ есть горный

источникъ; но какъ сыскать этотъ горный источникъ, какъ его раздобыться изъ подъ земли, вотъ это-то не всякому удается, а безъ воды здѣсь все гибнетъ.

— Ну, а какъ же татары-то здѣсь хозяйничали прежде? спросилъ я.—По отзывамъ всѣхъ, у нихъ дѣло шло отлично.

— Я не буду касаться хозяйства поселянъ - татаръ, тѣ здѣсь и теперь живутъ такъ же, какъ жили прежде, и кормятся съ грѣхомъ пополамъ. По-моему, это не житье и не хозяйство! Я буду говорить о нашихъ обширныхъ помѣщичьихъ хозяйствахъ. До выселенія татаръ въ Турцію сельское хозяйство у помѣщиковъ шло въ Крыму вообще хорошо. Но послѣ Крымской войны, когда татаръ выселилось изъ Крыма больше 200,000, крымскіе землевладѣльцы сразу лишились своихъ незамѣнимыхъ работниковъ, имѣвшихъ своеобразную сноровку въ здѣшнемъ хозяйствѣ, сразу лишились своихъ золотыхъ рукъ! А послѣ того такъ и замерзли. Тутъ-то и произошелъ настоящій крахъ для крымскихъ помѣщиковъ, какъ для русскихъ послѣ освобожденія крестьянъ. Правительственныя ссуды, кромѣ потери казенныхъ денегъ, ничего не достигли; поощреніе переселенія сюда русскихъ крестьянъ не привело къ желанному результату—переселялась одна только сволочь безобразная, лѣнивая и неумѣлая. Вотъ-съ какое положеніе теперь вопроса о рабочей силѣ въ Крыму! Всѣ мы, помѣщики, остались безъ рукъ, наши обширныя хозяйства по необходимости запустѣли, всѣ мы, какъ евреи въ Аравійской пустынѣ, жаждемъ, стоя передъ горькими источниками. А Моисея у насъ до сихъ поръ нѣтъ и нѣтъ, чтобы превратить наши горькіе источники въ сладкія воды. Какъ приходится приступать къ дѣлу, какъ приходится начинать хозяйничать, такъ поневолѣ призадумаешься.

— Мнѣ кажется, возразилъ я:—что энергичный, опытный хозяинъ все-таки же съумѣетъ устроить свою экономію съ выгодой для себя.

— Да причемъ-съ тутъ опытность? Къ чему тутъ-съ энергія, позвольте васъ спросить? горячо, крикливымъ тономъ, заговорилъ бывшій помѣщикъ. – Теперь я васъ спрошу-съ: въ чемъ можетъ заключаться здѣсь, по вашему экономія, а по нашему помѣщичье хозяйство?

— Какъ въ чемъ? Хлѣбопашество, положимъ, здѣсь не можетъ быть выгоднымъ, потому что гораздо выгоднѣе другія отрасли... началъ-было я.

— Хлѣбопашество? Да оно совсѣмъ невозможно, т. е. кромѣ какъ для домашняго обихода, перебилъ меня помѣщикъ.— Гдѣ тутъ удобная почва? А полное-то, чуть не годовое бездождіе, посѣщеніе саранчи, а дороговизна рабочаго скота, орудій! Нѣтъ-съ,. тутъ большая затрата капитала за счетъ весьма гадательнаго урожая черезчуръ ужь будетъ рискованная. Во всемъ Крыму только одинъ Керченскій уѣздъ и богатъ черноземомъ, ну за то только тамъ удачно и занимаются хлѣбопашествомъ.

— Да я вамъ и не думаю указывать на хлѣбопашество... началъ я.

— Скотоводство, вы хотите сказать? Да хорошія постбища имѣются здѣсь только на вершинахъ Яйлы; ну, тамъ татары и гоняютъ свои отары или баранты, за то они успѣшно и занимаются однимъ лишь овцеводствомъ. Не прикажете-ли и мнѣ лѣзть на Яйлу? Для этого нужно самому сдѣлаться татариномъ, питаться однимъ бараньимъ шашлыкомъ и приходить въ восторгъ отъ скрипучей мажары! Молочнаго скота на южномъ берегу совсѣмъ ужь не разводится. Горная корова—не корова, а какая-то коза, лазящая и прыгающая по скаламъ! Отъ такой коровы, какъ говорится, не выручишь и дѣтишкамъ на молочишко.

— Да вы... хотѣлъ было я остановить расходившагося помѣщика, но онъ уже не слушалъ меня, и какъ конь, закусившій удила, несся впередъ и впередъ, нарочно наскакивая на препятствія.

— Огородничество и лѣсоразведеніе здѣсь въ младенческомъ развитіи. Фабричная же промышленность, которая въ Россіи составляетъ значительное подспорье въ сельскомъ хозяйствѣ помѣщика, тутъ, при отсутствіи рукъ да при полномъ отсутствіи мѣстнаго сбыта, почти-что невозможна. Даже такіе татарскіе фабриченки и заводишки, какъ напр. кожевенные, свѣчные, кафельные, суконные, волосяные и пр. мелюзга, лопаются теперь, за отсутствіемъ сбыта, какъ дождевые пузыри на водѣ. Такъ что же, по вашему, подѣлаетъ тутъ

помѣщикъ. Всѣ мы жаждемъ широкой промышленной дѣятельности и намъ нуженъ широкій сбытъ. Ну-съ!..

Пѣтухъ, вѣроятно, зналъ слабую струнку помѣщика и, отвернувшись въ сторону, улыбался. Я уже не хотѣлъ возражать, потому что широковѣщательный землевладѣлецъ, все равно, не дослушалъ бы возраженія до конца.

— Вотъ сады-съ, началъ-было говорить Пѣтухъ.

— Сады, сады, тотчасъ же сталъ передразнивать его помѣщикъ: —а что сады? Оно, пожалуй, садоводство могло быть выгодно, но и тутъ запятая. На всемъ южномъ берегу не существуетъ ни одного фруктоваго сада, гдѣ бы было нѣсколько сотъ однородныхъ деревьевъ. Поэтому, разношерстные крымскіе сады не могутъ обезпечить садоводству правильный, крупный оборотъ дѣла съ какимъ-нибудь изъ значительныхъ оптовыхъ торговцевъ. Только табачныя, да виноградныя плантаціи, въ особенности же первыя, еще кажутся выгодными, и ихъ, пожалуй, можно было бы повести въ широкихъ размѣрахъ, разумѣется, при умѣньи хозяйничать. Но вѣдь для посѣва табаку тоже необходимъ заливной лугъ, а гдѣ онъ? Много-ли здѣсь такихъ луговъ? Табаководство прекрасная вещь! Даже при посредственномъ урожаѣ можно получить табаку до 60 пудовъ съ десятины и выручить за него сумму въ сотъ девять рублей; но и расходъ на десятину придется сдѣлать не маленькій; раньше уборки потребуется не меньше пятисотъ рублей; такимъ образомъ, барышъ-то въ четыреста рублей съ десятины кажется очень солидный, очень завидный! Но только жди этого барыша, когда еще соберешь табакъ, а то, глядишь, и получишь свищъ въ карманѣ. Иногда и урожай будетъ хорошій, да скупщики табаку вынудятъ тебя продать его за безцѣнокъ. Вотъ-съ что!.. Борьба нашихъ табаководовъ съ этими вампирами-скупщиками загоралась уже не разъ, да только рѣдко она увѣнчивалась успѣхомъ для табаководовъ

— Ну, а что вы скажете на счетъ винодѣлія? рѣшился, наконецъ, спросить я помѣщика, тѣмъ болѣе, что меня этотъ вопросъ очень сильно интересовалъ, а теперь я опасался, что помѣщикъ, не встрѣчая возраженій, замолчитъ.

— Виноградарство? Да оно, я вамъ скажу, еще больше

заходящаго солнца; прозрачныя розовыя облачка тихо плывутъ по небу на западѣ, а береговая полоса отливала багрянцомъ.

День былъ праздничный какъ для русскихъ, такъ и для татаръ, у которыхъ уже окончился постъ рамазанъ. На берегу стояла группа татарскихъ дѣвонекъ, въ ихъ пестрыхъ, оригинальныхъ національныхъ костюмахъ съ яркими цвѣтными на головахъ фесками, изъ подъ которыхъ распадались по плечамъ, окрашенныя въ красный цвѣтъ, заплетенныя косички волосъ. Молодые татары тутъ же купались вблизи берега, и скромныя дѣвоньки любовались на ловкіе фокусы эквилибристики, продѣлываемые купающимися. Очевидно было, что молодые татары, своимъ стройнымъ сложеніемъ, своею ловкостью и неустрашимостью искусныхъ пловцовъ, рисовались передъ деревенскими красавицами. Происходилъ своего рода интересный турниръ на призъ мимолетной улыбки дамы сердца. Татаре все молодежь, отъ 16-ти до 20-ти лѣтъ. Они взбирались на самую вершину той или другой скалы и бросались оттуда въ море, кувыркаясь на лету въ воздухѣ, послѣ чего, шлепнувшись въ воду, они пропадали довольно долго подъ водой, затѣмъ вдругъ выныривали и въ заключеніе, сильно разсѣкая волны, съ самодовольнымъ видомъ плыли невдалекѣ отъ берега, скашивая при этомъ глаза на дѣвушекъ, чтобы уловить, какое впечатлѣніе произвела на нихъ ловкость и смѣлость каждаго пловца.

Татарскія дѣвоньки стояли плотною группою на берегу, какъ будто ничего не замѣчая, какъ будто и совершавшійся въ честь ихъ турниръ совсѣмъ не интересовалъ ихъ. Казалось, что онѣ даже пришли сюда на берегъ такъ-себѣ, совершенно случайно и вотъ-вотъ сію же секунду уйдутъ. Но это такъ казалось, а на самомъ дѣлѣ онѣ продолжали стоять и никакъ не могли рѣшиться уйти.

Легкое пошевеливаніе губами, а нерѣдко едва замѣтное молчаливое подталкиваніе другъ друга локтями или бедрами, краснорѣчиво, безъ словъ, изображали картину скрытаго удовольствія и сдержанной страсти, волновавшей невозмутимыхъ наружно дѣвонекъ.

О, дщери Евы! какъ вы всѣ сдѣланы на одинъ покрой!

щики вамъ даютъ однѣ и тѣ же цѣны за одинаковаго достоинства виноградъ и вино, а хозяйскій-то расходъ на обработку десятины въ разныхъ мѣстахъ, даже иногда рядомъ лежащихъ, совершенно различный; напримѣръ, на мергелевой почвѣ плантажъ десятины обходится вамъ около одной тысячи рублей, а у меня—вашего сосѣда—на каменистой почвѣ около полуторы тысячъ. Вотъ тутъ и разсчитывай! Но все же я долженъ сказать по совѣсти, что виноградарство, при умѣньи вести его, да при счастливыхъ урожаяхъ, можетъ давать до 40% на затраченный капиталъ. Да только кому, спрашивается, можетъ давать такой доходъ? Вѣдь однимъ богатымъ помѣщикамъ, у которыхъ есть лежалые капиталы, а нашъ братъ, помѣщикъ средней руки, совсѣмъ не имѣетъ силъ конкуррировать съ ними въ выдержкѣ цѣнъ; онъ поневолѣ долженъ продавать свой виноградъ еще на корню и, конечно, ужь съ громадными потерями въ барышахъ!.. Хорошо еще, если онъ получитъ дохода хоть только 20%, а то такъ и меньше. Вотъ-съ каково наше крымское-то хозяйство!.. угрюмо проговорилъ старикъ.

— Но, мнѣ кажется, вы слишкомъ мрачно смотрите на это дѣло, возразилъ я.—Охотниковъ заниматься виноградарствомъ ничуть не уменьшается, а напротивъ, годъ отъ года увеличивается. Да и въ столицахъ, и въ большихъ губернскихъ городахъ стало очень замѣтно уменьшеніе числа погребовъ, торгующихъ *иностранными винами россійскаго приготовленія*, а напротивъ, число погребовъ съ крымскими, кавказскими, бессарабскими и астраханскими винами годъ отъ года увеличивается.

Старикъ не сразу отвѣтилъ на мое возраженіе; очевидно, онъ былъ утомленъ отъ своей невеселой, хотя и поучительной тирады о помѣщичьемъ хозяйствѣ въ Крыму. Изъ всей его тирады какъ-то само собою выходило, что для другихъ обязательны и знаніе, и трудъ, а для помѣщика обязательно только одно полученіе дохода съ этого чужаго знанія и труда. Этотъ парадоксъ, кажется, рѣзко бросился въ глаза и самому помѣщику и едва-ли не въ первый разъ въ жизни съ такою ясностью, какая выразилась въ его же рѣчахъ.

— Охотники, охотники! злобно проговорилъ онъ: — да

знаютъ-ли эти охотники татарскую поговорку: ни у кого въ мірѣ нѣтъ столько враговъ, какъ у виноградной лозы! Я уже не говорю про морозные утренники, градъ, дожди и засухи—это уже божеское наказаніе, тутъ идутъ разсчеты не за безбожную доходность виноградника, а за наши грѣхи. Но вѣдь виноградъ составляетъ лакомство чуть-ли не всѣхъ созданій земли, начиная отъ библейскаго Ноева козла до мельчайшаго микроскопическаго насѣкомаго. Все, начиная отъ садовой улитки и кончая индюкомъ—все жретъ безпощадно виноградъ!.. Хозяинъ долженъ имѣть сто глазъ и сто рукъ, чтобы охранять свой виноградникъ отъ всякаго рода хищниковъ—насѣкомыхъ, птицъ, животныхъ и еще отъ такихъ скотовъ, какъ сами виноградскіе рабочіе. А тутъ еще въ 1880 году на наши крымскіе виноградники обрушилось нежданно-негаданно новое бѣдствіе въ видѣ филоксеры, которая, при содѣйствіи всякихъ чиновничьихъ, тоже не лучше филоксеры, коммисій, грозитъ крымскимъ виноградникамъ полнымъ уничтоженіемъ. Вотъ тутъ и хозяйничай въ этомъ-то вашемъ благодатномъ краю!.. Нѣтъ-съ, этотъ уголокъ рая, какъ только вы сдѣлаетесь въ немъ хозяиномъ-землевладѣльцемъ, превратится для васъ въ мучительный адъ! закончилъ старикъ, раздраженно поправивъ на головѣ фуражку.

— Ужь очень ихъ высокородіе обижены, что пришлось имъ свое здѣшнее имѣніе спустить за безцѣнокъ, замѣтилъ, слегка улыбаясь, Пѣтухъ.

— Да какъ же не обижаться-то! яростно отозвался старикъ.—Добро бы я не умѣлъ вести хозяйство! Я вѣдь не обсѣвокъ въ полѣ среди здѣшнихъ-то хозяевъ!—веду же я хозяйство и кое-какія деньжонки даже наживаю въ своемъ имѣніи Орловской губерніи, а тутъ, чортъ знаетъ, какимъ образомъ 50 тысячъ чистогану въ трубу спустилъ... какъ въ помойную яму выбросилъ!..

— Какъ же это вы такъ промахнулись? съ удивленіемъ спросилъ я.

— Какъ баба-съ; просто, какъ баба-съ съ своими яицами, злобно прошипѣлъ помѣщикъ.—Дескать, изъ яицъ будутъ сотни цыплятъ и куръ, а отъ сотни куръ потомъ будутъ тысячи

яицъ, а тамъ милліоны куръ—глядь, а въ лукошкѣ-то оказалась дыра, яица черезъ нее всѣ вонъ... и оказались у бабы только одни сапоги въ смятку!!!.. Вотъ-съ эта дыра теперь филоксера.

— Но что же это такое филоксера? спросилъ я старика:— о ней, положимъ, я читалъ мелькомъ, но все-таки имѣю смутное понятіе

— По правдѣ сказать, я и самъ-то о ней тоже имѣю не очень-то ясное понятіе, отвѣчалъ онъ.—Филоксера хоть и найдена въ Крыму, но только пока въ небольшихъ размѣрахъ. Я не спорю, что это, можетъ, дѣйствительно страшная язва для виноградниковъ! На сколько страшна эта язва для виноградарства, вы можете судить уже по тому, что даже само правительство рѣшилось отпустить 400 тысячъ рублей на одно только ея истребленіе и еще отрядило воинскія команды воевать съ филоксерой!

— Это-то и я знаю изъ газетъ.

— Такъ чего же вамъ еще? Ну, пожалуй, я вамъ скажу, что натуралисты подъ микроскопомъ нашли, что филоксера есть микроскопическій клещъ, который нападаетъ на корневыя мочки виноградной лозы, и тамъ въ землѣ этотъ клещъ можетъ размножаться съ изумительною быстротой и даже уничтожать цѣлые виноградники. Какъ нападетъ на корень филоксера, лоза, разумѣется, захирѣетъ и вскорѣ пропадетъ. Тогда на мѣстѣ засохшей лозы даже нельзя посадить вновь винограда— пропадетъ; вашему дорогому винограднику становится цѣна— грошъ, одинъ грошъ!.. Во Франціи, напримѣръ, филоксера совсѣмъ истребила виноградарство во многихъ мѣстностяхъ и уменьшила винодѣліе на 100 милліоновъ ведеръ въ годъ! Въ Крыму филоксеру замѣтили въ 1880 году, осенью, въ мѣстности недалеко отъ Байдарскихъ воротъ, прежде всего въ имѣніи Тессели—ну, и учредили сейчасъ же для всего Крыма филоксерную коммисію со всѣми онёрами, и нашли филоксеру въ сосѣднихъ виноградникахъ. Филоксерная коммисія, при всемъ своемъ усердіи, нашла всего что-то около 17-ти десятинъ, дѣйствительно зараженныхъ филоксерой,—все это около одной и той же мѣстности, но страху нагнала на всѣхъ въ Крыму и подорвала кредитъ у многихъ. Всѣ зараженные виноградные кусты коммисія уничтожила на всѣхъ 17-ти десятинахъ и даже

перекопала землю и продезинфекцировала ее... а толку... Богъ знаетъ...

Разсказчикъ махнулъ рукой и, склонивъ задумчиво голову, умолкъ.

Всероссійскіе Робинзоны и курорты въ Крыму.

Вечерняя мгла разстилалась кругомъ надъ поверхностью моря и уже накинула свой черный покровъ на живописныя картины береговыхъ имѣній, плантацій и скалъ. Вдали вскорѣ замелькали огни Ялты. Нѣсколько времени всѣ молчали. Въ вечерней тишинѣ гулко разносился лишь одинъ плескъ отъ мѣрныхъ ударовъ веселъ.

— Но, знаете-ли! обратился я къ старику, рѣшившись прервать молчаніе: — вы нарисовали слишкомъ безотрадную картину сельскаго хозяйства на южномъ берегу. Согласитесь, что, въ концѣ концовъ, все высказанное вами сводится на одно только безлюдье, а никакъ не на упрекъ въ непроизводительности самаго края. Въ чемъ же тутъ виноватъ южный-то берегъ, позвольте васъ спросить?..

— То-есть, вы хотите сказать, что коли рожа крива, такъ нечего и на зеркало пенять! Вѣрно, согласенъ; да я и не пеняю на зеркало, а пеняю на моихъ родителей, на моихъ наставниковъ — зачѣмъ же они мнѣ рожу скривили, а потомъ и я самъ вошелъ во вкусъ криворожья, отвѣчалъ сердито старикъ. — Вотъ если бы они мнѣ дали геніальныя способности, если бы я сдѣлался хозяйственнымъ геніемъ, такъ я бы, можетъ быть, и при моемъ безалаберномъ воспитаніи теперь нажилъ бы себѣ состояніе на южномъ берегу. Но вѣдь я не геній, не талантъ даже и въ солдафонствѣ, которое было предназначено мнѣ въ удѣлъ съ колыбели, какъ моя родовая спеціальность — я одинъ изъ самыхъ обыкновеннѣйшихъ русскихъ смертныхъ; вотъ отъ этого-то меня и беретъ злоба, зачѣмъ же мнѣ приходится жить въ такихъ условіяхъ, съ ко-

торыми мнѣ бороться не подъ силу? Я съ вами совершенно согласенъ, что если бы нашъ южный берегъ да перенести куда-нибудь въ Америку или въ Англію, то очевидно тогда бы и я, и всякій другой изъ насъ обыкновенный смертный тутъ не только бы дышалъ, но и вполнѣ и жилъ, и благодушествовалъ бы, какъ рыба въ водѣ. А вѣдь у насъ, въ Россіи, каждаго заставляютъ быть непремѣнно Робинзономъ, да еще какимъ?—всероссійскимъ-съ, а не аглицкимъ. Аглицкій-то Робинзонъ явился на пустынный островъ съ головой, начиненной всякими знаніями и опытомъ житейской мудрости, а мы-то, всероссійскіе Робинзоны, отъ юности моея занимались или шагистикой, или классическою эквилибристикой на супинусахъ да герундіяхъ! Въ результатѣ мы всѣ молодцы и отлично умѣемъ только хватать за отличія чины, кресты и звѣзды, а чуть только наши «Робинзоны отъ шагистики и эрундической эквилибристики» осмѣлятся заняться своимъ собственнымъ дѣломъ безъ опеки же начальника, смотришь... помаются, помаются, плюнутъ да и пустятъ, какъ я, все благопріобрѣтенное по вѣтру! Безспорно, праправнуки наши будутъ жить лучше нашего, но вѣдь тогда насъ-то не будетъ съ нашими привычками и порядками! А нашъ удѣлъ—скрежетъ зубовный!

— Но, позвольте! замѣтилъ я.—Вы забыли еще одну изъ сторонъ выгодной эксплуатаціи южнобережскихъ имѣній. Это превратить ихъ въ курорты для цѣлой Россіи.

Едва я проговорилъ эту фразу, какъ оба мои спутника, Пѣтухъ и старикъ-помѣщикъ, уставились на меня и, выпучивъ глаза, глядѣли на меня, какъ быки на верблюда, а затѣмъ разразились громкимъ смѣхомъ.

— Чему вы смѣетесь? удивился я.

— Ха, ха, ха! продолжали они заливаться смѣхомъ.—Вотъ утѣшили-то, вотъ разодолжили! ха, ха, ха!...

— У Смѣлова, въ Лименахъ, вы были? спросилъ меня старикъ-помѣщикъ.

— Былъ, говорю.

— Пансіонъ тамъ полонъ? иронически проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, не могу этого сказать.

— Ну, у Мальцева, въ пресловутомъ Симеизѣ, полно? Хрустальный-то дворецъ ломится подъ толпами курсистовъ?

— Тоже нѣтъ, по крайней мѣрѣ при мнѣ на половину комнатъ было пустыхъ, отвѣчалъ я.

— Ну-съ, а въ Алупкинскихъ гостинницахъ мало-ли вы нашли свободныхъ комнатъ? Набиты, какъ сельди въ боченкѣ, что-ли?

— Ну тамъ пустыхъ комнатъ побольше, чѣмъ на половину! отвѣчалъ за меня, усмѣхаясь, Пѣтухъ. —Здѣсь въ какой уголокъ ни загляните, тоже самое-съ найдете, а я ужь много лѣтъ вращаюсь по крымскимъ курортамъ. Перепадетъ нѣсколько деньковъ, когда курсисты вдругъ нахлынутъ и пойдутъ другъ передъ другомъ набивать цѣны чуть не съ дракой, а потомъ опять хоть шаромъ покати!

— Такъ какой же дуракъ, продолжалъ старикъ: —спрошу я васъ, станетъ въ наше-то время затрачивать громадный капиталъ на такіе курорты, гдѣ въ перспективѣ одна пустота? А вѣдь для устройства такого пустыннаго курорта нужно же устроить сначала въ имѣніи дороги и тратиться на ихъ ремонтъ, нужно приспособить всѣ помѣщенія и дать въ нихъ хоть какія-нибудь удобства, нужно провести водопроводъ, нужно построить раціональный курзалъ; въ концѣ же концовъ, изъ всѣхъ этихъ нужныхъ дѣлъ выйдутъ только нуж...

— А провизія-то-съ! Гдѣ она, провизія-то-съ! перебилъ его Пѣтухъ, желая щегольнуть своею спеціальностью. —Не угодно-ли вамъ устроить при теперешнихъ порядкахъ хорошій табльдотъ въ какомъ-нибудь имѣніи-съ, напр. около Байдаръ!? Тамъ мѣстной провизіи, кромѣ баранины, да яицъ, луку да стручковаго перцу — ни-ни! Откудова ее добыть—привозить съ? изъ Севастополя прикажете или изъ Ялты?—это за 30-ть-то верстъ по жарѣ, сухимъ путемъ! А вѣдь возить ее придется каждый день. Ледниковъ тамъ нѣтъ, подвалы каменные строить не подъ силу, а безъ нихъ все будетъ портиться. Въ Симеизѣ и то какихъ хлопотъ стоитъ мнѣ добывать провизію! Вотъ ѣду теперь за нею въ Ялту, а почти вся провизія и въ Ялту привозится изъ Одессы на пароходѣ. До Ялты она въ дорогѣ пробудетъ дня два, да въ Симеизѣ на кухню попадетъ еще дня черезъ два; конечно, и изъ такой провизіи обѣдецъ выйдетъ у меня хорошенькій, но ужь не подавай

его безъ сильныхъ пряностей, а то въ немъ все какъ будто чего-то будетъ не дохватывать, разсмѣялся Пѣтухъ.—Это уже нашъ секретъ, поваровъ-артистовъ, приготовить хоть изъ старой голенищи, но такое вкусное блюдо, что скушаютъ съ удовольствіемъ и пальчики оближутъ-съ, ухмыльнулся онъ и все лицо его широко расплылось отъ самодовольства

— Однако, я никогда не замѣчалъ несвѣжести продуктовъ, да и всѣ, безъ исключенія, Симеизскіе курсисты были очень довольны вашимъ столомъ именно за его свѣжесть; про разнообразіе блюдъ и искусство приготовленія я ужь считаю лишнимъ и говорить.

Пѣтухъ даже заерзалъ отъ удовольствія на мѣстѣ.

— Покорнѣйше васъ благодарю-съ! отвѣчалъ онъ мнѣ, снявъ низко-пренизко шляпу.—Изсыхаю-съ отъ заботы угодить-съ! вздохнулъ онъ.

— Положимъ, изсыханіе-то ваше трудно замѣтить, разсмѣялся я, оглянувъ его жирную фигуру.—Но все-таки я вамъ дамъ одинъ маленькій совѣтъ.

— Сдѣлайте-съ одолженіе! сдѣлайте-съ милость! навострилъ уши Пѣтухъ.

— Чтобъ окончательно всѣ были довольны вашими завтраками и обѣдами, необходимо устроить строгій табльдотъ, какъ это вездѣ дѣлается на заграничныхъ курортахъ. Въ извѣстный часъ дня всѣ курсисты должны приглашаться въ табльдотъ по звонку и тогда всѣмъ подается на общихъ блюдахъ одинъ и тотъ же завтракъ и обѣдъ. Порціонные же заказы должны быть подаваемы не иначе, какъ на отдѣльные столики. Общій обѣдъ или завтракъ можетъ подаваться въ комнаты курсистовъ, но не иначе, какъ съ приплатой за хлопоты. Тогда только можно будетъ за ту же цѣну подавать всѣмъ одинаково отличные какъ обѣдъ, такъ и завтракъ, и притомъ изъ провизіи, прямо заготовленной только въ самомъ необходимомъ количествѣ, именно только на сегодня. Тогда вы не будете обязаны держать провизію по нѣсколько дней въ запасѣ на случай заказа. Кто захочетъ имѣть заказной обѣдъ, пусть заказываетъ за день раньше, тогда у васъ запасъ провизіи не будетъ портиться и пропадать задаромъ, какъ теперь бываетъ, когда нѣтъ заказовъ.

рискованно и еще больше требуетъ затраты большихъ капиталовъ, чѣмъ табаководство. Тутъ уже характеръ почвы, какъ напр. песокъ или глина, черноземъ или мергель, сухость или влажность почвы—все это отражается на вашемъ карманѣ или, по ученому, на качествѣ и количествѣ продуктовъ. Все это вызываетъ разные, болѣе или менѣе дорогіе пріемы культуры, напр. рѣдкую или густую разсадку кустовъ, обрѣзку стволовъ то такъ, то иначе, употребленіе или нѣтъ тычинъ для подвязыванія гибкихъ однолѣтнихъ лозъ и т. д. и т. д. А тутъ, при такихъ-то хлопотахъ, посади виноградникъ, да первые-то три года еще жди будущаго барыша и оставайся безъ всякаго дохода, но все-таки дѣлай непремѣнно каждый годъ такіе же расходы на уходъ за молодыми лозами, какъ и на старый доходный виноградникъ Вѣдь нужно же въ вашемъ бездоходномъ виноградникѣ взрыхлять слой земли перекопкою, нужно же очищать его отъ сорныхъ травъ, общипывать въ немъ лишніе побѣги, срѣзывать у лозъ верхушки, обрывать листья, мѣшающіе солнечнымъ лучамъ, и т. д. и т. д., а все это—деньги, деньги и деньги!..

— Но за то потомъ хорошо, замѣтилъ я вскользь.

— Хорошо-то хорошо, да только приходится подчасъ чужими устами медъ-то пить, а три-то года сиди и жди. Ну, вотъ наконецъ чрезъ три года дождешься дохода съ виноградника; тутъ уже смотря по сорту вами посаженнаго винограда, смотря по вашей почвѣ, по сухости или влажности лѣта, какъ все это сложится прекрасно, тогда и получишь урожай, пожалуй, въ 250 пудовъ винограда съ десятины, а какъ все сложится скверно, то получишь, пожалуй, только до 50 пудовъ винограда съ десятины, а слѣдовательно не больше такого же числа ведеръ надавишь вина. Вотъ тутъ-то и выходитъ у виноградарей игра въ что̀-съ, такая же рискованная, какъ и картежный штосъ. Что̀-съ вамъ придется выиграть и получить—вы сами не знаете, а ходъ виноградной игры заставляетъ васъ гнуть и уголъ, и ставить на пѐ и на перепѐ, а тамъ смотришь—бацъ—все бито. При этомъ имѣйте въ виду, что цѣнность ягодъ зависитъ отъ ихъ сорта, а цѣнность вина еще и отъ выдержки его—годовалому-то вину цѣна одна, а пятилѣтнему совсѣмъ уже другая, на 50% дороже. Скуп-

щики вамъ даютъ однѣ и тѣ же цѣны за одинаковаго достоинства виноградъ и вино, а хозяйскій-то расходъ на обработку десятины въ разныхъ мѣстахъ, даже иногда рядомъ лежащихъ, совершенно различный; напримѣръ, на мергелевой почвѣ плантажъ десятины обходится вамъ около одной тысячи рублей, а у меня—вашего сосѣда—на каменистой почвѣ около полуторы тысячъ. Вотъ тутъ и разсчитывай! Но все же я долженъ сказать по совѣсти, что виноградарство, при умѣньи вести его, да при счастливыхъ урожаяхъ, можетъ давать до 40% на затраченный капиталъ. Да только кому, спрашивается, можетъ давать такой доходъ? Вѣдь однимъ богатымъ помѣщикамъ, у которыхъ есть лежалые капиталы, а нашъ братъ, помѣщикъ средней руки, совсѣмъ не имѣетъ силъ конкуррировать съ ними въ выдержкѣ цѣнъ; онъ поневолѣ долженъ продавать свой виноградъ еще на корню и, конечно, ужь съ громадными потерями въ барышахъ!.. Хорошо еще, если онъ получитъ дохода хоть только 20%, а то такъ и меньше. Вотъ-съ каково наше крымское-то хозяйство!.. угрюмо проговорилъ старикъ.

— Но, мнѣ кажется, вы слишкомъ мрачно смотрите на это дѣло, возразилъ я.—Охотниковъ заниматься виноградарствомъ ничуть не уменьшается, а напротивъ, годъ отъ года увеличивается. Да и въ столицахъ, и въ большихъ губернскихъ городахъ стало очень замѣтно уменьшеніе числа погребовъ, торгующихъ *иностранными винами россійскаго приготовленія*, а напротивъ, число погребовъ съ крымскими, кавказскими, бессарабскими и астраханскими винами годъ отъ года увеличивается.

Старикъ не сразу отвѣтилъ на мое возраженіе; очевидно, онъ былъ утомленъ отъ своей невеселой, хотя и поучительной тирады о помѣщичьемъ хозяйствѣ въ Крыму. Изъ всей его тирады какъ-то само собою выходило, что для другихъ обязательны и знаніе, и трудъ, а для помѣщика обязательно только одно полученіе дохода съ этого чужаго знанія и труда. Этотъ парадоксъ, кажется, рѣзко бросился въ глаза и самому помѣщику и едва-ли не въ первый разъ въ жизни съ такою ясностью, какая выразилась въ его же рѣчахъ.

— Охотники, охотники! злобно проговорилъ онъ: — да

знаютъ-ли эти охотники татарскую поговорку: ни у кого въ мірѣ нѣтъ столько враговъ, какъ у виноградной лозы! Я уже не говорю про морозные утренники, градъ, дожди и засухи—это уже божеское наказаніе, тутъ идутъ разсчеты не за безбожную доходность виноградника, а за наши грѣхи. Но вѣдь виноградъ составляетъ лакомство чуть-ли не всѣхъ созданій земли, начиная отъ библейскаго Ноева козла до мельчайшаго микроскопическаго насѣкомаго. Все, начиная отъ садовой улитки и кончая индюкомъ—все жретъ безпощадно виноградъ!.. Хозяинъ долженъ имѣть сто глазъ и сто рукъ, чтобы охранять свой виноградникъ отъ всякаго рода хищниковъ—насѣкомыхъ, птицъ, животныхъ и еще отъ такихъ скотовъ, какъ сами виноградскіе рабочіе. А тутъ еще въ 1880 году на наши крымскіе виноградники обрушилось нежданно-негаданно новое бѣдствіе въ видѣ филоксеры, которая, при содѣйствіи всякихъ чиновничьихъ, тоже не лучше филоксеры, коммисій, грозитъ крымскимъ виноградникамъ полнымъ уничтоженіемъ. Вотъ тутъ и хозяйничай въ этомъ-то вашемъ благодатномъ краю!.. Нѣтъ-съ, этотъ уголокъ рая, какъ только вы сдѣлаетесь въ немъ хозяиномъ-землевладѣльцемъ, превратится для васъ въ мучительный адъ! закончилъ старикъ, раздраженно поправивъ на головѣ фуражку.

— Ужь очень ихъ высокородіе обижены, что пришлось имъ свое здѣшнее имѣніе спустить за безцѣнокъ, замѣтилъ, слегка улыбаясь, Пѣтухъ.

— Да какъ же не обижаться-то! яростно отозвался старикъ.—Добро бы я не умѣлъ вести хозяйство! Я вѣдь не обсѣвокъ въ полѣ среди здѣшнихъ-то хозяевъ!—веду же я хозяйство и кое-какія деньжонки даже наживаю въ своемъ имѣніи Орловской губерніи, а тутъ, чортъ знаетъ, какимъ образомъ 50 тысячъ чистогану въ трубу спустилъ... какъ въ помойную яму выбросилъ!..

— Какъ же это вы такъ промахнулись? съ удивленіемъ спросилъ я.

— Какъ баба-съ; просто, какъ баба-съ съ своими яицами, злобно прошипѣлъ помѣщикъ.—Дескать, изъ яицъ будутъ сотни цыплятъ и куръ, а отъ сотни куръ потомъ будутъ тысячи

яицъ, а тамъ милліоны куръ—глядь, а въ лукошкѣ-то оказалась дыра, яица черезъ нее всѣ вонъ... и оказались у бабы только одни сапоги въ смятку!!!.. Вотъ-съ эта дыра теперь филоксера.

— Но что же это такое филоксера? спросилъ я старика:— о ней, положимъ, я читалъ мелькомъ, но все-таки имѣю смутное понятіе

— По правдѣ сказать, я и самъ-то о ней тоже имѣю не очень-то ясное понятіе, отвѣчалъ онъ.—Филоксера хоть и найдена въ Крыму, но только пока въ небольшихъ размѣрахъ. Я не спорю, что это, можетъ, дѣйствительно страшная язва для виноградниковъ! На сколько страшна эта язва для виноградарства, вы можете судить уже по тому, что даже само правительство рѣшилось отпустить 400 тысячъ рублей на одно только ея истребленіе и еще отрядило воинскія команды воевать съ филоксерой!

— Это-то и я знаю изъ газетъ.

— Такъ чего же вамъ еще? Ну, пожалуй, я вамъ скажу, что натуралисты подъ микроскопомъ нашли, что филоксера есть микроскопическій клещъ, который нападаетъ на корневыя мочки виноградной лозы, и тамъ въ землѣ этотъ клещъ можетъ размножаться съ изумительною быстротой и даже уничтожать цѣлые виноградники. Какъ нападетъ на корень филоксера, лоза, разумѣется, захирѣетъ и вскорѣ пропадетъ. Тогда на мѣстѣ засохшей лозы даже нельзя посадить вновь винограда—пропадетъ; вашему дорогому винограднику становится цѣна—грошъ, одинъ грошъ!.. Во Франціи, напримѣръ, филоксера совсѣмъ истребила виноградарство во многихъ мѣстностяхъ и уменьшила винодѣліе на 100 милліоновъ ведеръ въ годъ! Въ Крыму филоксеру замѣтили въ 1880 году, осенью, въ мѣстности недалеко отъ Байдарскихъ воротъ, прежде всего въ имѣніи Тессели—ну, и учредили сейчасъ же для всего Крыма филоксерную коммисію со всѣми онёрами, и нашли филоксеру въ сосѣднихъ виноградникахъ. Филоксерная коммисія, при всемъ своемъ усердіи, нашла всего что-то около 17-ти десятинъ, дѣйствительно зараженныхъ филоксерой,—все это около одной и той же мѣстности, но страху нагнала на всѣхъ въ Крыму и подорвала кредитъ у многихъ. Всѣ зараженные виноградные кусты коммисія уничтожила на всѣхъ 17-ти десятинахъ и даже

перекопала землю и продезинфекцировала ее... а толку... Богъ знаетъ...

Разсказчикъ махнулъ рукой и, склонивъ задумчиво голову, умолкъ.

Всероссійскіе Робинзоны и курорты въ Крыму.

Вечерняя мгла разстилалась кругомъ надъ поверхностью моря и уже накинула свой черный покровъ на живописныя картины береговыхъ имѣній, плантацій и скалъ. Вдали вскорѣ замелькали огни Ялты. Нѣсколько времени всѣ молчали. Въ вечерней тишинѣ гулко разносился лишь одинъ плескъ отъ мѣрныхъ ударовъ веселъ.

— Но, знаете-ли! обратился я къ старику, рѣшившись прервать молчаніе: — вы нарисовали слишкомъ безотрадную картину сельскаго хозяйства на южномъ берегу. Согласитесь, что, въ концѣ концовъ, все высказанное вами сводится на одно только безлюдье, а никакъ не на упрекъ въ непроизводительности самаго края. Въ чемъ же тутъ виноватъ южный-то берегъ, позвольте васъ спросить?..

— То-есть, вы хотите сказать, что коли рожа крива, такъ нечего и на зеркало пенять! Вѣрно, согласенъ; да я и не пеняю на зеркало, а пеняю на моихъ родителей, на моихъ наставниковъ — зачѣмъ же они мнѣ рожу скривили, а потомъ и я самъ вошелъ во вкусъ криворожья, отвѣчалъ сердито старикъ. — Вотъ если бы они мнѣ дали геніальныя способности, если бы я сдѣлался хозяйственнымъ геніемъ, такъ я бы, можетъ быть, и при моемъ безалаберномъ воспитаніи теперь нажилъ бы себѣ состояніе на южномъ берегу. Но вѣдь я не геній, не талантъ даже и въ солдафонствѣ, которое было предназначено мнѣ въ удѣлъ съ колыбели, какъ моя родовая спеціальность — я одинъ изъ самыхъ обыкновеннѣйшихъ русскихъ смертныхъ; вотъ отъ этого-то меня и беретъ злоба, зачѣмъ же мнѣ приходится жить въ такихъ условіяхъ, съ ко-

торыми мнѣ бороться не подъ силу? Я съ вами совершенно согласенъ, что если бы нашъ южный берегъ да перенести куда-нибудь въ Америку или въ Англію, то очевидно тогда бы и я, и всякій другой изъ насъ обыкновенный смертный тутъ не только бы дышалъ, но и вполнѣ и жилъ, и благодушествовалъ бы, какъ рыба въ водѣ. А вѣдь у насъ, въ Россіи, каждаго заставляютъ быть непремѣнно Робинзономъ, да еще какимъ?—всероссійскимъ-съ, а не аглицкимъ. Аглицкій-то Робинзонъ явился на пустынный островъ съ головой, начиненной всякими знаніями и опытомъ житейской мудрости, а мы-то, всероссійскіе Робинзоны, отъ юности моея занимались или шагистикой, или классическою эквилибристикой на супинусахъ да герундіяхъ! Въ результатѣ мы всѣ молодцы и отлично умѣемъ только хватать за отличія чины, кресты и звѣзды, а чуть только наши «Робинзоны отъ шагистики и эрундической эквилибристики» осмѣлятся заняться своимъ собственнымъ дѣломъ безъ опеки же начальника, смотришь... помаются, помаются, плюнутъ да и пустятъ, какъ я, все благопріобрѣтенное по вѣтру! Безспорно, праправнуки наши будутъ жить лучше нашего, но вѣдь тогда насъ-то не будетъ съ нашими привычками и порядками! А нашъ удѣлъ—скрежетъ зубовный!

— Но, позвольте! замѣтилъ я.—Вы забыли еще одну изъ сторонъ выгодной эксплуатаціи южнобережскихъ имѣній. Это превратить ихъ въ курорты для цѣлой Россіи.

Едва я проговорилъ эту фразу, какъ оба мои спутника, Пѣтухъ и старикъ-помѣщикъ, уставились на меня и, выпучивъ глаза, глядѣли на меня, какъ быки на верблюда, а затѣмъ разразились громкимъ смѣхомъ.

— Чему вы смѣетесь? удивился я.

— Ха, ха, ха! продолжали они заливаться смѣхомъ.—Вотъ утѣшили-то, вотъ разодолжили! ха, ха, ха!...

— У Смѣлова, въ Лименахъ, вы были? спросилъ меня старикъ-помѣщикъ.

— Былъ, говорю.

— Пансіонъ тамъ полонъ? иронически проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, не могу этого сказать.

— Ну, у Мальцева, въ пресловутомъ Симеизѣ, полно? Хрустальный-то дворецъ ломится подъ толпами курсистовъ?

— Тоже нѣтъ, по крайней мѣрѣ при мнѣ на половину комнатъ было пустыхъ, отвѣчалъ я.

— Ну-съ, а въ Алупкинскихъ гостинницахъ мало-ли вы нашли свободныхъ комнатъ? Набиты, какъ сельди въ боченкѣ, что-ли?

— Ну тамъ пустыхъ комнатъ побольше, чѣмъ на половину! отвѣчалъ за меня, усмѣхаясь, Пѣтухъ. —Здѣсь въ какой уголокъ ни загляните, тоже самое-съ найдете, а я ужь много лѣтъ вращаюсь по крымскимъ курортамъ. Перепадетъ нѣсколько деньковъ, когда курсисты вдругъ нахлынутъ и пойдутъ другъ передъ другомъ набивать цѣны чуть не съ дракой, а потомъ опять хоть шаромъ покати!

— Такъ какой же дуракъ, продолжалъ старикъ: —спрошу я васъ, станетъ въ наше-то время затрачивать громадный капиталъ на такіе курорты, гдѣ въ перспективѣ одна пустота? А вѣдь для устройства такого пустыннаго курорта нужно же устроить сначала въ имѣніи дороги и тратиться на ихъ ремонтъ, нужно приспособить всѣ помѣщенія и дать въ нихъ хоть какія-нибудь удобства, нужно провести водопроводъ, нужно построить раціональный курзалъ; въ концѣ же концовъ, изъ всѣхъ этихъ нужныхъ дѣлъ выйдутъ только нуж...

— А провизія-то-съ! Гдѣ она, провизія-то-съ! перебилъ его Пѣтухъ, желая щегольнуть своею спеціальностью. —Не угодно-ли вамъ устроить при теперешнихъ порядкахъ хорошій табльдотъ въ какомъ-нибудь имѣніи-съ, напр. около Байдаръ!? Тамъ мѣстной провизіи, кромѣ баранины, да яицъ, луку да стручковаго перцу — ни-ни! Откудова ее добыть—привозить съ? изъ Севастополя прикажете или изъ Ялты?—это за 30-ть-то верстъ по жарѣ, сухимъ путемъ! А вѣдь возить ее придется каждый день. Ледниковъ тамъ нѣтъ, подвалы каменные строить не подъ силу, а безъ нихъ все будетъ портиться. Въ Симеизѣ и то какихъ хлопотъ стоитъ мнѣ добывать провизію! Вотъ ѣду теперь за нею въ Ялту, а почти вся провизія и въ Ялту привозится изъ Одессы на пароходѣ. До Ялты она въ дорогѣ пробудетъ дня два, да въ Симеизѣ на кухню попадетъ еще дня черезъ два; конечно, и изъ такой провизіи обѣдецъ выйдетъ у меня хорошенькій, но ужь не подавай

его безъ сильныхъ пряностей, а то въ немъ все какъ будто чего-то будетъ не дохватывать, разсмѣялся Пѣтухъ.—Это уже нашъ секретъ, поваровъ-артистовъ, приготовить хоть изъ старой голенищи, но такое вкусное блюдо, что скушаютъ съ удовольствіемъ и пальчики оближутъ-съ, ухмыльнулся онъ и все лицо его широко расплылось отъ самодовольства

— Однако, я никогда не замѣчалъ несвѣжести продуктовъ, да и всѣ, безъ исключенія, Симеизскіе курсисты были очень довольны вашимъ столомъ именно за его свѣжесть; про разнообразіе блюдъ и искусство приготовленія я ужь считаю лишнимъ и говорить.

Пѣтухъ даже заерзалъ отъ удовольствія на мѣстѣ.

— Покорнѣйше васъ благодарю-съ! отвѣчалъ онъ мнѣ, снявъ низко-пренизко шляпу.—Изсыхаю-съ отъ заботы угодить-съ! вздохнулъ онъ.

— Положимъ, изсыханіе-то ваше трудно замѣтить, разсмѣялся я, оглянувъ его жирную фигуру.—Но все-таки я вамъ дамъ одинъ маленькій совѣтъ.

— Сдѣлайте-съ одолженіе! сдѣлайте-съ милость! навострилъ уши Пѣтухъ.

— Чтобъ окончательно всѣ были довольны вашими завтраками и обѣдами, необходимо устроить строгій табльдотъ, какъ это вездѣ дѣлается на заграничныхъ курортахъ. Въ извѣстный часъ дня всѣ курсисты должны приглашаться въ табльдотъ по звонку и тогда всѣмъ подается на общихъ блюдахъ одинъ и тотъ же завтракъ и обѣдъ. Порціонные же заказы должны быть подаваемы не иначе, какъ на отдѣльные столики. Общій обѣдъ или завтракъ можетъ подаваться въ комнаты курсистовъ, но не иначе, какъ съ приплатой за хлопоты. Тогда только можно будетъ за ту же цѣну подавать всѣмъ одинаково отличные какъ обѣдъ, такъ и завтракъ, и притомъ изъ провизіи, прямо заготовленной только въ самомъ необходимомъ количествѣ, именно только на сегодня. Тогда вы не будете обязаны держать провизію по нѣсколько дней въ запасѣ на случай заказа. Кто захочетъ имѣть заказной обѣдъ, пусть заказываетъ за день раньше, тогда у васъ запасъ провизіи не будетъ портиться и пропадать задаромъ, какъ теперь бываетъ, когда нѣтъ заказовъ.

— Надо объ этомъ подумать-съ! отвѣчалъ съ равнодушною улыбкой Пѣтухъ.

Былъ уже десятый часъ вечера, когда мы въѣхали въ Ялтинскую бухту, на темной поверхности которой играли отраженные вечерніе огни русскаго, въ своемъ родѣ маленькаго Неаполя—Ялты.

— Гдѣ изволите остановиться? спросилъ меня Пѣтухъ.

— Думаю въ гостинницѣ «Россія», отвѣчалъ я.

— Прекрасная-съ гостинница! Милліонъ-съ стоила, а тоже вотъ ушла за безцѣнокъ! Адмиралъ Чихачевъ купилъ ее, кажется, за сто тысячъ, а теперь одной аренды беретъ съ нее по нѣсколько десятковъ тысячъ въ годъ и больше ничего знать не хочетъ! Ни хлопотъ, ни ремонта—все это лежитъ на обязанности арендатора!

Лодка подъѣхала къ пристани. Я распрощался съ моими почтенными спутниками, взялъ извощика, уложилъ чемоданы въ экипажъ и поѣхалъ въ гостинницу «Россія».

Послѣ утомительной, такой длинной морской прогулки, я какъ-то машинально, чуть не засыпая на ходу, поднялся по широкой лѣстницѣ гостинницы и вошелъ, ни о чемъ не разспрашивая, въ отведенный мнѣ въ бель-этажѣ нумеръ. Я уже не въ силахъ былъ ни на что обратить свое вниманіе—такъ сильно хотѣлось спать. Раздѣвшись поскорѣе, я бросился въ постель и мигомъ заснулъ мертвымъ сномъ.

Утренній эскизъ.

Проснувшись раннимъ утромъ, но все-таки нѣсколько позднѣе обыкновеннаго, я сразу даже не могъ сообразить, гдѣ я—такъ поразила меня спросонья окружавшая обстановка моей комнаты. Вмѣсто обычной въ Крыму простоты, кругомъ былъ бархатъ, бронза, массивныя гардины, во всю комнату тяжелый коверъ. При видѣ этой обстановки Крымъ съ своею южною природой какъ-то исчезъ изъ моей памяти! Мнѣ даже представилось, что лѣто красное прошло, что на дворѣ зима, и я лежу у себя въ петербургской квартирѣ; лишь незнакомая для Петербурга веселая игра южнаго солнца, обливавшаго всѣ уголки комнаты своимъ горячимъ блескомъ, сразу успокоила и обрадовала меня. Я еще въ Крыму... еще въ странѣ лавровъ и кипарисовъ, близъ Чернаго моря и, вмѣсто скучно-обязательной утромъ комнатной ванны изъ невской воды, еще могу съ наслажденіемъ погрузиться въ живыя

струи прибоя Ялтинской бухты, легкій рокотъ которой уже ясно различался мною среди отдаленнаго городскаго шума, долетавшаго до меня черезъ отворенныя двери балкона.

Одѣвшись, я отправился купаться. Проходя по обширнымъ корридорамъ гостинницы, вполнѣ по-европейски содержимымъ, нельзя было не почувствовать, что Ялта—дѣйствительно городъ, куда стекаются люди съ замашками и привычками сибиратовъ, а не какой-нибудь буколическій Крымскій курортъ, въ родѣ Евпаторіи или Мисхора.

Уже седьмой часъ утра, а въ гостинницѣ все еще спитъ. Даже корридорные мужики, и тѣ только начинаютъ протирать свои заспанные глаза, раздумывая, не рано-ли еще имъ приниматься за половыя щетки, за чистку сапоговъ и платья нѣжащихся въ постеляхъ квартирантовъ-сибаритовъ.

Спустившись по эффектной мраморной лѣстницѣ, устланной коврами, я вышелъ въ небольшой скверъ, который полукругомъ раскидывается передъ гостинницей. Скверъ этотъ довольно густо засаженъ красивыми деревьями, украшенъ длинною верандою со шпалерами изъ виноградныхъ лозъ и даже освѣжается каменнымъ бассейномъ, гдѣ бьетъ фонтанъ и плаваютъ бѣлые лебеди; но все-таки для глаза, привыкшаго къ свѣжей, сочной, благоухающей растительности южнаго берега Крыма, скверъ этотъ кажется чахлымъ, какъ будто страдающимъ худосочіемъ отъ пыли и недостатка влаги.

Ограда сквера выходитъ непосредственно на морской берегъ, который тутъ одѣтъ въ каменную набережную съ бетоннымъ тротуаромъ, осѣняемымъ рѣдкими, тоже чахлыми деревцами.

Не глубоко вырѣзанная Ялтинская бухта ограничена двумя мысами, св. Іоанна и Ливадійскимъ, которые находятся въ довольно далекомъ разстояніи одинъ отъ другаго, приблизительно версты на $1^1/_2$, и открываютъ волнующуюся поверхность моря, оживленную стоящими тамъ и сямъ на якорахъ торговыми судами и рыбачьими барками, между которыми пестрѣютъ бакены, указывающіе ложе фарватера. По сторонамъ прибрежья гостинницы «Россія»—влѣво и вправо отъ нея—расположены досчатыя общественныя купальни, числомъ

три, всѣ построенныя на сваяхъ. Мужскія и женскія отдѣленія въ нихъ изолированы другъ отъ друга деревянными рѣшетками, обтянутыми не первой молодости парусиною; изоляція, какъ видно, не изъ числа непреодолимыхъ для удовлетворенія любопытства интересующихся сравненіемъ красоты сложенія того и другаго пола.

Ялтинская бухта, своимъ широкимъ входомъ, обращена непосредственно къ югу, вслѣдствіе чего море въ ней рѣдко бываетъ покойно; даже въ дни совершеннаго безвѣтрія не умолкаетъ въ ней шумъ прибоя. Отъ такого непрерывнаго прибоя, морской илъ и песокъ поднимаются со дна моря и болѣе или менѣе мутятъ морскую воду иногда даже въ непріятный мутный, сѣро-желтый цвѣтъ. Точно также двѣ горныя рѣчки Учанъ Су и Ялта, которыя орошаютъ Ялтинскую долину и которыя, въ особенности Учанъ-Су, вытекаютъ съ высокихъ горъ и падаютъ мѣстами отвѣсными каскадами, приносятъ въ бухту глину преимущественно въ весеннее и осеннее время, а также лѣтомъ въ дождливые періоды.

Сильное движеніе рабочей и торговой жизни на берегу, конечно, тоже не можетъ не повліять на нѣкоторое загрязненіе самаго берега; но все-таки, теперь, благодаря принимаемымъ мѣрамъ, уже нѣтъ того безобразія, какъ прежде, когда, по разсказамъ путеводителей, весь берегъ моря бывалъ иногда сплошь покрытъ кучами навоза и даже экскрементовъ. Теперь ни того, ни другаго безобразія не бываетъ въ необычныхъ размѣрахъ, по крайней мѣрѣ въ необычныхъ сравнительно съ другими промышленными густо-населенными приморскими городами, какъ, напримѣръ, Севастополь. Также и засоренныхъ горныхъ рѣчекъ, обращавшихся прежде въ зловонныя тихо текущія канавы, теперь тоже не замѣчается. За то больное мѣсто всѣхъ русскихъ городовъ—удаленіе городскихъ зловонныхъ нечистотъ—и до сихъ поръ въ Ялтѣ остается тѣмъ же больнымъ мѣстомъ и ароматическій запахъ садовъ нерѣдко смѣняется на нѣкоторыхъ улицахъ такимъ благоуханіемъ ялтинскихъ обывательскихъ домовъ, что прошибаютъ слезы (само собою разумѣется, не отъ умиленія, а отъ амміака). Впрочемъ, нужно отдать справедливость, что по сему предмету Ялтинскою городскою думою уже издано обязательное

постановленіе, а вывозъ нечистотъ, какъ бо́льшее удаленіе отъ города мѣстъ ихъ свалокъ сильно уже озабочиваетъ городскую управу и, вѣроятно, будетъ осуществлено въ самомъ ближайшемъ геологическомъ періодѣ, если только не встрѣтится къ тому препятствія со стороны непредвидѣнныхъ нептуническихъ или вулканическихъ переворотовъ.

Воздухъ на Ялтинской набережной пока сносный и, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, еще никого не заразилъ ни чумою, ни чѣмъ-нибудь другимъ подобнымъ, а въ нападкахъ на Ялтинскія морскія купанья замѣчено преувеличеніе отъ употребленія микроскопа, а потому становится необходимымъ отмѣтить ихъ дѣйствительные недостатки. Дѣло въ томъ, что будетъ-ли причиной песокъ-ли, глина-ли, горныя-ли рѣчки или морской прибой, но разъ морская вода оказывается непрозрачною, тусклою, то это обстоятельство уже само по себѣ вещь непріятная, хотя бы даже дѣйствительно не попадало въ воду городскихъ нечистотъ. Кто хоть разъ купался въ Евпаторіи, въ Симеизѣ или въ Мисхорѣ, тотъ уже всегда подозрительно будетъ смотрѣть на Ялтинскую бухту и уже никакъ не станетъ воспѣвать прелестей Ялтинскихъ купаній, въ особенности же зная ихъ небезупречность въ нечистотномъ отношеніи. Морское дно въ Ялтѣ илисто - каменистое, почему приходится купаться въ башмакахъ, иначе можно зашибить себѣ ноги. Прибой здѣсь постоянный и иной разъ такъ бываетъ силенъ, что трудно держаться на ногахъ и легко можно ушибиться о деревянныя сваи, на которыхъ построены купальни. Вотъ это-то и заставляетъ, для безопасности купающихся, протягивать во всѣхъ общественныхъ купальняхъ толстыя веревки въ море. Ну, купаться въ вольномъ морѣ на веревкѣ—удовольствіе не очень-то великое! Впрочемъ, защитники Ялтинскихъ купаній отъ этого не унываютъ и даже сильный прибой признаютъ такимъ достоинствомъ ихъ, котораго навсегда лишены всѣ другіе Крымскіе курорты. Это достоинсто и есть именно съ-ногъ-сшибательный ударъ волны, что считается ими условіемъ, весьма важнымъ для успѣха леченія морскими купаньями во многихъ болѣзняхъ.

Послѣ купанья я пошелъ бродить по набережной. Городъ только-что просыпался. По улицамъ, сѣменя ногами и фигу-

ряя задами, бѣжали горничныя съ корзинами для булокъ; степенныя кухарки съ мѣшками для провизіи стремились на базаръ; иногда вмѣстѣ съ кухаркамми шли сами барыни - хозяйки; курсисты плелись лѣнивою походкой купаться; магазинные прикащики и лавочники съ полупроснувшимися лицами открывали двери своихъ магазиновъ и лавокъ; выѣзжали на биржу вдоль забора гостинницы «Россія» щегольскіе парные фаэтоны и четырехъ-мѣстныя, покрытыя зонтомъ, соломенныя плетенки ялтинскихъ извощиковъ. Этою картиной обычныя будни туземцевъ Ялты и постоянный праздникъ курсистовъ открывали начало своей дневной дѣятельности.

Присѣвъ на одну изъ скамеекъ набережной, спиной къ морю, я началъ всматриваться въ Ялту.

Городъ расположенъ у самаго подножья хребта горъ Яйлы, который тутъ образуетъ полукругъ и спускается зеленѣющею покатостью отлого идущею неровными уступами, къ морю. Благодаря этому полукругу горъ, Ялта защищена отъ напоровъ холодныхъ—сѣвернаго и сѣверо-восточныхъ—токовъ воздуха, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи открыта съ прочихъ сторонъ, она становится доступною живительному дѣйствію южныхъ и юго-западныхъ вѣтровъ. Такое мѣстоположеніе Ялты обезпечиваетъ ей умѣренно-теплый, ровный, влажный, мягкій климатъ.

Прямо передо мной высилось красивое бѣлое трехъ-этажное зданіе гостинницы «Россія». Мѣсто для этой гостинницы выбрано весьма удачно Кромѣ той выгоды, что гостинница находится близь берега моря, она еще отдѣлена Мордвиновскимъ густолиственнымъ паркомъ отъ стараго города съ его базаромъ и пылью, а отъ пыли набережной защищена скверомъ, вслѣдствіе чего все зданіе гостинницы удалено отъ городской трескотни и городской пыли и всегда пользуется чистымъ морскимъ воздухомъ. При выгодномъ мѣстоположеніи гостинницы «Россія», роскошь внутренней ея отдѣлки и различныя удобства, какъ-то: свѣтлыя громадной высоты комнаты, множество балконовъ, прелестная мебель, большія залы для танцевъ, концертовъ и обѣдовъ, кабинеты для чтенія, прекрасная кухня, всегда готовыя ванны, повсюду электрическіе звонки, газовое освѣщеніе и т. д. и т. д. не-

вольно привлекаютъ въ эту гостинницу курсистовъ. Конкурренція съ нею прочихъ ялтинскихъ гостинницъ, какъ, напримѣръ, «Эдинбургской» и «Ялтинской», просто становится невозможною. Хотя эти гостинницы, тоже относительно, очень порядочныя, но онѣ, будучи расположены въ центрѣ города, уже никакъ не могутъ при теперешнихъ порядкахъ освободиться отъ упрековъ замѣтнаго вліянія на нихъ базарныхъ и тому подобныхъ городскихъ ароматовъ.

Мордвиновскій паркъ разграничиваетъ старый городъ отъ новаго. Гостинница «Россія» именно начинаетъ собою новую, такъ сказать, молодую и чистоплотную часть города, которая раскинулась влѣво отъ парка, если смотрѣть на него съ моря. Эта лѣвая часть города тянется по ровной плоскости прямыми, довольно широкими и хорошо шоссированными улицами, частью уже застроенными, а частью еще продолжающими обстраиваться красивыми дачами, граціозно выглядывающими изъ-за своихъ веселенькихъ молодыхъ садовъ. Вправо за Мордвиновскимъ паркомъ, по отлогости холма, гнѣздится старый городъ, въ которомъ передній рядъ домовъ, выходящихъ своими фасадами на приморское шоссе съ каштановою аллеей, довольно красивъ и опрятенъ, но за то заднія улицы, съ своимъ восточнымъ базаромъ и всякими производствами торговаго люда, представляютъ собою образецъ восточной грязи во всей ея неприкосновенности и пахучести.

Въ старомъ городѣ одна лишь пятиглавая, православная церковь, красующаяся среди кипарисовъ на самой вершинѣ холма, привлекаетъ на себя общее вниманіе. Она невольно останавливаетъ на себѣ взглядъ всѣхъ пріѣзжающихъ моремъ, потому что при въѣздѣ въ Ялту со стороны моря прежде всего дѣлается виднымъ ея освѣщенный солнцемъ и утопающій въ зелени кипарисовъ пятиглавый куполъ.

Становилось жарко, и я отправился домой пить чай.

Три сосѣдки.

Вернувшись въ нумеръ, я нашелъ его прибраннымъ съ тою тщательностью, которая характеризуетъ прислугу настоящихъ европейскихъ гостинницъ и отъ которой въ Крыму я успѣлъ уже нѣсколько поотвыкнуть.

Солнце придавало веселый видъ всей комнатѣ и, отражаясь отъ краснаго бархата мебели, бросало на все пріятный розовый оттѣнокъ. Теплый морской воздухъ проникалъ въ комнату широкою струей черезъ растворенныя настежь обѣ двери балкона и приносилъ съ собою глухой отдаленный шумъ уличной жизни проснувшагося города.

Я вышелъ на балконъ. Съ него открывался видъ на картинно раскинувшійся и прелестно драпированный растительною зеленью садъ барона Врангеля. На меня вдругъ пахнуло съ боку тонкимъ ароматомъ духовъ, и я невольно оглянулся въ сторону. На сосѣднемъ балконѣ, расположенномъ рядомъ съ моимъ балкономъ такъ близко, что можно было протянуть сосѣдямъ руки для пожатія, никого не было и двери были притворены, но въ углу балкона стоялъ круглый мраморный столикъ, а около него соломенное кресло - качалка съ забытою на немъ черною мантильей и кружевною косынкой.

Раздражающій ароматъ туалетныхъ духовъ, комфортабельная городская обстановка и оживленный городской шумъ разбудили во мнѣ городскіе инстинкты Мантилья и косынка, которыя при другихъ условіяхъ крымской жизни остались бы мною незамѣченными, тутъ, наоборотъ, вызвали цѣлый рядъ вопросовъ и предположеній. Чтобы отдѣлаться отъ нихъ, я ушелъ въ нумеръ и, вызвавъ электрическимъ звонкомъ нумернаго, приказалъ подать самоваръ.

Усѣвшись въ мягкое покойное кресло, я старался отдѣлаться отъ нахлынувшихъ на меня мыслей и хотѣлъ насильно заставить себя думать о чемъ-нибудь другомъ, но на-

прасно. Вся обстановка комнаты, напоминавшая собою Петербургъ, помимо воли, вызывала въ воспоминаніи привычные образы и картины. Еще ни разу въ Крыму не пробуждалось во мнѣ желанія войти въ суетливую среду свѣтской общественной жизни, но тутъ, ни съ того, ни съ сего, мнѣ захотѣлось, чтобы въ моей комнатѣ появилась толпа знакомыхъ, наполнила бы ее оживленною свѣтскою болтовней, веселымъ женскимъ смѣхомъ и огласила бы ее мелодическими звуками какого-нибудь моднаго романса. Желаніе, правда, довольно странное, но это со мною бываетъ, подобно тому, какъ иногда у меня является желаніе поѣсть кислой капусты или лавочной трески съ лукомъ и квасомъ.

И вотъ, словно въ отвѣтъ на мою мысль, съ волною городскаго шума доносятся до меня тихіе звуки пѣнія. Нѣтъ!.. мнѣ это показалось Нѣтъ! опять прозвучала легкая рулада и тотчасъ же смолкла. Голосъ, несомнѣнно женскій, пріятный и обработанный. Я почему-то сталъ ожидать, что непремѣнно исполнится мое желаніе и я услышу пѣніе. Немного погодя, дѣйствительно опять симпатичный женскій голосъ сталъ напѣвать какъ будто про себя, вполголоса, красивую арію изъ оперетки Одрана «Маскотта»:

«Готова я ни ѣсть, ни пить,
«А все тобою любоваться...»

Я невольно вскочилъ и поспѣшилъ выйти на балконъ, чтобы лучше слышать арію. Къ моему удивленію и, по правдѣ сказать, къ большому удовольствію, оперною сценой на этотъ разъ былъ сосѣдній балконъ.

На балконѣ, удобно развалясь въ соломенномъ креслѣ-качалкѣ, которое стояло немного наискось у другой боковой стороны балкона, полулежала молодая женщина. Наружность ея была одною изъ тѣхъ, которыя удостоиваются отъ многихъ только мимолетнаго взгляда, но передъ которыми за то останавливается вниманіе наблюдателя вообще, а эстетика въ особенности.

Бѣлокурые, золотистые волосы ея граціозно выглядывали изъ подъ совсѣмъ простой съ довольно широкими, круто-загнутыми полями желтой соломенной шляпки, кокетливо оттѣнявшей ея блѣдно-розовыя щеки. Голубой утренній не то

полукорсажъ, не то полукорсетъ обрисовывалъ ея замѣчательно тонкую талію сравнительно съ ея роскошнымъ бюстомъ. Бѣлая, коротенькая, кружевная юбка открывала высоко ея стройныя ноги въ голубыхъ шелковыхъ чулкахъ и бронзовыхъ маленькихъ туфелькахъ - шэвре. Ножки были само совершенство и граціозно покоились одна на другой на средней перекладинѣ металлической рѣшетки балкона.

Великій знатокъ и цѣнитель женской красоты, Пушкинъ, воспѣвая стройныя ножки женщины, не утерпѣлъ и сдѣлалъ колкое, но справедливое замѣчаніе, что врядъ-ли найдется въ цѣлой Россіи три пары стройныхъ женскихъ ногъ. Если бы Пушкинъ увидѣлъ ножки ялтинской Маскотты, то навѣрно, не задумываясь, согласился бы признать, что одна изъ трехъ паръ на цѣлую Россію женскихъ стройныхъ ногъ нашлась и безспорно принадлежитъ ялтинской Маскоттѣ, которая, впрочемъ, ничуть не подозрѣвая моего близкаго сосѣдства и моихъ размышленій о красотѣ ея ногъ, усердно продолжала пришивать crêpe lisse къ воротничку какого-то изъ яркой лѣтней матеріи лифа и напѣвать вполголоса продолженіе куплетовъ аріи:

«Съ тобой, ей-Богу, пропадешь,
«Ты чудо, чудо, какъ хорошъ» и т. д.

Чтобы не обезпокоить прелестную Маскотту, я постарался осторожно, безъ малѣйшаго шума, опуститься на стулъ на балконѣ; но извѣстно, что забота объ осторожности всегда хуже незаботы о ней: стулъ на неровномъ свинцовомъ полу балкона покачнулся, ударился о мраморный столикъ, столикъ о рѣшетку балкона, и шумъ произошелъ.

Маскотта быстро повернула ко мнѣ голову. Неожиданность моего близкаго къ ней сосѣдства выразилась такъ комично на ея миловидномъ лицѣ, что я невольно расхохотался.

Мой смѣхъ смутилъ ее. Мы оба привстали, и она, обернувшись къ двери балкона, стала звать: Лиличка! Лиличка!

Изъ окна, у самыхъ дверей балкона высунулось хорошенькое, румяное личико молодой женщины—шатенки, а въ дверяхъ въ то же время появилась третья женская молодая фигура въ наброшенномъ на-скоро на плечи большомъ платкѣ, прикрывавшемъ, очевидно, ея утреннее неглижэ.

Я поспѣшилъ представиться сосѣдкамъ, извиняясь, что потревожилъ ихъ утреннее уединеніе и просилъ позволенія быть знакомымъ, какъ сосѣду по волѣ судебъ.

Дамы переглянулись. Мимолетный мимическій переговоръ и совѣтъ ихъ глазъ, должно быть, оказался для меня благопріятнымъ. Мнѣ было сказано нѣсколько словъ привѣтствій, и такимъ образомъ разговоръ завязался, а черезъ нѣсколько минутъ мы уже были знакомы.

— Только какъ же это, въ какомъ мы туалетѣ-то съ вами познакомились, замѣтила Маскотта, нерѣшительно переглянувшись съ Лиличкой.

Я отвѣчалъ, что мы не въ небесной имперіи, гдѣ необходимо соблюдать всѣ 300 тысячъ китайскихъ церемоній, и не въ черноземной имперіи, гдѣ безъ ужимки и кривляній не дозволяется сказать ни одного слова. «Посмотрите!—прибавилъ я—мы между небомъ и землей, въ области воздушнаго пространства, въ царствѣ грёзъ и фантазій; поэтому, надо же быть снисходительнымъ къ случаю, доставившему мнѣ удовольствіе видѣть васъ въ чарующемъ костюмѣ, въ которомъ мнѣ никогда не пришлось бы увидѣть васъ при другихъ обстоятельствахъ».

— Пожалуйста, безъ любезностей! отвѣтила, разсмѣявшись на мою тираду, Маскотта.

— Какая же это любезность—это сама сущая правда, протестовалъ я, тоже смѣясь.

— Пожалуйста, пожалуйста, безъ любезностей! подтвердила Маскотта, приподнявъ слегка свои изящныя руки и сложивъ при этомъ колечкомъ тонкіе указательный и большой пальцы.

Впрочемъ, дамы все-таки остались довольны этою моею, нѣсколько банальною, любезностью, но безъ которой я навѣрное потерялъ бы въ ихъ пріязни. Безъ маленькихъ комплиментовъ первое знакомство съ дамами никогда не бываетъ оживленнымъ, и современные волтеріанцы напрасно возстаютъ противъ этого.

Знакомство завязалось; дамы разсказали мнѣ, что онѣ только два дня въ Ялтѣ и лишь сегодня едва успѣли оправиться отъ ужасной морской болѣзни послѣ переѣзда изъ Та-

ганрога по Азовскому и Черному морямъ, что онѣ постоянно живутъ въ Москвѣ, но имъ тамъ скучно стало оставаться цѣлое лѣто на дачѣ, и вотъ онѣ поѣхали попутешествовать немножко по Россіи, были на Волгѣ и заѣхали въ Ялту. Такъ какъ и я былъ въ первый разъ въ Ялтѣ, то онѣ очень любезно предложили мнѣ осматривать ее вмѣстѣ.

Прогулка по Ялтѣ.

Въ изящной, четырехъ-мѣстной соломенной плетенкѣ, запряженной въ пару лошадей и защищаемой отъ солнца плоскимъ, во всю ширину и длину экипажа, зеленымъ, матерчатымъ зонтомъ, который слегка покачивался на своемъ высокомъ стержнѣ, ѣхали мы по шоссированнымъ улицамъ новой части города Ялты.

Маскотта и Лиличка, раздушенныя, расфранченныя, цвѣтущія какъ розы, сидѣли на первой скамьѣ, а я съ Катишей на второй, противъ нихъ.

Дамы были въ восторгѣ отъ Ялты! Кокетливые домики разнообразнаго стиля, новыхъ построекъ, драпированныхъ въ южную растительность, позолоченную лучами полуденнаго солнца, возбуждали въ нихъ нѣсколько даже экзальтированное настроеніе духа.

Но такъ какъ на городскихъ улицахъ самая роскошная флора всегда прячется за заборами домовъ, то и патетическіе восторги впечатлѣній роскошью природы не могутъ долго продолжаться и легко разбиваются о какую-нибудь изъ обычныхъ злобъ улицы. То же повторилось и здѣсь. Проѣзжая мимо какой-то татарской сакли, мы вдругъ почувствовали присутствіе востока; на насъ повѣяло такимъ восточнымъ ароматомъ, что барыни мои еле-еле успѣли спрятать свои носики въ раздушенные платки. Маскотта даже при этомъ чихнула, страшно разсердилась на Ялту и прекратила на-

чавшіяся было съ ея стороны нападки на своего мужа за то, что онъ съ своими нескончаемыми городскими дѣлами не могъ до нынѣшняго лѣта даже догадаться посовѣтовать ей пожить лѣтомъ въ Ялтѣ, по поводу чего она уже сочиняла въ своей головѣ престрогое ему письмо.

Чтобы изгладить дурное впечатлѣніе, я поспѣшилъ обратить вниманіе своихъ спутницъ на прелесть южной зелени и на уютность ялтинскихъ дачныхъ садиковъ, замѣтивши мимоходомъ, что жить на дачѣ, если долго оставаться въ Ялтѣ, было бы несравненно лучше и удобнѣе, чѣмъ въ гостинницѣ. Съ этимъ сейчасъ же согласились мои дамы, но все-таки интересъ къ окружающей природѣ у нихъ уже прервался и онѣ скоро порѣшили вернуться въ гостинницу, такъ какъ грязные переулки, закоулки и базарная суета старой части города Ялты окончательно имъ не пришлись по вкусу.

Мы подъѣхали къ гостинницѣ; до обѣда еще оставалось часа два, и я предложилъ отправиться въ новый городской садъ, чтобы осмотрѣть его и кстати прогуляться. Городской садъ расположенъ невдалекѣ отъ гостиннины «Россія» и выходитъ на приморскую набережную. Садъ очень мило разбитъ; цвѣточныя клумбы и дорожки заботливо содержатся, а молодыя лучшихъ крымскихъ породъ деревья и кустарники быстро разростаются и обѣщаютъ въ близкомъ будущемъ превратить этотъ городской садъ въ лучшее украшеніе Ялты. Садъ устроенъ Ялтинскою городскою думою, за счетъ установленнаго съ каждаго проживающаго болѣе семи дней въ Ялтѣ курсиста, единовременнаго сбора по пяти рублей съ лица.

Томительная жара заставила насъ скоро вернуться домой, и я получилъ отъ сосѣдокъ приглашеніе войти въ ихъ комнату. Это была громадная, роскошная комната, съ цвѣтнымъ бархатнымъ ковромъ во весь полъ и съ бархатною мягкою мебелью. Въ глубинѣ комнаты стояли двѣ массивныя краснаго дерева кровати, съ пружинными высокими матрацами, изящно убранныя и драпированныя кружевными покрывалами. Вдоль задней стѣны тянулись платяные шкапы, потомъ шкапы съ выдвижными ящиками, стоячія круглыя вѣшалки, на которыхъ изъ подъ занавѣски вились спиралью подолы кружевныхъ юбокъ; въ углахъ были разставлены громадные кар-

тоны съ выглядывающими изъ полуприподнятыхъ крышекъ пестрыми цвѣтниками лѣтнихъ нарядовъ. Простѣнныя зеркала сіяли отраженіемъ всей разнообразной обстановки и нарядовъ женской комнаты, совмѣщавшей въ себѣ и гостинную, и будуаръ, и спальню. Изъ полуотворенныхъ дверей балкона и изъ подъ опущенныхъ сторъ большихъ оконъ пробивались полосками яркіе лучи солнца, рѣзко освѣщая въ воздухѣ поднимавшуюся съ пушистаго ковра тонкую пыль. Въ жаркой атмосферѣ комнаты чувствовался одуряющій ароматъ женщины, запахъ ея юбокъ, бѣлья, кружевъ, волосъ и туалетныхъ, раздушенныхъ принадлежностей.

Утомленныя жарой и прогулкою, дамы поспѣшили броситься въ мягкія кресла и лѣниво и нехотя начали - было вести разговоръ, походившій скорѣе на мурлыканье; но и такой разговоръ скоро прекратился. Всѣ замолчали и погрузились въ ту полудремоту, которая нападаетъ послѣ южнаго зноя въ полутемной, прохладной комнатѣ и при которой даже передъ открытыми глазами - начинаютъ пробѣгать свѣтлые, какъ будто дымчатые образы, создаваемые нѣжащимся, утомленнымъ воображеніемъ.

— Однако, господа, надо бы идти купаться .. напомнила, наконецъ, минутъ черезъ 20 Катиша: — до обѣда ужь немного времени осталось!

— Да, надо бы идти! отвѣтила, оживляясь, Маскотта. — А во что мы одѣнемся къ обѣду? обратилась она къ Лиличкѣ.

Лиличка задумчиво поглядѣла на Маскотту и на Катишу и промолчала.

— Совершенно не во что одѣться, проговорила въ раздумьи Маскотта.

— Неужели не во что одѣться! удивился я и разсмѣялся, обводя взглядомъ комнату.

— Ничего вы не понимаете, идите лучше скорѣе купаться, улыбнулась и махнула мнѣ рукой Маскотта.

Пожелавъ успѣшнаго окончанія предстоящей конференціи, я отправился въ купальню и съ удовольствіемъ бросился въ волны прибоя Ялтинской бухты, уже не обращая вниманія на тусклый цвѣтъ здѣшней морской воды.

Въ капищѣ Мамона.

Столовая гостинницы «Россія» занимаетъ громадную, обставленную прекрасною меблировкою залу и, не смотря на свои бѣлыя лѣпныя стѣны, постоянно погружена въ полумракъ

Дневной свѣтъ проникаетъ сюда чѐрезъ окружающіе все зданіе гостинницы балконы съ широкими висячими террасами, которыя поддерживаются частыми рѣзными колонками и забраны снаружи рѣшетчатыми переплетами, устроенными для драпировки фасада гостинницы вьющимися растеніями.

Такой полусумракъ столовой залы въ жаркое время дня, конечно, доставляетъ своего рода пріятность, но публика все-таки предпочитаетъ обѣдать на выходящихъ на море открытыхъ террасахъ гостинницы. Поэтому-то сервированные къ обѣду въ залѣ столики неохотно занимаются публикою, а всѣ обыкновенно спѣшатъ занять столики на террасахъ; отъ этого ихъ иногда не хватаетъ, хотя ихъ наставлено на террасахъ даже больше, чѣмъ слѣдовало бы по величинѣ террасы.

Когда мы, т. е. я и сосѣдки, вошли на террасу, то уже всѣ столы были заняты. Терраса сплошь представляла собою густую массу, пестрѣвшую смѣсью нарядовъ и лицъ. Говоръ, стукъ ножей и тарелокъ, топотъ непрерывной бѣготни лакеевъ носились въ воздухѣ, какъ торжественный гимнъ жрецовъ передъ Мамономъ, а запахъ человѣческаго дыханія, специфически измѣненнаго ѣдой и виномъ, смѣшанный съ несущимися парами отъ разнообразныхъ горячихъ суповъ, жаркихъ и соусовъ, представлялъ собою фиміамъ, вполнѣ достойный этого капища бога Мамона.

Въ одномъ углу террасы раздавался рѣзкій женскій хохотъ. Это былъ даже не хохотъ, а скорѣе какое-то рѣзкое, густое, гортанное клокотаніе. Мы невольно обернулись въ сторону веселящейся особы. Она въ эту минуту только-что окончила свое жертвоприношеніе и, вставъ изъ-за стола-жертвенника, направилась къ выходу съ террасы на встрѣчу намъ въ сопровожденіи обѣдавшаго съ нею кавалера.

Барыня была высокаго роста и удивительно неуклюжаго сложенія. Точно кто-нибудь, ради шутки, взялъ да и вздернулъ у ней вверхъ: животъ, талію, груди и щеки, да потомъ такъ и оставилъ, позабывъ привести все это въ должный порядокъ; только длинненькая узенькая полоска носа не была захвачена шутникомъ и потому какимъ-то клювомъ смотрѣла внизъ, а по сторонамъ этого клюва сѣренькіе глазки съ какою-то возмутительною смѣлостью и, пожалуй, даже дерзостью смотрѣли изъ подъ бѣлесоватыхъ рѣсницъ прямо въ упоръ каждому.

У выходныхъ дверей эта особа остановилась, сказала что-то своему кавалеру и затѣмъ, обведя глазами всю террасу, вдругъ разразилась, ко всеобщему удивленію, рѣзкимъ, раздававшимся на всю террасу клокотаніемъ. Вся масса жертвоприносителей оглянулась и вопросительно смотрѣла на хохотавшую особу, оставаясь въ тѣхъ позахъ, въ которыхъ засталъ эту массу первый взрывъ необычайнаго хохота. Кто держалъ высоко ложку съ горячимъ супомъ, и эта ложка уже-было достигшая рта, вдругъ очутилась противъ уха, когда владѣлецъ этого рта оглянулся! Кто держалъ ножикъ и вилку, занесенные надъ кускомъ бифштекса, или ростбифа, какъ держитъ свои палки барабанщикъ, собирающійся ударить дробь и при этомъ нарочно повернувшій голову и наклонившій ухо, чтобы лучше слышать, какъ выйдетъ дробь. Одна барыня, ѣвшая спаржу и только-что было раскрывшая свой ротикъ колечкомъ, чтобы обсосать, покрытый соусомъ, кончикъ спаржи, оглянулась съ этою пикантною миной обсасыванія, а кончикъ спаржи, согнувшись дугой, капалъ ей на грудь свой бѣлый соусъ! Позы оглянувшихся были самыя разнообразныя. Хохотавшая особа еще разъ обвела всѣхъ глазами, взвизгнула и скрылась въ дверяхъ.

— Какъ она хохочетъ! съ изумленіемъ проговорила Личка.—Кто это? Вы не знаете? спросила она меня.

— Не знаю! отвѣчалъ я, засмѣявшись:—но готовъ держать пари, что это какая-нибудь отрасль нашего именитаго купечества, но никакъ не сама купеческая именитость — тѣ своеобразны немножко иначе.

— Почему же вы такъ думаете? спросила Маскотта.

— А потому, отвѣчалъ я:—что подобная нахальная безцеремонность и публичное игнорированіе общественныхъ приличій взращивается лишь подъ отраженными лучами червоннаго золота и вскармливается на обѣдахъ съ двухъ аршинными стерлядями, постнымъ масломъ и свѣжею земляникою въ декабрьскіе морозы.

Мы заняли освободившійся столъ, и дѣйствительно, на мой вопросъ, кто была сейчасъ удалившаяся особа, лакей объяснилъ, что это племянница одного извѣстнѣйшаго московскаго купца-милліонера.

Обѣдъ былъ очень хорошъ и весьма разнообразенъ. Къ концу обѣда барыни мои занялись рѣшеніемъ вопроса, какъ провести вечеръ. Не рѣшивъ его окончательно, обратились за совѣтомъ ко мнѣ. Я сразу не могъ сообразить, такъ какъ самъ еще былъ новичкомъ въ Ялтѣ. Отобѣдали мы слишкомъ рано, было всего три часа; предложить гулять—и такъ устали; сидѣть, наслаждаясь dolce-farniente, какъ я обыкновенно дѣлывалъ до Ялты — о такомъ предложеніи нечего было и думать: сосѣдки мои все равно не усидѣли бы, если бы даже и согласились теперь. Поэтому, я предложилъ на сегодня ѣхать на лодкѣ осматривать панораму южнаго берега Крыма отъ Ливадіи до мыса Ай-Тодора. Оно мнѣ было и кстати, такъ какъ эту часть берега я не видѣлъ съ моря за темнотой, когда ѣхалъ изъ Симеиза въ Ялту.

— Ну, хорошо! согласились дамы.—А послѣ что?

— А послѣ спать, отвѣчалъ я.

— Ну ужь это вамъ вотъ что! тихонько показала мнѣ рукою носъ Маскотта.

Я долженъ былъ справиться у лакея, какія имѣются въ Ялтѣ по вечерамъ увеселенія въ родѣ концертовъ, театровъ, танцовальныхъ вечеровъ и т. п. Оказалось, что ялтинскимъ

курзаломъ служитъ клубъ, гдѣ три раза въ недѣлю чередуются съ концертами и танцами театральныя представленія. Этотъ день былъ очереднаго танцовальнаго вечера. Рѣшили, если послѣ катанья на лодкѣ будемъ въ духѣ, сходить въ клубъ.

На шлюпкѣ среди волнъ.

асовъ около пяти пополудни, я съ тремя сосѣдками и съ однимъ изъ общихъ нашихъ знакомыхъ, бывшимъ кавалерійскимъ офицеромъ удобно размѣстившись въ легкой трехъвесельной шлюпкѣ на покрытыхъ ковриками скамейкахъ, отправились совершать морскую прогулку. Шлюпка плавно скользила по зыби Ялтинской бухты. Море было спокойно, лишь только изрѣдка гребни волнъ прибоя завертывались пѣною бѣлыхъ зайчиковъ. Погода стояла прелестная—совершенно безвѣтренная; на голубой лазури горизонта тамъ и сямъ висѣли недвижимо кучевыя скопленія бѣлыхъ облаковъ; даль же горизонта была какъ будто прикрыта прозрачнымъ флёромъ. Жгучей жары уже не было, но за то въ воздухѣ томительно парило, какъ обыкновенно бываетъ передъ дождемъ.

Въ веселомъ настроеніи духа и подъ вліяніемъ духоты, усиливавшей жажду, мы ѣли фрукты, пили вино и болтали тѣмъ общеизвѣстнымъ тономъ разговора, который ведется большинствомъ салонныхъ кавалеровъ съ дамами и въ особенности съ дѣвицами. Передать сущность этого разговора очень трудно, несмотря на кажущуюся его лёгкость. Построенный на соревнованіи въ свѣтскомъ остроуміи, обыкновенно лишь воображаемомъ, и на ловлѣ другъ друга на словахъ, при быстромъ темпѣ болтовни, разговоръ этотъ все-таки требуетъ умственнаго акробатства; раздражаетъ нервы и женщинъ, и мужчинъ своею двухсмысленною пустотой и напря-

гаетъ до каррикатурной неестественности всегда изящную въ своей простотѣ силу женственности, превращая въ то же время мужчину во взыгравшаго безъ всякой причины теленка. Такой тонъ разговора еще весьма естественъ и понятенъ въ устахъ влюбленныхъ подростковъ, когда самый разговоръ ведется собственно не умомъ, а сердцемъ; но когда этимъ тономъ безсодержательной болтовни принимаются занимать своихъ дамъ кавалеры, уже перевалившіе за тридцать лѣтъ, то это ужь сводится къ жалкому паясничеству. Вѣдь какъ интересенъ и живъ разговоръ съ женщиной, когда онъ простъ, естественъ и когда въ немъ не выражается покровительственный тонъ со стороны мужчины, якобы снисходящаго съ высоты своего умственнаго превосходства! Женственная, изящная легкость взглядовъ, высказываемыхъ всегда мило, скромно и неувѣренно, и притомъ оживляемыхъ прирожденною игривостью воображенія съ придачею неизбѣжнаго маленькаго кокетства, ей-Богу, стоютъ большинства умныхъ до глупости рѣчей нашихъ доморощенныхъ Демосѳеновъ-дѣльцовъ. Но мажорный тонъ свѣтской болтовни былъ уже по привычкѣ взятъ милѣйшимъ кавалеристомъ слишкомъ высоко и сразу понизить его ему было нелегко.

Мы плыли мимо Ливадіи, расположенной на мысу, образующемъ Ялтинскую бухту. Это знаменитое царское имѣніе, по великолѣпію и красотѣ своего внутренняго устройства, сравнивается съ Петергофомъ, но считается лучше его вслѣдствіе своей очаровательной обстановки южной природы, величественныхъ горъ и открытаго моря. Мы не заѣзжали въ Ливадію, такъ какъ осмотръ ея былъ воспрещенъ публикѣ, но мы разсчитывали увидѣть всѣ ливадійскія красоты издали съ моря... и обманулись. Ливадія издали—какъ съ шоссейной дороги, такъ и съ моря---представляется сплошнымъ моремъ зелени, въ непроглядной глубинѣ котораго погружены всѣ чудеса роскошныхъ царственныхъ сооруженій. Единственная видимая съ моря ливадійская постройка—это изящная царская купальня. За Ливадіей слѣдуетъ Оріанда, имѣніе В. К. Константина Николаевича, съ выдвинувшимися въ море дикими скалами и съ разстилающеюся вверху ихъ зеленью роскошныхъ лѣсовъ, тянущихся вплоть до вершинъ

Крестовой горы, гдѣ на высшей точкѣ ея водруженъ простой деревянный крестъ.

— А въ Ялтѣ-то дождь! проговорилъ, какъ бы въ раздумьи, одинъ изъ нашихъ гребцовъ.

Мы повернули головы. Дѣйствительно, линія горизонта со стороны Ялты вся была подернута какъ бы спущеннымъ съ неба сѣрымъ густымъ полосчатымъ занавѣсомъ, сквозь который просвѣчивали клубившія, темныя, дождевыя облака.

— Ну, какъ грянетъ дождь! заговорили невольно всѣ мы и спросили гребцовъ: скоро-ли онъ можетъ дойти сюда?

— Да какъ сказать, отвѣчали тѣ:—думается, что успѣемъ добраться до Ай-Тодора, а тамъ можно будетъ высадиться и обождать.

— Наваливай! крикнулъ на гребцовъ кавалеристъ, управлявшій рулемъ, и лодка заскользила быстрѣе впередъ.

Живописно выдавшійся тремя отдѣльными утесами въ море Ай-Тодорскій мысъ, съ выдолбленными дѣйствіемъ морскихъ прибоевъ дикими, скалистыми пещерами въ подошвахъ его утесовъ, былъ видѣнъ весь, какъ на ладони, сверху до низу. Онъ весь рельефно выступилъ передъ нами съ своимъ маякомъ наверху одного изъ утесовъ, съ своею небольшою бухточкою, усѣянною по берегу гладкими валунами, и съ своею небольшою зеленѣющею полянкою, раскинутою вверхъ по широкому скату крайняго восточнаго утеса.

Близость разстоянія трудно опредѣляется въ морѣ простымъ глазомъ: на глазомѣръ кажется очень близко, а поѣдешь, смотришь потребуется цѣлый часъ времени. Гребцы, видимо озабоченные, чтобы дождь не нагналъ насъ въ пути, усиленно работали веслами и лодка быстро приближалась къ Ай-Тодору. Мы были уже почти въ самой бухтѣ, когда одинъ изъ гребцовъ, бросивъ весла, объявилъ, что теперь дождь уходитъ въ море и что всякая опасность миновала. Мы посмотрѣли въ сторону Ялты. Дѣйствительно, тамъ горизонтъ очищается и темно-сѣрая полосатая завѣса вмѣстѣ съ тучей тихо неслась въ морскую даль. Такъ какъ мы рѣшились выходить въ Ай-Тодорѣ только чтобы укрыться отъ дождя, то теперь въ этомъ не было никакой надобности и мы не медля повернули въ обратный путь.

Съ полчаса времени проѣхали назадъ благополучно, но въ воздухѣ все болѣе и болѣе стала чувствоваться какая-то особая томящая духота; море сдѣлалось покойнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ мрачнѣе, вѣтеръ совершенно стихъ. Гребцы какъ-то тревожнѣе и тревожнѣе посматривали по сторонамъ и спѣшно работали веслами.

Вдругъ легкій вѣтерокъ пронесся надъ нами и обдалъ намъ лица освѣжающею, мимолетною прохладой, а затѣмъ опять настала тишина. Сумракъ становился гуще; я взглянулъ на небо по направленію къ Ялтѣ. Изъ-за вершинъ горной цѣпи выползала волнистая грозная туча, имѣвшая, при вечернемъ освѣщеніи солнца, густой розовый цвѣтъ, какъ пожарное зарево.

Дамы наши совсѣмъ не сознавали той опасности, которая грозила всѣмъ намъ, быть можетъ, смертью среди моря, и весело, съ обычною безпечностью продолжали болтать. Лица гребцовъ приняли суровый видъ, какъ будто предстояло имъ совершить какой-нибудь священный обрядъ или вступить въ грозное святилище!

Упали двѣ-три капли дождя.

Маскотта, смѣясь, прикрыла свою изящную шляпку носовымъ платкомъ; ея примѣру послѣдовали и Лиличка съ Катишей.

Вдругъ блеснула молнія и прокатился отрывистый съ раздирающимъ трескомъ громовой ударъ. Всѣ вздрогнули и какъ-то закоченѣли на своихъ мѣстахъ! Море сразу стало совсѣмъ чернымъ, какъ будто вздулось, дрогнуло и покрылось крупною рябью отъ дождя. Но это былъ уже не дождь. Это былъ страшной силы ливень. Падали не капли, а какіе-то шлепки воды, которыя обливали сразу всего и промачивали платье насквозь.

Рванулся вѣтеръ и ровная поверхность моря превратилась вдругъ въ какую-то изборожденную, изрытую пашню, среди которой быстро стали образовываться гряды грозныхъ валовъ морскихъ волнъ. Засверкала непрерывная молнія, оглушительные раскаты грома въ перебой слѣдовали другъ за другомъ и, казалось, зашатали море въ самомъ его основаніи.

Нашу несчастную шлюпку подбрасывало вверхъ и внизъ,

какъ щепку. Вздымавшіеся валы морскихъ волнъ какъ будто въ перегонку бѣжали, чтобы поглотить ее вмѣстѣ съ нами. Обрушиваясь всею своею массой, они подбрасывали ее вверхъ и обрызгивали насъ, какъ будто въ ярости безсильной злобы, своими пѣнящимися вершинами.

Гребцы ожесточенно налегали на весла и хриплыми голосами постоянно кричали нашему рулевому: къ берегу! къ берегу!

Руль плохо повиновался, шлюпку сильно тянуло въ открытое море. Но вотъ, наконецъ, кое-какъ справились и стали мало-по-малу приближаться къ берегу. Тутъ неожиданно появилась для насъ новая смертельная опасность. Около Оріанды берегъ сплошь усѣянъ подводными камнями и наша шлюпка моментально могла бы разбиться въ мелкія щепки, если бы только мы осмѣлились слишкомъ близко подойти къ берегу. Положеніе было критическое. Даже привыкшіе къ морю гребцы, и тѣ видимо стали терять голову.

Буря еще только начинала разыгрываться и никому неизвѣстно было, до какой степени ярости она достигнетъ. Въ открытомъ морѣ предстояла явная смерть всѣмъ, у берега же хоть маленькая надежда, что морскія волны выбросятъ кого-нибудь изъ насъ, наиболѣе счастливыхъ, живыми на берегъ!..

— Къ берегу! къ беррегу! съ удвоенною силою кричали и работали веслами гребцы.

Дамы, донельзя перепуганныя—нужно отдать имъ справедливость—держали себя замѣчательно сдержанно. Маскотта съ Катишей, блѣдныя какъ полотно, молча и безъ слезъ, усѣлись на корточкахъ на днѣ, Лиличка же осталась сидѣть на скамьѣ, ухватившись обѣими руками за бортъ лодки. Чтобы скрыть отъ глазъ страшную картину отчаяннаго положенія нашей шлюпки среди морскихъ волнъ, я досталъ со дна шлюпки брезентъ и накрылъ имъ дамъ.

Вѣтеръ крѣпчалъ. Сквозь свистъ и вой вѣтра, какимъ-то стономъ отчаянія звучали непрерывные возгласы гребцовъ: къ беррегу! къ беррегу!

Едва я успѣлъ прикрыть барынь брезентомъ, какъ сильный порывъ вѣтра рванулъ брезентъ и онъ, чернымъ клубомъ

пронесшись надъ гребнями пѣнящихся волнъ, улетѣлъ въ море... Этимъ же порывомъ вѣтра сорвало шапки съ головъ гребцовъ. Скрытая-было брезентомъ отъ глазъ картина бѣснующихся волнъ, снова появилась передъ нами въ еще болѣе ужасающемъ, отчаянномъ видѣ! Прыгавшія въ какой-то бѣшеной скачкѣ, то черныя, то сѣдыя гряды волнъ, готовыя каждое мгновеніе захлеснуть нашу ничтожную шлюпченку со всѣми нами, блѣдно-синія при яркомъ освѣщеніи молніи лица гребцовъ, безъ шапокъ, съ развѣвающимися волосами, съ широко-раскрытыми ртами, искривленными непрерывнымъ воплемъ отчаянія: къ берегу! къ берегу!—наводили оцѣпеняющій ужасъ!!!..

У Катиши дрогнули щеки, лицо все сморщилось, стало маленькимъ, маленькимъ, по щекамъ, смѣшиваясь съ каплями дождя, покатились тихія слезы. Блѣдное лицо Маскотты сдѣлалось сосредоточеннымъ; она крестилась...

Вверху, въ глубинѣ тучи, непрерывно освѣщенной заревомъ молніи, слышенъ былъ страшный ревъ бури... Этотъ ревъ звучалъ въ нашихъ ушахъ, какъ смертельный приговоръ, произносимый надъ нашею несчастною шлюпченкой разгнѣванными стихіями. Для всѣхъ очевидно было, что какъ только эта верховая буря спустится внизъ къ морской поверхности... тогда все кончено... нашъ слѣдъ простылъ... Какъ будто подслушавъ этотъ приговоръ, черныя съ бѣлыми гребнями гряды волнъ закружились и запрыгали около нашей шлюпки въ еще большемъ остервененіи. Шлюпка, избѣгая ихъ ярости, начала метаться во всѣ стороны; она то взлетала на самый верхъ бѣсновавшихся волнъ, то, накренившись на бокъ и какъ будто вся трепеща, скользила внизъ до самаго дна волны, какъ будто желая погрузиться на дно моря, но вдругъ, на самомъ днѣ волны, перевалившись на другой бокъ, она опять быстро взлетала на вершину новой волны, готовившейся-было уже, какъ казалось, захлеснуть ее своею водяною, пѣнящеюся массой.

Все болѣе и болѣе съ каждою минутой, съ каждою секундой приближался ужасный моментъ, когда наша погибель казалась неизбѣжною. Отчаяніе безнадежнаго, безпомощнаго положенія уже охватывало насъ... Но вдругъ оглушительные

громовые удары какъ-то сразу заглохли и послышались уже въ другой сторонѣ, гдѣ-то далеко... Море и небо, свѣтившіяся только-что сплошнымъ огнемъ молній, вдругъ потемнѣли. Вѣтеръ куда-то умчался. Стало тихо... Ни грома, ни молніи. Дождевой ливень моментально исчезъ и замѣнился обыкновеннымъ дождемъ, который тоже скоро прекратился. Бѣшеный перебой волнъ сразу улегся и по успокоившейся поверхности моря побѣжали веселые барашки, которые съ убаюкивающимъ плескомъ и журчаніемъ начали покачивать нашу шлюпку, какъ дѣтскую колыбель... Въ душѣ засіяло солнце жизни и зазвучала радостная пѣснь избавленія.

Мы всѣ начали усердно креститься. Не даромъ говорятъ, что кто въ морѣ не бывалъ, тотъ всласть Богу не маливался...

Да, я вамъ скажу, смотрѣть съ берега на бурное море и любоваться его страшною картиной, дѣйствительно, высокая поэзія, но, сохрани Богъ каждаго сдѣлаться дѣйствующимъ лицомъ на зыбкой сценѣ этого поэтическаго представленія, въ особенности же находясь во время этого представленія на утлой лодкѣ или мизерной шлюпкѣ...

Мы всѣ сразу вздохнули свободно, весело заговорили и стали радостно глядѣть на Божій свѣтъ, хотя на насъ буквально не было ни одной нитки сухой. До Ялты оставалось еще по крайней мѣрѣ съ часъ ходу, если только не больше. Какъ ни утомлены были наши гребцы, но сознаніе, что страшная опасность миновала, придало имъ новыя силы и они неутомимо и быстро работали веслами.

— Однако вы, ребята, замѣтилъ я гребцамъ:—и сами-то шибко перепугались.

— А то какже! заговорилъ сурово одинъ изъ нихъ.—Съ моремъ шутить нельзя... Плохія шутки... Въ прошломъ году меня въ этомъ же самомъ мѣстѣ захватила буря, да я былъ тогда не на такой скорлупѣ, а на большомъ парусномъ баркасѣ. Какъ ни старались всѣ мы—насъ было много—а и то не справились. И занесла насъ тогда буря въ открытое море, такъ мы двое сутокъ, и день, и ночь, носились по морю, ужь какъ только Богъ спасъ... за чьи молитвы— не знаю, а то быть бы всѣмъ намъ на днѣ...

— А мнѣ, заговорилъ другой:—пришлось вотъ здѣсь же,

лѣтъ съ пятокъ тому назадъ, когда еще была война, ѣхать съ тремя господами, два штатскихъ и одинъ офицеръ; на насъ вотъ также, какъ теперь, налетѣлъ шквалъ, да только немножко покрѣпче. Мы бросились спасаться къ берегу... И вонъ тамъ у мыска... насъ опрокинуло, такъ одинъ баринъ утонулъ, а то, милостивъ Господь!.. всѣхъ насъ выбросило на берегъ...

Отъ этихъ разсказовъ и еще болѣе отъ промокшаго насквозь платья пронимала дрожь, очевидно, простудиться было легко и, слѣдовательно, легко потерять всѣ результаты цѣлаго курса леченья. Наконецъ-то дотащились мы кое-какъ до Ялты, взяли поскорѣе у пристани извощиковъ и вскачь понеслись къ гостинницѣ. Всѣ мы были похожи на мокрыхъ курицъ! Оставивъ въ сторонѣ всякую заботу о соблюденіи свѣтскихъ цирлихъ-манирлихъ, бѣжали мы бѣгомъ мимо бесѣдовавшихъ, по обыкновенію, на широкой открытой площадкѣ лѣстницы гостинницы, курсистовъ, которые съ удивленіемъ провожали своими глазами нашу бѣгущую компанію.

Прибѣжавши къ себѣ въ нумеръ, я потребовалъ водки, коньяку и сталъ скорѣе ими натираться, а потомъ завалился сейчасъ же въ постель и, выпивъ стаканъ пунша, заснулъ крѣпкимъ, но все-таки тревожнымъ сномъ, не разъ прерывавшимся въ теченіи ночи отъ страшныхъ грезъ глубоко потрясеннаго воображенія.

Гурзуфъ.

Гурзуфъ, бывшее имѣніе сенатора Фундуклея, нынѣ принадлежитъ извѣстному желѣзнодорожному царьку Губонину; оно находится отъ Ялты на разстояніи около 12 верстъ. Къ нему ведетъ, какъ и ко всѣмъ окрестнымъ имѣніямъ Ялты, прекрасно устроенное и хорошо содержимое почтовое шоссе. Шоссе пробѣгаетъ въ горахъ и обросло по сторонамъ роскошною южною дикою растительностью. Видъ чрезвычайно живописный! Кажется, что

ѣдешь не по столбовой дорогѣ, а по прихотливымъ аллеямъ барскаго громаднаго парка. Мѣстами деревья, сплетаясь между собою густыми длинными вѣтвями, образуютъ цѣлыя тоннели изъ зелени, мѣстами же лѣсная растительность вдругъ пропадаетъ и какъ будто обрывается... тогда среди возвышающихся горъ открываются взору пологіе скаты, покрытые привольными лугами съ сочною, зеленою травою. Вообще, вся дорога чрезвычайно красивая.

Гурзуфъ—это одно изъ прелестнѣйшихъ имѣній на всемъ южномъ берегу Крыма! Оно расположено на покатости горы, вдающейся въ море своими скалистыми утесами. Здѣсь—живописное положеніе и богатая южная растительность, соединяясь со всевозможными затѣями барскихъ прихотей, въ родѣ роскошныхъ причудливыхъ цвѣтниковъ, фантастическихъ бесѣдокъ и обширныхъ оранжерей—очаровываетъ посѣтителя и привлекаетъ сюда Крымскихъ туристовъ, которые считаютъ для себя непремѣннымъ обязательствомъ, побывавъ въ Ялтѣ, пріѣхать погулять въ Гурзуфскомъ паркѣ.

Невдалекѣ отъ парка, по склону довольно возвышеннаго холма, расположена амфитеатромъ татарская деревня Гурзуфъ, которая своею южною стороной спускается въ удобную полукруглую бухту. Эта бухта съ одной своей стороны защищена знаменитою въ греческой миѳологіи горою Аю-Дагъ, что по-русски значитъ медвѣдь-гора. Дѣйствительно, при игрѣ сильнаго воображенія, она, пожалуй, получаетъ нѣкоторое сходство съ медвѣдемъ, припавшимъ на переднія лапы и уткнувшимъ свою острую морду въ море. Впрочемъ, эту гору нужно разсматривать съ извѣстныхъ пунктовъ со стороны Алушты, и тогда, какъ говорятъ, фигура медвѣдя выходитъ весьма отчетливо даже безъ всякаго напряженія воображенія; не даромъ же искони вѣковъ она носитъ такое названіе.

Нагулявшись достаточно по парку, я усѣлся отдыхать на скалѣ подъ сѣнью вѣтвей гигантскаго платановаго дерева. Подъ этимъ деревомъ, какъ говорятъ, любилъ засиживаться по цѣлымъ часамъ Пушкинъ, когда онъ гостилъ здѣсь, лѣтомъ 1820 года, въ семьѣ генерала Раевскаго. Подъ этимъ же деревомъ, какъ ходитъ молва, будто бы написаны имъ нѣкоторыя изъ извѣстнѣйшихъ его стихотвореній, изъ которыхъ,

громадными колоннами, стоялъ на вершинѣ горы, и лѣстница съ 40 колоссальными ступенями вела въ этотъ храмъ, гдѣ стояла статуя богини, и эта статуя не была произведеніемъ рѣзца греческихъ или другихъ какихъ-либо художниковъ, а сама явилась въ храмъ съ неба!

Никто изъ мужчинъ, этихъ заклятыхъ враговъ дѣвственности, не долженъ былъ приставать къ Аю-Дагу. Осмѣлившійся покуситься на это, непремѣнно долженъ былъ пасть подъ священнымъ ножемъ жрицы Діаны... и скоро бѣлый камень жертвенника превратился въ красный отъ частаго орошенія его кровью мужчинъ!..

Въ жрицы этого храма обыкновенно избиралась самая знатнѣйшая и благороднѣйшая по роду дѣвица, для которой уже послѣ того никогда не долженъ былъ возжигаться свѣточъ Гименея. Передъ дѣвственныя очи этой жрицы приводился каждый мужчина, пойманный амазонками въ окрестностяхъ Аю-Дага. По совершеніи извѣстныхъ религіозныхъ церемоній, онъ, какъ лютый звѣрь, ударомъ булавы по головѣ, повергался на землю, а затѣмъ сама жрица отсѣкала ему на жертвенномъ камнѣ голову, которая послѣ того привязывалась къ кресту на позоръ, а обезглавленное тѣло по крутому скату Аю-Дага сбрасывалось въ морскую бездну.

Греческій царь Агамемнонъ, предводительствовавшій флотомъ, шедшимъ къ Троѣ мстить за похищеніе прекрасной Елены, разъ позволилъ себѣ, пользуясь своею царскою силою, поохотиться въ одной изъ священныхъ рощей греческаго храма Діаны. Но за это удовольствіе онъ принужденъ былъ жестоко поплатиться!.. За рогатаго оленя, котораго удалось ему подстрѣлить въ рощѣ, онъ принужденъ былъ пожертвовать своею дочерью Ифигеніей, которая увезена была въ Тавриду и сдѣлалась тутъ обреченною на безбрачіе и безплодіе жрицей въ храмѣ Діаны, на горѣ Аю-Дагѣ.

Если Троя за рогатаго Менелая такъ дорого заплатила Греціи, то за рогатаго оленя греческой богини поплатился слишкомъ дорого самъ царь Агамемнонъ. Такой грѣхъ дочь его Ифигенія долго смывала кровью мужчинъ, убиваемыхъ ея дѣвственною рукою, пока, наконецъ, миѳологическіе друзья, Орестъ и Пиладъ, не похитили ее и не увезли опять въ Грецію.

Этотъ миѳъ объ Ифигеніи въ Таврид'ѣ нашелъ себ'ѣ великаго п'ѣвца, въ поэт'ѣ Гете, который, въ своей знаменитой трагедіи «Iphygenia in Tauris», изобразилъ мелодичнымъ, философскимъ стихомъ судьбу Ифигеніи въ храм'ѣ Діаны, ея трагическую борьбу противъ любовныхъ домогательствъ царя Ѳоаса, ея тоску по родин'ѣ и, наконецъ, похищеніе ея изъ храма, удавшееся миѳическимъ неразлучнымъ друзьямъ Оресту и Пиладу, которые и доставили ее опять на родную почву Греціи.

Прошли в'ѣка! Отъ храма Діаны не осталось никакихъ сл'ѣдовъ, а сама богиня Діана исчезла навсегда за облака Олимпа и уже не показывается бол'ѣе на Аю-Даг'ѣ!.. Поэтому-то, освѣжившись купаньемъ, я выходилъ изъ воды совершенно спокойно, нисколько не опасаясь быть захваченнымъ въ такомъ костюм'ѣ д'ѣвственными амазонками и нисколько не рискуя превратиться въ жертвеннаго тельца на алтар'ѣ этихъ сердитыхъ д'ѣвственницъ.

— Гурзуфъ! Гурзуфъ! не ты-ли былъ когда-то священною рощей д'ѣвственницъ?! невольно проговорилъ я вслухъ, вступая въ пустынный паркъ...

Мн'ѣ никто не отв'ѣтилъ отзывнымъ крикомъ, только дв'ѣ вороны, испуганно закаркавъ, слет'ѣли съ ближайшаго дерева и, направившись къ пустынному дворцу Губонина, скрылись въ чащ'ѣ парка.

По окрестностямъ Ялты.

Кассандра! Магарачъ! Ай-Даниль! Въ этихъ названіяхъ такъ и слышится букетъ крымскихъ винъ.

Всякіе Симеизы, Мисхоры, Лимены и прочія подобныя имена крымскихъ куортовъ никому почти неизв'ѣстны, кром'ѣ лицъ, бывавшихъ въ Крыму. Заговорите же про Крымъ съ к'ѣмъ угодно. кто даже никогда не выѣзжалъ изъ Петербурга

дальше Павловска или изъ Москвы дальше Сокольниковъ, всякій изъ нихъ непремѣнно спроситъ: «а были-ли вы въ Массандрѣ? въ Оріандѣ? въ Магарачѣ? въ Ай-Данилѣ?» Такъ сильно врѣзались эти названія въ памяти петербуржцевъ и москвичей, благодаря бутылочнымъ ярлыкамъ, вывѣскамъ и газетнымъ рекламамъ крымскихъ винныхъ погребовъ въ столицахъ.

Разумѣется, нельзя было не заинтересоваться такими знаменитостями, и вотъ я, въ одинъ прекрасный день, въ компаніи моихъ хорошенькихъ сосѣдокъ, тоже поѣхалъ осматривать эти дѣйствительно великолѣпно устроенныя и широко приноровленныя къ винодѣлію имѣнія.

Массандра, какъ и все лучшее въ Крыму, принадлежитъ князю Воронцову и на всемъ южномъ берегу Крыма представляетъ самое большое имѣніе, которое заключаетъ въ себѣ больше 800 десятинъ земли и лѣса. По своему мѣстоположенію, Массандра дѣлится на три части: на верхнюю, среднюю и нижнюю. Верхняя Массандра лежитъ на горѣ; здѣсь находятся дворецъ Воронцова и церковь съ вытекающимъ изъ подъ ея алтаря источникомъ живой воды. Средняя заключаетъ въ себѣ виноградники, обширный подвалъ и различныя хозяйственныя постройки. Наконецъ, нижняя охватываетъ собою все пространство, идущее вдоль берега моря. Тутъ обширные лѣсные парки, сѣнокосные луга, цѣлыя рощи изъ магнолій, лавровъ, миртъ, длинныя аллеи и большія группы темныхъ и тѣнистыхъ кипарисовъ всѣхъ сортовъ и видовъ, обширные цвѣтники, журчащіе фонтаны и т. п.

Все въ этомъ имѣніи очень прекрасно, одно только не прекрасно, а даже очень некрасиво: это — вопервыхъ, васъ въ нижнюю Массандру не иначе пускаютъ, какъ съ желтымъ билетомъ, а вовторыхъ, васъ обязываютъ идти по парку пѣшкомъ; недостаетъ только, чтобы васъ заставляли еще снимать сандаліи у воротъ этого священнаго парка.

Для чего впускные билеты—никто не знаетъ. Для статистики?—нѣтъ, ею никто не интересуется. Чтобы знать, кто посѣтилъ? тоже нѣтъ, паспортовъ и полицейскихъ удостовѣреній не требуется. Чтобы шатаніемъ въ контору навести скуку? въ такомъ угощеніи никто не имѣетъ надобности. Чтобы не

ломали и не портили растеній? такъ этимъ можно тѣшиться въ Крыму на каждомъ шагу, да и въ Массандрѣ никто за этимъ не смотритъ. Нѣкоторые острятъ, что впускъ по билетамъ дѣлается въ интересахъ самой публики для поджиганія въ ней любопытства и соблазна, потому что публика всегда любитъ все запрещенное и всякую скачку съ препятствіями; но этого быть не можетъ; вѣдь въ Россіи высоко поставленные смертные обыкновенно совсѣмъ не думаютъ объ интересахъ массъ публики. Запрещеніе проѣзда черезъ нижнюю Массандру въ экипажахъ просто курьезно. Диви бы шоссе было необыкновенно хорошее, дорогое! Ничуть не бывало! Шоссе самое мизерное. Да и то можно было бы, для удобства публики, назначить шоссейный сборъ. Это было бы гораздо лучше, чѣмъ заставлять всю почтенную публику черезъ всю нижнюю Массандру понтировать нѣсколько верстъ пѣшкомъ по пыльной и жесткой щебенкѣ шоссе. Лучше даже совсѣмъ воспретить впускъ въ паркъ, что по крайней мѣрѣ не будетъ казаться такою насмѣшкой, какъ теперь.

Рядомъ съ Массандрой лежитъ Магарачъ и Никитскій садъ; оба они принадлежатъ казнѣ. Какъ извѣстно, уже съ первыхъ лѣтъ покоренія Крыма русское правительство обратило особенное вниманіе на развитіе здѣсь винодѣлія. Еще Потемкинъ выписалъ и посадилъ здѣсь токайскія лозы; при Павлѣ I-мъ были доставлены изъ Франціи и Италіи лучшихъ сортовъ лозы, а въ 1811 году, наконецъ, былъ учрежденъ казенный Никитскій садъ и при немъ Магарачское училище винодѣлія. Главные учредители Никитскаго сада, извѣстные ученые Палласъ и Стевенъ, имѣли при этомъ въ виду акклиматизировать въ Крыму растенія, наиболѣе свойственныя его почвѣ, чтобы потомъ снабжать ими садовладѣльцевъ. Съ тѣхъ поръ Никитскій садъ и Магарачское училище въ этомъ направленіи продолжаютъ дѣйствовать до днесь и представляютъ большой интересъ для осмотра туристовъ. Никитскій садъ напоминаетъ собою наши весеннія выставки садоводства, но только въ грандіозномъ размѣрѣ и притомъ на открытомъ воздухѣ. Здѣсь встрѣчаются дѣйствительно весьма замѣчательные экземпляры экзотическихъ растеній, а нѣкоторые изъ представителей деревьевъ хвойныхъ породъ

возбуждаютъ даже удивленіе оригинальностью своихъ формъ и грандіозностью размѣровъ; тутъ же находятся многочисленныя клумбы южныхъ цвѣтовъ разнообразнѣйшихъ и самыхъ прелестныхъ красокъ, разбитыя съ такимъ тонкимъ вкусомъ и мастерствомъ, что просто смотришь и не налюбуешся!

Никитскій садъ и Магарачское училище винодѣлія усердно работаютъ почти уже $^3/_4$ столѣтія и скоро будутъ праздновать юбилей своей 75-лѣтней дѣятельности. Они изъ года въ годъ съ нѣмецки-казенною аккуратностью выпускаютъ въ Россію нѣсколькихъ ученыхъ винодѣловъ и садоводовъ; но куда эти ученые винодѣлы и садоводы испаряются—никто не знаетъ. Надо думать, что, по русскому порядку, всѣ эти окончившіе курсъ ученья винодѣлы и садоводы скрываются подъ шапкой - невидимкой чиновничества въ разныхъ департаментахъ, палатахъ, управленіяхъ и т. д. и т. д.—словомъ, поступаютъ именно на тѣ мѣста, гдѣ только доставляется возможность пріобрѣтать и пить всякія вина, но ужь никакъ не самимъ приготовлять ихъ, гдѣ научныя винодѣльныя познанія на столько же имъ нужны, какъ голодному волку трава. По крайней мѣрѣ, я не встрѣчалъ ни въ одномъ изъ осмотрѣнныхъ мною въ Крыму винныхъ подваловъ ни одного винодѣла, который не былъ бы кровный иностранецъ, нарочно и за большія деньги выписанный владѣльцами подвала изъ-заграницы. Отчего это происходитъ? Оттого-ли, что у насъ, по пословицѣ, ученыхъ много, да умныхъ нѣтъ, или оттого, что наши тузы всякаго рода, чиновные, кровные и денежные, не могутъ равнодушно видѣть русской подчиненной физіономіи безъ поползновенія почистить у нея винный камень на зубахъ! Ну, а съ иностранцами къ такой операціи пропадаетъ у нихъ всякая охота...

Отъ Ялты до станціи Ай-Даниль верстъ около 10-ти. Шоссейная дорога лентой вьется по откосамъ горъ и отличается своею замѣчательно-картинною мѣстностью. Невдалекѣ отъ станціи, по скату къ морю, расположено опять-таки имѣніе князя Воронцова, Ай-Даниль. Лоза здѣшнихъ обширныхъ виноградниковъ принадлежитъ къ числу самыхъ высокихъ сортовъ и изъ здѣшняго винограда, кромѣ извѣстныхъ отличныхъ сортовъ столоваго вина, выдѣлывается еще

пѣнистое вино, тоже извѣстное подъ названіемъ Ай-Даниль.

Кстати скажу нѣсколько словъ вообще о крымскихъ винахъ. Положительныя достоинства крымскихъ винъ составляютъ ихъ букетъ и вкусъ; это признано отзывами экспертовъ на всѣхъ международныхъ выставкахъ. Но, несмотря на всѣ такія похвалы, южнобережское вино имѣетъ крайне ограниченный сбытъ въ своемъ натуральномъ видѣ, подъ своими мѣстными названіями; главная же масса крымскаго вина идетъ на поддѣлку всѣхъ заграничныхъ мадеръ, бордо, малаги, лафита и т. п. Обвинять публику за ея нерасположеніе къ крымскому вину—нельзя. Дѣйствительно, южнобережское вино не отвѣчаетъ на привычный вкусъ публики и потому не можетъ конкуррировать съ заграничными винами. Отчего это происходитъ—объяснить трудно, но только нельзя сказать, чтобы это происходило отъ неумѣлаго приготовленія; упрекать въ неумѣлости крымскихъ винодѣловъ или упрекать въ излишней экономіи расходовъ врядъ-ли можно, въ особенности нельзя упрекнуть въ этомъ такіе винодѣльные промышленные подвалы, какъ напр. подвалы Магарачскаго училища винодѣлія или милліонера свѣтлѣйшаго князя Воронцова. Остается только развѣ сдѣлать предположеніе, что лучшія южнобережскія лозы, какъ привезенныя сюда изъ-заграницы, не могли быть культивированы въ чистомъ своемъ видѣ въ Крыму. Чуждый для нихъ климатъ, другаго состава почва, конечно, не могли не повліять въ значительной степени на самую консистенцію приносимыхъ ими плодовъ. Быть можетъ, отъ такого именно измѣненія ягодъ въ крымскомъ винѣ нѣтъ той нѣжности и мягкости вкуса, которыя такъ пріятны во французскихъ и рейнскихъ винахъ. Французское или рейнское вино пьется много, легко, а если выпьете вы стаканъ-другой крымскаго краснаго или бѣлаго вина, то сейчасъ же чувствуете въ головѣ тяжесть. Выпить же съ непривычки цѣлую бутылку даже рискованно—мутить начнетъ. Словомъ, въ рукахъ винодѣловъ-иностранцевъ крымское вино, по крѣпости своей, отъ испанскихъ, итальянскихъ или поргугальскихъ винъ отстало, а къ легкимъ французскимъ или рейнскимъ не пристало, и вышло: ни пава, ни ворона! Авось, со временемъ появятся настоящіе

русскіе винодѣлы, которые, наконецъ, откроютъ-таки секретъ приготовленія вполнѣ хорошаго вина изъ такихъ дѣйствительно прелестныхъ сортовъ винограда, какіе растутъ въ Крыму.

Засѣданіе Ялтинской городской думы.

Какъ-то разъ, послѣ утренняго чая, я пробѣгалъ въ читальнѣ гостинницы полученные новые нумера газетъ. Въ такихъ читальняхъ знакомство обыкновенно завязывается скорѣе и проще, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другомъ мѣстѣ курорта, потому что во время пробѣганія газетъ у многихъ читальщиковъ, какъ мнѣ часто приходилось наблюдать, является просто непреодолимый зудъ поскорѣе сообщить кому бы то ни было вычитанную интересную новость. Само собою разумѣется, что въ такой моментъ зуда ближайшій сосѣдъ превращается въ сосудъ для изверженія этой новости и если окажется удобнымъ къ воспріятію ея, то знакомство сейчасъ же завязывается само собою. Я уже былъ знакомъ съ нѣкоторыми изъ завсегдатаевъ здѣшней читальни и между прочимъ ближе другихъ сошелся съ однимъ старикомъ, котораго щеки, подбородокъ и манеры глядѣть на собесѣдника свысока изъ подъ пенснэ, спущеннаго на самый конецъ носа исключали всякое сомнѣніе, что въ табели о рангахъ этотъ старикъ занимаетъ чинъ уже никакъ не ниже тайнаго сосовѣтника.

— А сегодня въ здѣшней думѣ будетъ засѣданіе, сказалъ мнѣ старикъ, когда я только-что вошелъ въ читальню.

— Это очень интересно! Я давно собираюсь и сегодня непремѣнно пойду слушать, проговорилъ я, очень обрадованный.

— Пожалуй, и я съ вами пойду, сказалъ старикъ.—Кстати, я никогда не бывалъ еще ни на думскихъ, ни на земскихъ собраніяхъ.

Мы съ нимъ условились и около часу дня отправились

въ Ялтинскую городскую думу, которая оказалась въ не очень-то презентабельномъ деревянномъ домишкѣ одного изъ переулковъ новаго города. Поднявшись во второй этажъ по крутой и узкой деревянной лѣстницѣ, мы очутились на стеклянной галлереѣ, выходящей окнами на дворъ. Изъ галлереи дверь налѣво вела прямо въ большую комнату, посреди которой стоялъ длинный, крестообразный, покрытый зеленымъ сукномъ столъ, около котораго были разставлены кресла. Это и была зала для засѣданій представителей города Ялты. Когда мы вошли въ залу, то-въ ней еще никого не было, а изъ сосѣдней комнаты, вѣроятно, канцеляріи управы, раздавались оживленные голоса бесѣдующихъ гласныхъ.

Изъ этой комнаты вскорѣ выскочилъ какой-то господинъ съ бумагами въ рукахъ и торопливо направился къ двери. Я остановилъ его и спросилъ: состоится-ли сегодня засѣданіе.

— Состоится! непремѣнно состоится! Уже десять гласныхъ на лицо, поспѣшно отвѣчалъ онъ.

— А сколько у васъ въ думѣ всѣхъ гласныхъ? задалъ я вопросъ.

— Тридцать! Но для открытія собранія законное число — десять, скороговоркой отвѣтилъ онъ и юркнулъ въ дверь.

Кромѣ креселъ, стоявшихъ около присутственнаго стола, другихъ стульевъ или сидѣній въ залѣ совсѣмъ не было — несомнѣнный признакъ, что посторонняя публика не бываетъ и, значитъ, не интересуется засѣданіями думы. Мы приказали сторожу подать намъ стулья и, въ ожиданіи выхода думскаго собранія, усѣлись у стѣны, около входной двери въ залу.

Минутъ черезъ десять изъ сосѣдней комнаты вышелъ пожилой господинъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ гласныхъ, надѣлъ на себя цѣпь городскаго головы, занялъ предсѣдательское кресло и сурово позвонилъ въ колокольчикъ.

Изъ сосѣдней комнаты стали выходить въ залу остальные гласные и занимать мѣста.

Въ числѣ гласныхъ былъ одинъ православный священникъ, старикъ, по обыкновенію одѣтый въ рясу, и три татарина въ своихъ національныхъ костюмамъ, съ мерлушковыми плоскими шапками на затылкѣ; всѣ прочіе гласные — городскіе обыватели въ обычныхъ статскихъ костюмахъ.

. Когда всѣ усѣлись, городской голова молча обвелъ все собраніе взглядомъ, еще разъ позвонилъ, но уже не такъ сурово, и объявилъ засѣданіе открытымъ.

— Готовъ журналъ прошлаго засѣданія? отрывисто спросилъ голова, сидѣвшаго съ нимъ рядомъ, городскаго секретаря, тоже гласнаго думы.

— Журналъ еще не переписанъ, а лишь набросанъ вчернѣ, но все-таки прочесть можно, отвѣчалъ секретарь.

— Потрудитесь прочесть, предложилъ ему голова.

Секретарь сталъ читать журналъ, который начинался указаніемъ, что прошлое засѣданіе состоялось въ присутствіи необходимаго числа, десяти гласныхъ.

— Та же исторія, что и въ столицахъ, подумалъ я:—гласные лѣниво посѣщаютъ собранія.

Секретарь читалъ изложеніе заслушанныхъ дѣлъ въ прошлое засѣданіе и постановленіе собранія по каждому дѣлу. Журналъ относительно первыхъ четырехъ дѣлъ не вызвалъ возраженій со стороны гг. гласныхъ, но по пятому дѣлу вышелъ какой-то кавардакъ.

Обстоятельства этого дѣла были очень курьезны, а тутъ эту курьезность усугубили еще думцы. На ялтинской набережной, черезъ впадающую въ море мѣстную рѣчку, перекинутъ деревянный мостъ. Рядомъ съ этимъ мостомъ, дума сдавала въ аренду городское мѣсто подъ деревянные навѣсы для продажи фруктовъ. Въ прошломъ году въ этихъ навѣсахъ произошелъ пожаръ и они не только сами сгорѣли, но и мостъ сожгли, вслѣдствіе чего городской казнѣ пришлось порядкомъ-таки раскошелиться на постройку новаго деревяннаго моста на томъ же самомъ мѣстѣ. Послѣ пожара губернаторъ предложилъ Ялтинской думѣ не разрѣшать больше постройки деревянныхъ навѣсовъ рядомъ съ деревяннымъ же мостомъ, чтобы такимъ образомъ избавить его на будущее время отъ опасности пожара. Но городская управа, несмотря на такое предложеніе губернатора, все-таки и въ нынѣшнемъ году дала разрѣшеніе на постройку деревянныхъ ларей около вновь выстроеннаго моста. Ихъ выстроили и торговля въ нихъ фруктами опять пошла шибко по прежнему, потому что эти лари расположены какъ разъ на проходѣ и на виду гуляющей

публики. Шокированный губернаторъ сдѣлалъ запросъ Ялтинской думѣ: почему она не исполнила его предложенія? По выслушаніи этого запроса губернатора—читалъ секретарь—Ялтинская дума постановила: увѣдомить г. губернатора, что городская управа разрѣшеніе на постройку деревянныхъ навѣсовъ около моста дала самовольно, не испросивъ на то разрѣшенія думы, а потому и отвѣтственность за неисполненіе предложенія г. губернатора должна падать не на думу, а на городскую управу.

По прочтеніи этого мѣста журнала, одинъ изъ гласныхъ, членовъ управы, возразилъ, что журналъ излагаетъ такое постановленіе думы, котораго на самомъ дѣлѣ дума не постановляла.

Городской голова, потеребивъ себѣ баки, началъ говорить, что дѣйствительно прямого постановленія думы въ этомъ смыслѣ не было, но это постановленіе должно быть, ибо оно зарождается само собою въ головѣ каждаго гласнаго, такъ какъ оно вытекаетъ непосредственно изъ происходившихъ въ прошломъ засѣданіи преній по сему дѣлу. Что онъ и самъ удивляется, какъ могли вновь появиться на свѣтъ Божій эти опасные лари, и потому не можетъ не обратить вниманія почтенныхъ гласныхъ на то, что прежніе лари, по народной молвѣ, сгорѣли отъ поджога, а теперь по частнымъ свѣдѣніямъ, дошедшимъ до него, какъ представителя города, самая нынѣшняя аренда ларей состоялась не безъ закулиснаго участія подозрѣваемаго въ поджогѣ лица. Высказавъ это, городской голова съ внушительною вибраціей въ голосѣ выразилъ свое неодобреніе образу дѣйствій управы.

Членъ управы ссылался на правила торговъ и на необязательность для управы изслѣдовать закулисныя отношенія арендаторовъ между собою и продолжалъ настаивать, что въ прошломъ засѣданіи по этому вопросу вообще не состоялось никакого приговора.

Тутъ уже городской голова прямо обратился къ собранію гласныхъ, угодно-ли имъ утвердить журналъ въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ сейчасъ прочитанъ.

Всѣ гласные промолчали, кромѣ одного татарина, который воскликнулъ: «ми согласны!».

— Возраженій нѣтъ, журналъ единогласно утверждается, объявилъ сухимъ, дѣловымъ тономъ голова.

— Я припишу къ журналу отдѣльное мнѣніе, сказалъ уже послѣ этого объявленія членъ управы, протестовавшій передъ тѣмъ противъ изложенія журнала.

— Это, кажется, по закону не допускается, замѣтилъ въ недоумѣніи голова.

— А я, все равно, останусь при отдѣльномъ мнѣніи, возразилъ членъ управы.

— Дѣло ваше, какъ хотите! равнодушно пожалъ плечами голова и объявилъ переходъ къ очереднымъ дѣламъ.

«Всѣмъ вамъ, мм. гг., извѣстно—началъ словесный докладъ перваго очереднаго дѣла голова—что его сіятельство графъ *** принесъ «въ даръ» городу Ялтѣ участокъ земли подъ рыночную площадь, но съ условіемъ предоставленія его сіятельству исключительнаго права застройки этой площади только его собственными лавками, за каковое право онъ, кромѣ безденежной уступки городу своей земли, принималъ на себя еще нѣкоторыя обязательства, въ родѣ напр. замощенія площади и что-то тамъ еще такое. Лавки теперь уже выстроены графомъ, торговля въ нихъ производится, но купчей крѣпости на подаренную землю еще и по сейчасъ не совершено. Въ бытность мою въ Москвѣ, во время коронаціи, я обратился по сему предмету съ вопросомъ къ его сіятельству, и его сіятельство отвѣчалъ, что онъ готовъ, хоть сейчасъ, совершить купчую, если только я имѣю отъ думы уполномочіе на совершеніе таковой. Я тотчасъ же телеграфировалъ управѣ, чтобы она мнѣ выслала это полномочіе; но, къ сожалѣнію, никакого отвѣта отъ управы я тогда не получилъ. Я уже, мм. гг., не буду касаться вопроса, почему именно управа мнѣ тогда ничего не отвѣтила, но все-таки опять прошу думу, во-1-хъ, дать мнѣ это необходимое по закону полномочіе, и во-2-хъ, постановить: благодарить графа за принесенный имъ даръ городу».

— Да ужъ дума разъ благодарила графа, замѣтилъ одинъ изъ гласныхъ.

— Лишній разъ изъявленіе благодарности думы его сіятельству уже никакъ не можетъ быть ему непріятно, возразилъ голова.

— Но вѣдь его сіятельство по сіе время въ отношеніи къ городу не выполнилъ ни однаго изъ своихъ обязательствъ, а лавки все-таки выстроилъ и давнымъ-давно сдалъ внаймы, съ какою-то робостью и нерѣшительностью проговорилъ кто-то изъ гласныхъ.

— Ну что жь изъ этого?!. пожалъ плечами голова:—вы сами можете оцѣнить, что даръ графа городу и безъ того очень значителенъ, а свои обязательства онъ потомъ, когда-нибудь, выполнитъ. Такъ всѣ согласны? обратился онъ къ собранію.

— «Ми согласны!» проговорилъ опять за всѣхъ одинъ и тотъ же гласный-татаринъ.

— Предложеніе принято Перехожу къ слѣдующему дѣлу, заявилъ голова.

«Въ настоящее время, мм. гг.—началъ свою рѣчь голова—въ Египтѣ свирѣпствуетъ холера—болѣзнь заразная и быстро перелетающая. Ялтѣ, какъ густо населенному приморскому городу, несомнѣнно грозитъ большая опасность, и потому необходимо подумать о принятіи радикальныхъ мѣръ. Городскою думою, вы знаете, мм. гг., издано обязательное постановленіе по санитарной части; но не будемъ обольщаться, а скажемъ откровенно, что это обязательное постановленіе есть мертвая буква Вонь царитъ въ городѣ попрежнему! Даже такая санитарная мѣра, какъ раздѣленіе города на санитарные участки съ выборными въ каждомъ изъ нихъ санитарными попечителями на самомъ дѣлѣ ни къ чему не приводитъ. Вамъ извѣстно, какъ ведется это дѣло: обыкновенно составляется протоколъ и передается мировому судьѣ, а мировой судья черезъ мѣсяцъ дѣлаетъ свое постановленіе: оштрафовать виновнаго 30-ю копѣйками—вотъ и весь результатъ этой санитарной мѣры. Очевидно, необходимо принять другія, болѣе дѣйствительныя, такъ сказать рѣшительныя, мѣры. Я предлагаю сдѣлать такое постановленіе, чтобы на воротахъ каждаго дома, который будетъ признанъ санитарными попечителями неудовлетворительнымъ въ санитарномъ отношеніи, была прибиваема вывѣска съ надписью: «негоденъ для жилья». И до тѣхъ поръ, пока домъ не будетъ приведенъ въ надлежащій порядокъ, вывѣску не снимать».

— Возраженій нѣтъ, журналъ единогласно утверждается, объявилъ сухимъ, дѣловымъ тономъ голова.

— Я припишу къ журналу отдѣльное мнѣніе, сказалъ уже послѣ этого объявленія членъ управы, протестовавшій передъ тѣмъ противъ изложенія журнала.

— Это, кажется, по закону не допускается, замѣтилъ въ недоумѣніи голова.

— А я, все равно, останусь при отдѣльномъ мнѣніи, возразилъ членъ управы.

— Дѣло ваше, какъ хотите! равнодушно пожалъ плечами голова и объявилъ переходъ къ очереднымъ дѣламъ.

«Всѣмъ вамъ, мм. гг., извѣстно—началъ словесный докладъ перваго очереднаго дѣла голова—что его сіятельство графъ *** принесъ «въ даръ» городу Ялтѣ участокъ земли подъ рыночную площадь, но съ условіемъ предоставленія его сіятельству исключительнаго права застройки этой площади только его собственными лавками, за каковое право онъ, кромѣ безденежной уступки городу своей земли, принималъ на себя еще нѣкоторыя обязательства, въ родѣ напр. замощенія площади и что-то тамъ еще такое. Лавки теперь уже выстроены графомъ, торговля въ нихъ производится, но купчей крѣпости на подаренную землю еще и по сейчасъ не совершено. Въ бытность мою въ Москвѣ, во время коронаціи, я обратился по сему предмету съ вопросомъ къ его сіятельству, и его сіятельство отвѣчалъ, что онъ готовъ, хоть сейчасъ, совершить купчую, если только я имѣю отъ думы уполномочіе на совершеніе таковой. Я тотчасъ же телеграфировалъ управѣ, чтобы она мнѣ выслала это полномочіе; но, къ сожалѣнію, никакого отвѣта отъ управы я тогда не получилъ. Я уже, мм. гг., не буду касаться вопроса, почему именно управа мнѣ тогда ничего не отвѣтила, но все-таки опять прошу думу, во-1-хъ, дать мнѣ это необходимое по закону полномочіе, и во-2-хъ, постановить: благодарить графа за принесенный имъ даръ городу».

— Да ужь дума разъ благодарила графа, замѣтилъ одинъ изъ гласныхъ.

— Лишній разъ изъявленіе благодарности думы его сіятельству уже никакъ не можетъ быть ему непріятно, возразилъ голова.

— Такъ какъ же, господа? обратился голова къ собранію.— Повидимому, къ моему предложенію о вывѣскахъ собраніе не относится сочувственно; но что же тогда предпринять?

— Машэннык̀ъ Абдурахманъ! вдругъ крикливо проговорилъ одинъ изъ татаръ-гласныхъ.

— Что такое? что вы говорите? какой такой Абдурахманъ? съ удивленіемъ спросилъ его голова.

— А вывозокъ нычэстотъ! отвѣчалъ татаринъ.

— По моему, проще всего будетъ городу самому приняться очищать неисправные дома за свой счетъ, а потомъ ужь истраченныя деньги взыскивать съ виновныхъ, предложилъ одинъ изъ гласныхъ.

— Угодно съ этимъ согласиться? спросилъ голова, вопросительно обводя глазами всѣхъ присутствовавшихъ.

Собраніе послѣ короткихъ переговоровъ согласилось и ассигновало изъ городскихъ суммъ въ распоряженіе управы кредитъ въ 1,000 рублей на принятіе санитарныхъ мѣръ.

Мой спутникъ, тайный совѣтникъ, тронулъ меня за рукавъ, предлагая оставить собраніе.

Я тоже не нашелъ интереса оставаться дольше, и мы удалились.

— Ну, чудеса! проговорилъ мой спутникъ, когда мы вышли на воздухъ.—Я ни разу не бывалъ на думскихъ засѣданіяхъ... предполагалъ... но никакъ не ожидалъ...

— То-есть, чего вы не ожидали? перебилъ я.

— Да какъ же! Помилуйте! что это за самоуправленіе? Развѣ это городская власть? Развѣ это управленіе? Послѣ этого, по моему, Катковъ вѣрно говоритъ, что городами управляетъ не власть, а улица!..

— Да причемъ же тутъ власть! Кого куда не пущать и кого куда осажать! Простое хозяйское дѣло! отвѣчалъ я, смѣясь.— Если же играть въ афоризмы, то вашему афоризму улицы можно противопоставить афоризмъ табели о рангахъ. Если городскую, земскую власть создаетъ улица, то излюбленную вами власть создаетъ табель о рангахъ. Улица все-таки сборище живыхъ людей, а табель о рангахъ—деревянное кресло, автоматически высиживающее бюрократовъ. Дѣло-то въ томъ, что здоровая жизнь земскаго организма безъ свободы слова и

Это предложеніе головы вызвало между гласными горячія пренія.

— Да вѣдь у насъ есть дома, заговорилъ священникъ съ удареніемъ на букву «о»: —которые чисть, не чисть, все вонять будутъ; сегодня вычистилъ его, а завтра онъ опять завонялъ.

— Значитъ, весь вопросъ сводится къ немедленной, обязательной перестройкѣ отхожихъ мѣстъ, замѣтилъ кто-то изъ гласныхъ.

— Да вѣдь прежде еще это нужно доказать, что отхожія-то мѣста вредны въ санитарномъ отношеніи, возразилъ на это священникъ. —Эка важность, что воняетъ! Ну, что такое вонь?!.

— Батюшка! слегка укоризненнымъ, прочувствованнымъ голосомъ замѣтилъ голова. —Бываютъ времена, бываютъ случаи, когда можно пошутить, когда можно поспорить, но бываютъ и другія времена, когда нужно немедленно дѣло дѣлать.

— Позвольте мнѣ, мм. гг., вставъ съ своего мѣста, громко заговорилъ одинъ изъ гласныхъ: —сказать нѣсколько словъ въ уясненіе вопроса, возбужденнаго его преподобіемъ. Теперь всякій образованный человѣкъ и всѣ мы, здѣсь находящіеся, читали и знаемъ, отъ чего и какъ происходятъ такіе бичи человѣчества, какъ холера, чума, сибирская язва и прочія повальныя болѣзни. Я позволю себѣ, мм. гг., напомнить вамъ о бактеріяхъ—этихъ ничтожнѣйшихъ, невидимыхъ для глаза, не вооруженнаго сильнымъ микроскопомъ, существахъ, но, тѣмъ не менѣе, ужаснѣйшихъ, именно въ силу своего ничтожества, врагахъ человѣчества... Да-съ! по волѣ судебъ, по неисповѣдимыхъ путямъ Промысла, въ этихъ бактеріяхъ чудеснѣйшимъ образомъ сочетаны абсолютное ничтожество съ колоссальнѣйшимъ, съ смертоноснѣйшимъ могуществомъ, угрожающимъ истребленіемъ всему человѣческому роду земнаго шара!..

— Иванъ Иванычъ! вдругъ голова перервалъ рѣчь оратора. —Всѣмъ намъ извѣстна ваша ученость, но позвольте перейти къ дѣлу.

Ораторъ молча поклонился и спокойно сѣлъ на свое мѣсто.

— Такъ какъ же, господа? обратился голова къ собранію.— Повидимому, къ моему предложенію о вывѣскахъ собраніе не относится сочувственно; но что же тогда предпринять?

— Машэннык Абдурахманъ! вдругъ крикливо проговорилъ одинъ изъ татаръ-гласныхъ.

— Что такое? что вы говорите? какой такой Абдурахманъ? съ удивленіемъ спросилъ его голова.

— А вывозокъ нычэстотъ! отвѣчалъ татаринъ.

— По моему, проще всего будетъ городу самому приняться очищать неисправные дома за свой счетъ, а потомъ ужь истраченныя деньги взыскивать съ виновныхъ, предложилъ одинъ изъ гласныхъ.

— Угодно съ этимъ согласиться? спросилъ голова, вопросительно обводя глазами всѣхъ присутствовавшихъ.

Собраніе послѣ короткихъ переговоровъ согласилось и ассигновало изъ городскихъ суммъ въ распоряженіе управы кредитъ въ 1,000 рублей на принятіе санитарныхъ мѣръ.

Мой спутникъ, тайный совѣтникъ, тронулъ меня за рукавъ, предлагая оставить собраніе.

Я тоже не нашелъ интереса оставаться дольше, и мы удалились.

— Ну, чудеса! проговорилъ мой спутникъ, когда мы вышли на воздухъ.—Я ни разу не бывалъ на думскихъ засѣданіяхъ... предполагалъ... но никакъ не ожидалъ...

— То-есть, чего вы не ожидали? перебилъ я.

— Да какъ же! Помилуйте! что это за самоуправленіе? Развѣ это городская власть? Развѣ это управленіе? Послѣ этого, по моему, Катковъ вѣрно говоритъ, что городами управляетъ не власть, а улица!..

— Да причемъ же тутъ власть! Кого куда не пущать и кого куда осажать! Простое хозяйское дѣло! отвѣчалъ я, смѣясь.— Если же играть въ афоризмы, то вашему афоризму улицы можно противопоставить афоризмъ табели о рангахъ. Если городскую, земскую власть создаетъ улица, то излюбленную вами власть создаетъ табель о рангахъ. Улица все-таки сборище живыхъ людей, а табель о рангахъ—деревянное кресло, автоматически высиживающее бюрократовъ. Дѣло-то въ томъ, что здоровая жизнь земскаго организма безъ свободы слова и

печати немыслима. Будь въ Ялтѣ немножко свободная печать, хоть даже не настолько, какъ заграницей — гдѣ ужь! а хоть въ родѣ петербургской, и тогда бы она не обошла Ялтинскую думу своимъ вниманіемъ и усердно бы съ нею вмѣстѣ работала. Эта печать немедленно разъяснила бы почтеннымъ гласнымъ, что нельзя слагать отвѣтственности съ думы за счетъ ею же самой выбранной управы, что не за что пока благодарить графа *** за то, что тотъ прежде всего не забылъ себя и сдѣлалъ выгодный денежный оборотъ изъ своего участка за счетъ городской регаліи — базара. Эта печать разбудила бы апатію городскихъ обывателей къ санитарнымъ мерзостямъ своего города, эта печать напомнила бы...

— Какъ вы разораторствовались! раздался сзади меня женскій голосъ.

Я обернулся. Передо мною, прикрывшись отъ солнца китайскимъ зонтикомъ, стояла Маскотта.

— Эта печать кстати напомнила бы и вамъ, сказала она мнѣ, улыбаясь:—что, вызвавшись быть кавалеромъ дамъ, невѣжливо пропадать отъ нихъ на нѣсколько часовъ.

Я съ удовольствіемъ предложилъ ей руку и распрощался съ тайнымъ совѣтникомъ. Такимъ образомъ, вопросъ объ улицѣ, печати и табели о рангахъ канулъ въ Лету, какъ это обыкновенно случается, впрочемъ, и съ большинствомъ другихъ вопросовъ.

Водопадъ Учунь-Су.

Прелестная погода, прогулки въ миломъ обществѣ среди роскошныхъ картинъ южной горной природы, комфортъ обстановки въ гостинницѣ «Россія», морскія купанья, ощущеніе обильнаго притока бодрости, новыхъ силъ и здоровья—все дѣлало жизнь въ Ялтѣ свѣтлою, праздничною, и время такъ быстро, быстро летѣло.

Давно-ли, кажется, все это было! И вотъ уже на дворѣ

зима. Я уже давно въ Петербургѣ и пишу эти строки утомленною рукою, сидя одинъ въ своемъ кабинетѣ, позднею, позднею ночью. Ужь свѣчи догораютъ, а сонъ бѣжитъ отъ отяжелѣвшихъ глазъ и... грезится мнѣ послѣдняя наша поѣздка на водопадъ Учунь-Су!

Быстро, легко катитъ нашъ соломенный фаэтонъ по зигзагамъ горнаго шоссе. Въ чистомъ, горномъ воздухѣ пахнетъ полынью и донникомъ, нашими родными ароматами сѣвера. Лучи закатившагося солнца багрянятъ небосклонъ, а живописные скаты горъ и дикая зеленая растительность тамъ высоко вверху, и тамъ глубоко внизу въ крутыхъ обрывахъ и оврагахъ уже потемнѣли и разливаютъ кругомъ себя тѣнистый сумракъ. Быстро спадаетъ дневной зной, послѣдняя алая полоска на небосклонѣ потухаетъ и скоро ужь надъ померкшею землей затеплится вечерняя звѣзда.

Среди столпившихся надъ трущобою дремучихъ лѣсовъ и какъ будто обглоданныхъ и оборванныхъ горныхъ утесовъ, изъ отверстія отвѣсной скалы летитъ каскадами, разбиваясь на полетѣ въ воздухѣ, водная масса водопада Учунь-Су. Изъ узкаго пространства между двумя исполинскими скалами, покрытыми на своихъ вершинахъ горными соснами, вырывается бѣлоснѣжною массой водопадъ и летитъ внизъ на дно глубокаго оврага, перекидываясь съ уступа на уступъ, то клубами оторвавшихся плёсовъ потока, то облаками водяной пыли!

Длинныя тѣни отъ горныхъ утесовъ и отъ растопыренныхъ густыхъ вѣтвей вѣковыхъ сосенъ, отбрасываясь на глубокое ущелье, погружаютъ его въ ночной мракъ; все превращается постепенно въ сплошную, черную мглу, среди которой единственною свѣтлою стороной остается виднѣющееся далеко вверху звѣздное, темно-синее небо.

Но вотъ въ этой безднѣ непроглядной мглы начинаютъ мало-по-малу выдѣляться слабыя пятна нѣжнаго свѣта, и вслѣдъ затѣмъ колоссальныя фигуры утесовъ и вѣковыхъ деревъ уже подергиваются какимъ то чрезвычайно нѣжнымъ, бѣлымъ покровомъ и при дрожащемъ ихъ отсвѣтѣ чудится, что изъ глубокаго мрака ущелья рѣзче и рѣзче выступаютъ гигантскіе призраки въ бѣлыхъ саванахъ!

Взошла южная, крымская луна и своими серебристыми

лучами раскинула по темной пучинѣ мрака волшебно-фантастическіе пейзажи скалъ и лѣса. А на шоссе уже не ночь, а бѣлый день съ холоднымъ солнцемъ.

Блѣдными косвенными лучами лунный свѣтъ проникаетъ во всѣ расщелины уступовъ горъ и серебритъ винтообразную ленту дороги. По краю зіяющей бездны скользятъ колеса фаэтона, а надъ головой проѣзжающихъ висятъ грозныя скалы, и кажется, вотъ, вотъ онѣ на нихъ обрушатся и въ мгновеніе раздавятъ въ прахъ!..

Но вотъ дорога уклоняется отъ бездны и вбѣгаетъ въ тонель, построенный самою природой изъ живаго переплета вѣтвей вѣковыхъ деревьевъ. Мелькаетъ надъ вами темный сводъ густой, цвѣтущей зелени, мѣшая свои темныя краски съ просвѣтами дрожащихъ тѣней! Сводъ кончается и снова дорога бѣжитъ между безднами синяго, звѣзднаго неба и обрывовъ дикихъ, чудовищныхъ скалъ!.. Взоръ скользитъ по этой фантастической панорамѣ мѣняющихся волшебныхъ видовъ!

Но вотъ сквозь рѣдѣющія вѣтви деревьевъ мелькаетъ что-то чудное, свѣтлое, могучее, и передъ глазами сразу, неожиданно разстилается посеребренная луннымъ свѣтомъ безпредѣльная поверхность Чернаго моря!!.

Нѣсколько словъ, на прощанье, къ читателю.

Конецъ, читатель моимъ силуэтамъ Крыма! Конецъ не потому, чтобы истощился у меня весь матеріалъ — нѣтъ! Стоитъ мнѣ только снова пробѣжать свои путевыя замѣтки, пересмотрѣть коллекцію крымскихъ видовъ, порыться въ своей памяти, какъ снова воскреснетъ цѣлый рядъ образовъ и картинъ изъ пережитаго прошлаго въ Крыму. Но... довольно! Нѣсколько главъ или нѣсколько силуэтовъ, совсѣмъ отдѣланныхъ для печати, я и безъ того уже выкинулъ, безпокоясь, какъ бы не утомить читателя длиннотами разсказа на ту или другую тему...

Пожалуй, кто-нибудь найдетъ, что было бы нелишнимъ поступить точно также и съ нѣкоторыми изъ напечатанныхъ силуэтовъ, а нѣкоторые изъ этихъ силуэтовъ можно было бы замѣнить другими воспоминаніями, болѣе интересными... Очень можетъ быть!.. Какой же авторъ не проникнутъ желаніемъ создать такое твореніе, которое могло бы привести читателей въ восторгъ, могло бы доставить имъ массу наслажденій и заставить ихъ на время, въ чаду упоенія, забыть окружающую обстановку будней жизни. . Но вѣдь каждый чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ!

Я и не помышлялъ разрѣшаться какимъ-нибудь перломъ литературы; я хотѣлъ только въ воспоминаніяхъ снова пережить всю прелесть роскошной природы на южномъ берегу Крыма, да подѣлиться своими воспоминаніями и мимолетными наблюденіями съ читателями.

Тѣ изъ читателей, которые бывали въ Крыму, навѣрное, читая мои силуэты, вспомнятъ многое, чего совсѣмъ нѣтъ въ моихъ силуэтахъ, и потому отнесутся къ нимъ, подъ вліяніемъ своихъ воспоминаній, болѣе снисходительно; тѣ же, которые лично незнакомы съ красотами южнобережской природы, будутъ по необходимости болѣе взыскательны къ моему произведенію и назовутъ мои силуэты блѣдными, а изображенія роскошной природы южнаго берега—безцвѣтными. Но трудно, читатель, передать словами то, что не всегда въ состояніи выразить даже кисть великихъ художниковъ. Если мнѣ удастся вызвать въ читателяхъ хотя частичку того наслажденія, которое вызываетъ южная природа Крыма съ его чуднымъ моремъ, то и тогда я не буду считать свой трудъ безплоднымъ. Если же мои картинки крымской жизни заставятъ хоть на время призадуматься надъ складомъ этой жизни и вызовутъ хотя бы мимолетное желаніе поглубже познакомиться съ этою жизнью, то я буду считать себя вполнѣ удовлетвореннымъ.

Роль Крыма въ Россіи еще далеко не обозначилась. Черноземная полоса Малороссіи и Великороссіи—та хотя безспорно представляется всѣмъ благодатною житницей кормящей и сѣверъ и югъ, западъ и востокъ.. но Крымъ?

Вино его только-что начинаетъ появляться на рынкахъ; да и много-ли этого вина? Фрукты далеко не такъ нѣжны и вкусны, не исключая и пресловутыхъ крымскихъ яблоковъ. Чудный климатъ, прелесть морскихъ купаній, роскошные виды!.. Это дѣйствительно уголокъ Эдема; но вѣдь пока пустынный и скучный... Крымъ — всероссійскій курортъ! Но когда-то еще это будетъ?.. Въ своемъ увлеченіи идеей пользы пребыванія больныхъ на южномъ берегу, я порадовался появленію даже массёра на крымскихъ курортахъ и въ своемъ увлеченіи массажемъ даже сдѣлалъ экскурсію въ область медицины, чтобы ознакомиться съ этимъ новымъ, только-что начинающимъ примѣняться въ Россіи способомъ леченія. Столкнувшись съ этимъ способомъ леченія въ Крыму, я, конечно, долженъ былъ упомянуть о немъ Было бы вполнѣ достаточно ограничиться такимъ упоминаніемъ или, самое большее, сдѣлать еще указаніе на сочиненія Ландцерта, Берглин-

да, Заблудовскаго, Белла-Вейсъ и другихъ, гдѣ читатели могли бы почерпнуть подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія о массажѣ.

Но, ознакомившись по указаннымъ источникамъ съ полезностью массажа, я уже не могъ удержаться, чтобы не подѣлиться съ читателями результатами своей экскурсіи въ область медицины и рискнулъ сдѣлать это въ приложеніи. Мнѣ кажется, что массажъ долженъ будетъ найти себѣ широкое примѣненіе на крымскихъ курортахъ для блага, съѣзжающихся сюда со всѣхъ концовъ Россіи, больныхъ.

Вотъ это-то предположеніе, мнѣ кажется, будетъ достаточнымъ для оправданія такого страннаго приложенія къ силуэтамъ Крыма *). Кто не чувствуетъ никакого желанія узнать, что такое массажъ, можетъ совсѣмъ не читать приложенія.

КОНЕЦЪ.

*) Когда печатались эти страницы, въ газетѣ «Новое Время» появилась телеграмма изъ Берлина, извѣщающая, что на засѣдающемъ тамъ хирургическомъ конгрессѣ особенное вниманіе обратилъ на себя рефератъ русскаго врача Заблудовскаго о физіологіи массажа. А черезъ день послѣ появленія этой телеграммы, въ той же газетѣ была перепечатана изъ берлинскихъ газетъ перечневая замѣтка тезисовъ этого реферата, въ числѣ которыхъ обращалъ на себя вниманіе, между прочимъ, такой тезисъ: «подъ вліяніемъ массажа усталый мускулъ становится болѣе способнымъ къ дѣятельности, нежели подъ вліяніемъ покоя, а свѣжій пріобрѣтаетъ бо́льшую противъ прежняго силу». Если такая общественно-политическо-литературная газета, какъ «Новое Время», интересуется успѣхами массажа то не есть-ли это безспорный признакъ возбужденія значительнаго интереса въ обществѣ къ этому, вновь зарождающемуся въ Россіи, способу леченія и не объяснитъ-ли читатель этимъ общественнымъ интересомъ и мой опытъ маленькой, популярной экскурсіи въ чуждую мнѣ, какъ не врачу, область медицины за массажемъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Экскурсія въ область медицины за массажемъ.

Исторія массажа.

Массажемъ на медицинскомъ языкѣ называется треніе, разминаніе и поколачиваніе человѣческаго тѣла съ двумя главными цѣлями: терапевтическою и гигіеническою; но кромѣ того массажъ практикуется въ жизни иной разъ просто ради доставляемаго имъ удовольствія. Въ сущности, массажъ есть та же пассивная гимнастика, но только видоизмѣненная.

Слѣды массажа можно находить даже въ самой отдаленной древности. Древнѣйшіе врачи, историки, поэты и путешественники слегка упоминаютъ о массажѣ, а нѣкоторые изъ нихъ иногда даютъ о немъ подробныя свѣдѣнія.

Главное примѣненіе массажа было въ баняхъ.

Такъ, у древнихъ грековъ въ теплыхъ баняхъ всегда производились тѣлесныя упражненія активнаго или пассивнаго характера. Женщины классической Греціи разминали и натирали тѣла героевъ благовонными мазями.

У римлянъ общественныя бани были въ большомъ почетѣ, въ особенности во времена Нерона, Домиціана и Траяна. Они устраивались съ ослѣпительною роскошью и имѣли особыя отдѣленія, которыя назывались Tepidarium, гдѣ невольники умащали моющихся мазями, растирали ихъ тѣло особыми щетками, разминали всѣ члены тѣла руками и производили разнообразныя пассивныя гимнастическія упражненія.

Слабое подобіе такихъ бань и теперь еще можно встрѣтить на востокѣ, въ такъ называемыхъ мавритіанскихъ баняхъ. Въ Китаѣ и Индіи массажъ общеизвѣстенъ и употребляется тамъ съ глубокой древности. Китайскіе массёры обыкновенно трутъ все тѣло руками, причемъ слегка нажимаютъ на отдѣльныя мышцы, и вытягиваютъ всѣ суставы, заставляя ихъ щелкать. Такіе массёры большею частію бродятъ по улицамъ и желающимъ воспользоваться ихъ услугами даютъ знать о своемъ присутствіи звуками дудочки.

Въ сочиненіяхъ индусской медицины, между прочими гигіеническими предписаніями, встрѣчается такой совѣтъ:

«Вставай рано утромъ; держи ротъ въ чистотѣ; упражняй свое тѣло и подвергай его массажу».

Массажъ въ грубой формѣ хорошо извѣстенъ даже и на отдаленнѣйшихъ островахъ Тихаго океана, гдѣ, по разсказамъ капитана Кука, островитяне Океаніи, изнемогшіе отъ усталости, ложатся на траву и заставляютъ троихъ или четверыхъ маленькихъ дѣтей топтаться по тѣлу ногами.

Въ Египтѣ растиранія до такой степени вошли въ обычай, что ни одинъ египтянинъ не выйдетъ изъ бани, не подвергнувши себя растираніямъ.

Въ Россіи, какъ извѣстно, сильныя растиранія руками баньщиковъ и паренье вѣниками составляетъ почти неизбѣжное дополненіе паровыхъ бань. Это тотъ же массажъ, но только въ первобытной формѣ.

Такимъ образомъ, изъ исторіи медицины оказывается что массажъ въ той или другой формѣ употреблялся во всѣ времена и у всѣхъ народовъ земнаго шара. Почти всѣ древніе врачи, начиная съ Гиппократа, самымъ убѣдительнымъ образомъ рекомендовали массажъ, какъ лучшее цѣлебное средство противъ многихъ болѣзней, а въ особенности противъ болѣзней суставовъ.

Почему былъ брошенъ и забытъ въ медицинѣ массажъ—я не нашелъ никакихъ указаній. Быть можетъ, средневѣковое мистическое направленіе медицины удалило врачей-практиковъ отъ массажа, точно такъ же, какъ это направленіе удалило тогда врачей отъ многихъ и другихъ простыхъ средствъ, какъ напримѣръ, отъ виноградnаго леченія, а можетъ быть, тутъ

виновницей была и всемогущая мода. По крайней мѣрѣ, въ нашей современной медицинѣ мода играетъ такую же роль, какъ и въ туалетѣ женщинъ. Появилась, напр., карболовая кислота, всѣ врачи бросаются прописывать ее; появилась вслѣдъ за нею салициловая кислота, опять всѣ бросаются на салициловую кислоту. И Господи Боже мой! Держитесь тогда желудки больныхъ! Чуть не въ каждомъ препаратѣ изъ латинской кухни вы всенепремѣнно встрѣчаете дозу салицилки. Затѣмъ, вдругъ появилась мода на какой-нибудь іодоформъ... и всѣхъ и вся имъ лечатъ, и ужь забыта салицилка. Теперь, повидимому, начинаетъ входить въ моду и массажъ, и какъ всякая новая въ Россіи мода, практикуется сперва столицами—Петербургомъ и Москвой, а уже затѣмъ проникнетъ оттуда въ провинцію, гдѣ явится еще не скоро.

За послѣдніе годы массажъ завладѣваетъ симпатіями петербургскихъ красавицъ все болѣе и болѣе. Не говоря уже о красавицахъ полусвѣта, даже и свѣтскія красавицы, обыкновенно вѣдь лѣнивыя даже въ ухаживаніи за собственною красотой по выходѣ въ замужество, нерѣдко нынѣ, по примѣру классическихъ Аспазій, занимаются съ удовольствіемъ массажемъ, убѣдившись на опытѣ, что массажемъ можно достигнуть такихъ же внѣшнихъ результатовъ, какъ и бѣлилами, румянами, корсетами и т. п. секурсами женскаго туалета, съ тою разницею, что массажъ черпаетъ свой элексиръ вѣчной пластичной красоты и молодости изъ собственныхъ крови и сока красавицъ, а косметическіе магазины чортъ ихъ знаетъ изъ какой клоаки черпаютъ свои элексиры красоты, свѣжести и молодости.

Микроскопическая война на жизнь и смерть.

изіологическое дѣйствіе массажа объясняется въ медицинѣ такимъ образомъ:

Ткани, изъ которыхъ построены органы нашего тѣла, состоятъ изъ клѣточекъ, которыя чрезвычайно малы, а потому въ безчисленномъ количествѣ и въ самыхъ разнообразныхъ формахъ входятъ въ составъ нашихъ тканей. Величина ихъ весьма различна; такъ, напр , въ 1 куб. миллиметрѣ крови содержится, по увѣренію врачей, до 5 милліоновъ такихъ клѣточекъ. Каждая клѣточека, какъ она ни мала, представляетъ изъ себя самостоятельный живой организмъ, который вбираетъ въ себя изъ окружающей ее среды, т. е. нашего же тѣла, разныя вещества, переработываетъ ихъ, а затѣмъ негодное выдѣляетъ изъ себя. Въ клѣточкѣ, по выраженію науки, совершается обмѣнъ веществъ, вслѣдствіе чего она питается, растетъ, размножается. Вотъ въ этомъ-то обмѣнѣ веществъ и коренится жизнь. Но все, что живетъ, неминуемо подлежитъ и смерти; клѣточки нашего тѣла недолговѣчны и, постоянно нарождаясь, за то постоянно же вымираютъ. На поверхности нашего тѣла, въ такъ называемой кожицѣ, постоянно удаляется треніемъ платья, обмываніемъ тѣла, треніемъ полотенца масса отжившихъ клѣточекъ. Перхоть на головѣ, шелушеніе на кожѣ, отростающіе волоса и ногти, наконецъ отхаркиваемая мокрота, выплевываемая слюна, высмаркиваемая слизь — все это состоитъ, при изслѣдованіи подъ микроскопомъ, изъ огромныхъ массъ умершихъ клѣточекъ. Когда мы сами живемъ и ведемъ борьбу за свое существованіе съ окружающею насъ природой и окружающими насъ людьми, въ то же са-

мое время въ нашемъ же собственномъ тѣлѣ идетъ такая же борьба за существованіе между этими мельчайшими организмами-клѣточками: слабыя и устарѣвшія изъ нихъ погибаютъ, сильныя и молодыя занимаютъ освободившіяся вакансіи, несутъ службу и выполняютъ предначертанную задачу.

Роковая необходимость питанія организма обусловливаетъ самую тѣсную связь его съ окружающимъ міромъ. Къ различнымъ видамъ взаимодѣйствія, въ которомъ животное тѣло находится относительно внѣшняго міра, принадлежитъ также и обмѣнъ газовъ посредствомъ поверхности тѣла. Теперь уже доказано, что атмосферный воздухъ входитъ въ организмъ человѣка не при одномъ только дыханіи посредствомъ легкихъ, но облекая всю поверхность тѣла, воздухъ вступаетъ съ этою поверхностью въ сообщеніе, воспринимаетъ газообразныя и парообразныя вещества изъ тѣла и отдаетъ ему, въ свою очередь, газообразный кислородъ. Человѣкъ съ его голою поверхностью тѣла болѣе всѣхъ другихъ животныхъ подлежитъ этому происходящему черезъ кожу взаимодѣйствію между тѣломъ и окружающею его средой, которое хотя болѣе или менѣе и умѣряется одеждою, но не уничтожается совершенно. Такимъ образомъ, кожа человѣка является какъ бы вспомогательнымъ органомъ легкихъ и *процессъ дыханія посредствомъ кожи*, точно такъ, какъ и посредствомъ легкихъ, находится подъ непосредственнымъ вліяніемъ нервной системы. Тѣсная связь кожи со всѣми органами тѣла становится понятною сама собою. Отсюда понятны и самыя измѣненія внѣшняго вида кожи при душевныхъ волненіяхъ; каждый знаетъ, что послѣ сильной досады она нерѣдко становится желтоватою съ грязноватымъ оттѣнкомъ, а при веселомъ душевномъ настроеніи, напротивъ, получаетъ болѣе свѣжій и болѣе блестящій видъ и т. д.

Теперь ясно, что все, что только можетъ благопріятно дѣйствовать на гигіену такого важнаго органа, какъ кожа, не можетъ не оказывать благодѣтельнаго вліянія и на весь организмъ человѣка.

Въ нормальномъ состояніи кожа покрыта, такъ сказать, нѣкотораго рода смазкой, состоящей, съ одной стороны, изъ остатковъ испарившагося пота, а съ другой—изъ смѣси жиро-

выхъ веществъ сальныхъ железокъ съ чешуйками, отъ постояннаго слущиванія кожицы. Такая естественная смазка кожи, увеличивающаяся при нечистоплотности, составляетъ весьма существенное препятствіе для физіологическаго отправленія кожи—именно *кожнаго дыханія*. Она затрудняетъ нормальное воспринятіе кожей кислорода изъ воздуха и отдачу ему углекислоты, но кромѣ того неблагопріятно дѣйствуетъ и на самыя отдѣленія сальныхъ и потныхъ железъ.

Какъ дѣйствуетъ массажъ.

Первое дѣйствіе массажа именно и состоитъ въ немедленномъ удаленіи съ кожи этого препятствующаго покрова. Вслѣдствіе чего первоначальное вліяніе массажа на кожные покровы *обнаруживается возбужденіемъ кожнаго дыханія*, а вѣдь извѣстно, что ничто такъ животворно не дѣйствуетъ на составъ крови, какъ актъ процесса дыханія; хорошій же составъ крови обусловливаетъ собою жизнедѣятельность каждаго изъ органовъ человѣка, не исключая и головнаго мозга.

Затѣмъ массажъ оказываетъ существеннѣйшее вліяніе на цѣлую группу важныхъ аппаратовъ тѣла, именно на мышцы. Массажъ дѣйствуетъ на кровеносные сосуды мышцъ въ родѣ насоса. Давленіе на эластическія стѣнки кровеносныхъ сосудовъ способствуетъ ихъ опорожненію отъ внутренняго давленія застоявшейся въ нихъ крови и возстановляетъ правильное въ нихъ кровообращеніе.

Отсюда понятно основаніе успѣшнаго примѣненія массажа при леченіи хроническихъ воспаленій, при которыхъ обычнымъ явленіемъ бываетъ набуханіе тканей, зависящее частью отъ увеличенія клѣточныхъ элементовъ, частью отъ расширенія волосныхъ сосудовъ. Поглаживаніями, сила которыхъ должна соразмѣряться съ каждымъ отдѣльнымъ случаемъ, вы-

зывается прямое давленіе на ткани и сосуды, которое помогаетъ дѣйствію присущей имъ эластичности, къ опорожненію отъ накопившихся между ними выпотовъ и разныхъ воспалительныхъ продуктовъ, при чемъ въ сосудахъ разминаемой части тѣла производится ускореніе теченія крови и болѣе быстрое удаленіе продуктовъ воспаленія Поэтому-то боль, происходящая вслѣдствіе напряженія и давленія тканей и воспалительныхъ продуктовъ на нервы, быстро устраняется.

Вообще физіологическое дѣйствіе массажа можно резюмировать такимъ образомъ: *массажъ ускоряетъ кровообращеніе, способствуетъ всасыванію, возбуждаетъ нервную дѣятельность и успокоиваетъ боль.*

Что касается до механическихъ пріемовъ массированія, то ихъ классифицируютъ въ 4 главныя группы, которыя и до сихъ поръ сохранили старую французскую терминологію массажа. Это: 1) effleurage, 2) massage à friction, 3) pétrissage и 4) tapotement. При первыхъ двухъ видахъ массированія кожа предварительно смазывается обильнымъ количествомъ жира.

1) Подъ терминомъ effleurage понимаютъ легкое, совершенно только поверхностное и медленное поглаживаніе больной части тѣла въ томъ направленіи, въ которомъ идутъ лимфатическіе и венозные сосуды и нервы; это поглаживаніе обыкновенно производится ладонною поверхностью всей кисти руки. Главная цѣль его—способствовать поступленію лимфы и воспалительныхъ продуктовъ въ общій потокъ кровообращенія и, такимъ образомъ, достигать ихъ удаленія изъ больной части тѣла. Этотъ видъ массированія употребляется преимущественно въ тяжелыхъ случаяхъ остраго воспаленія, когда воспаленныя мягкія части тѣла представляются красными, опухшими, горячими и чувствительными При такомъ состояніи иногда нужно бываетъ производить массированіе въ продолженіи получаса и даже часа. Замѣчательно, что при массированіи, иногда уже черезъ нѣсколько минутъ, боль мало-по-малу уменьшается, опухоль и жаръ почти-что исчезаютъ и къ концу сеанса обыкновенно сводятся до минимума.

2) Massage à friction (растираніе). Этотъ видъ массиро-

ванія производится гораздо сильнѣе и состоитъ частью изъ круговыхъ и частью изъ центростремительныхъ растираній. Цѣль его—механическимъ давленіемъ разрушить или разорвать новообразованные сосуды и полуорганизованные воспалительные продукты, вызвать въ тканяхъ болѣе дѣятельную реакцію, возбудить въ нихъ кровообращеніе и такимъ путемъ способствовать всасыванію. Хроническія воспаленія отдѣльныхъ мышцъ, или даже цѣлыхъ мышечныхъ отдѣловъ и т. д., представляютъ собою тѣ пораженія, при которыхъ эта форма массированія находитъ для себя наибольшее примѣненіе.

3) Pétrissage (разминаніе въ тѣсномъ смыслѣ) состоитъ въ томъ, что руками обхватывается извѣстная часть мышцъ, нѣсколько приподнимается вмѣстѣ съ окружающими частями и разминается руками. Поперемѣнно съ такимъ массированіемъ, тѣ же мышцы растираются всею рукой, съ производствомъ на нихъ давленія. Этотъ видъ массированія употребляется, напримѣръ, при остромъ и хроническомъ мышечныхъ ревматизмахъ, при невралгіи сѣдалищнаго нерва (ischias) и вообще тамъ, гдѣ желаютъ удалить изъ напряженныхъ мускуловъ всѣ причины, обусловливающія ихъ утомленіе, чтобы тѣмъ самымъ устранить и предупредить возможность появленія воспаленія въ самыхъ мышечныхъ волокнахъ.

4) Подъ tapotement понимаютъ поколачиваніе или постукиваніе извѣстной части тѣла. Когда оно производится сжатою рукой, то дѣйствуетъ на глубоколежащія части, а когда производится распрямленною кистью руки, то дѣйствуетъ больше на самую кожу. Поколачиваніе употребляется какъ съ цѣлью возбужденія, такъ и съ цѣлью пониженія нервной дѣятельности въ кожныхъ нервахъ или глубже лежащихъ нервныхъ вѣтвяхъ. При нѣкоторыхъ формахъ болѣзней, напр. при невралгіяхъ, можно даже употреблять, вмѣсто руки, маленькій молотокъ изъ слоновой кости.

Хотя массажъ, какъ мы видимъ изъ этого очерка, и имѣетъ большой кругъ для своего примѣненія въ болѣзняхъ, но, тѣмъ не менѣе, существуетъ множество болѣзней, гдѣ онъ совершенно не долженъ быть употребляемъ. Такъ, напримѣръ, во всѣхъ болѣзняхъ сочлененій, соединенныхъ съ гнойными

выпотами, массажъ окончательно неумѣстенъ, и кромѣ вреда, ничего не можетъ принести, и даже можетъ посодѣйствовать смертельному зараженію крови гноемъ.

Въ заключеніе, слѣдуетъ сказать, что тайна успѣха массажа, повидимому, кроется, какъ, съ одной стороны, въ самомъ искусствѣ производить необходимыя манипуляціи, такъ и, съ другой стороны, въ вѣрности сдѣланнаго врачемъ опредѣленія характера и сущности болѣзненнаго процесса въ каждомъ данномъ случаѣ. Само собою разумѣется, что и самъ паціентъ не остается безъ вліянія на успѣхъ леченія и чрезвычайно легко можетъ перевернуть вверхъ дномъ всѣ правильные разсчеты врача и массёра.

Каждая изъ вышеописанныхъ группъ пріемовъ массированія: effleurage, massage à friction, pétrissage и tapotement вызываетъ, какъ сказано, необходимость діагностики для своего примѣненія въ каждой отдѣльной формѣ болѣзней. Но при массированіи здоровыхъ людей съ цѣлью вообще гигіеническою или съ цѣлью доставленія наслажденія въ смыслѣ усиленнаго возбужденія тѣлеснаго и душевнаго благосостоянія всякое раздѣленіе употребляемыхъ при массажѣ пріемовъ на различныя группы и способы отбрасывается и примѣняется массажъ, составленный изъ сочетанія отдѣдьныхъ, вышеупомянутыхъ манипуляцій.

Способъ, употребляемый, обыкновенно, при массированіи здоровыхъ людей, состоитъ въ слѣдующемъ: паціента кладутъ на животъ; массёръ, хорошо смазавъ свои руки какимъ-нибудь масломъ, или жирнымъ веществомъ, чтобы имъ легче скользить было по кожнымъ покровамъ и чтобы въ нѣкоторомъ родѣ размягчить массируемыя части, сначала слегка растираетъ, разминаетъ затылокъ, надавливаетъ на него, не причиняя при этомъ никакой боли. Тѣмъ же манипуляціямъ подвергаются плечи, предплечія и кисти. На послѣднихъ, кромѣ того, жмутъ и вытягиваютъ нѣсколько пальцы. Послѣ того разминаютъ спину, отчасти сжатыми кулаками, отчасти же захватываютъ и сжимаютъ довольно большіе отдѣлы ея кожи на подобіе того, какъ это дѣлаютъ при выжиманіи мокрой губки. Когда спина уже достаточно размята, проводятъ смазаннымъ жиромъ большимъ пальцемъ отъ затылка до кончика, производя при этомъ до-

вольно сильное давленіе по сторонамъ и вдоль позвоночнаго столба. Такимъ же образомъ разминаются бедра, икры и т. д.

Послѣ такой генеральной манипуляціи паціентъ чувствуетъ, какъ по всему его организму расходится ощущеніе увеличеннаго благосостоянія. Кровь обращается легче, чувствуется какъ бы освобожденіе отъ громадной тяжести и какая-то до того неизвѣстная легкость и гибкость во всѣхъ членахъ.

Условія, требуемыя отъ хорошаго массёра, опредѣляются, по выраженію одного автора, всего тремя словами:

Scientia, prudentia, primumque patientia, т. е. знаніе, благоразуміе и прежде всего терпѣніе. Произнести эти три слова, конечно, не трудно, но обладать всѣми качествами, выраженными этими тремя словами—удѣлъ далеко не всякаго; въ особенности часто недостаетъ терпѣнія, котораго, думается мнѣ, не у всякаго хватитъ и читателя добраться до этихъ трехъ заключительныхъ словъ моей экскурсіи въ область медицины за массажемъ.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

ПЕТЕРБУРГА, МОСКВЫ и ОДЕССЫ

продается книга того же автора подъ иниціалами:

А. М. М. на

КРЫМСКІЯ ЦѢЛЕБНЫЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ

ГРЯЗИ ВЪ ДЕРЕВНѢ САКИ

и

МОРСКІЯ КУПАНЬЯ ВЪ ГОРОДѢ ЕВПАТОРІИ.

ОЧЕРКИ и КАРТИНКИ

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ПРИЗНАТЕЛЬНАГО ПАЦІЕНТА.

Цѣна 2 руб.

C7.N
1884

RA 878 .C7 N5 1884 C.1
Siluety Kryma /
Stanford University Libraries
3 6105 039 204 214

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

DOC JUL 20 1994

JUN 0 1994